БИБЛІОТЕКА СТУДЕНТОВЪ М. Д. АКАДЕМІИ.

Шкафъ 2
Полка 17 36
Мѣсто 13. 7
Отдѣлъ 19.
По отдѣлу № 54.
» инвентарю № 1010.

36/7

ННЫХЪ СТРОЕНІЙ.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
Б.С.М.Д.А.
М.С. АКСАКОВА

БИБ
Ш
По
Мt
От,
По
»

ОСНОВАНІЯ

НАУЧНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ СТРОЕНІЙ.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
Б.С.М.Д.А.
И.С. АКСАКОВА

ИГБГ
Л 622

ОСНОВАНІЯ

НАУЧНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ СТРОЕНІЙ

и

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

К. Л. Лихтанскаго

В. 4470.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18

МОСКВА, Петровка, домъ Михалкова, № 5

1883

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИГ67
Л622Р

ИЛ

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при Ц.К.В.К.П.(б)

93
В5
5571

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5).

ЧАСТЬ I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Глава I. Авторитетъ науки и событій въ дѣлѣ междучеловѣческихъ отношеній.

Глава II. Элементы общественности, государственности и свободы.

Глава III. Вліяніе русинской народности на государственный строй Рѣчи-Посполитой.

Глава IV. Вліяніе польской народности на государственный строй Россіи.

I.

АВТОРИТЕТЪ НАУКИ И СОБЫТІЙ ВЪ ДѢЛѢ МЕЖДУЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

Окидывая взоромъ путь, пройденный человѣчествомъ, прежде всего обращаемъ вниманіе на вопросъ о томъ: кому же оно обязано тѣми или другими побѣдами или пораженіями, радостями и печалями, достоинствомъ и униженіемъ?

Отвѣтъ ясенъ: кромѣ науки и событій, нѣтъ другихъ факторовъ, управляющихъ ходомъ прогресса. Или природа, или же пониманіе ея мотивовъ, цѣлей и путей; или не мы, или мы — одно изъ двухъ. Внѣ этого, есть, конечно, только Провидѣніе: въ причинѣ, средствѣ и цѣли бытія.

Итакъ, кому же довѣримся, чей руль лучше: природы или науки? Вотъ вопросъ, котораго, однако, въ абсолютномъ смыслѣ, разрѣшить невозможно. Научное рѣшеніе всегда лучше велѣній природы, но научная ошибка хуже простаго выполненіи этихъ велѣній.

Вотъ почему, задавшись вопросомъ о научномъ строеніи государства и о modus vivendi соглашенія русской и польской народностей, мы не стоимъ ни за тѣ или другіе, предлагаемые современною мыслію, рецепты, ни за авторитетъ событій, но стоимъ крѣпко за неотложность научнаго рѣшенія этихъ вопросовъ.

Да, наука еще неавторитетна въ задачахъ междучеловѣческихъ отношеній. Ея голосъ громокъ въ аудиторіяхъ и конгресахъ, но на поприщѣ общественной практики его не слышно. Ея голосъ разлагается здѣсь на безчисленные оттѣнки и гибнетъ среди гула приговоровъ практики.

Но что же возводитъ общественную науку на пьедесталъ авторитетной для событій силы? Конечно, возводитъ ее на эту высоту рѣшеніе тѣхъ или другихъ общественныхъ задачъ.

Наука не располагаетъ арміями воиновъ, работниковъ, артистовъ и т. п., — она внѣшнимъ образомъ является безпомощною; но она располагаетъ доказательствомъ, а передъ молніею научнаго доказательства упрямство честнаго человѣка — безсильно.

Вотъ почему, если вѣрно, что эра новой жизни человѣчества возможна только съ того момента, когда наука возвыситъ свой рѣшающій голосъ; если вѣрно, что высшее благо и единичныхъ личностей и народовъ — именно въ объектахъ этихъ рѣшеній, то самою плодотворною считать нужно, въ настоящее время, не

ту дѣятельность, которая, такъ или иначе, ведетъ фактическую борьбу за преуспѣянія человѣческаго дѣла, а ту, которая обдумываетъ ручательства, гарантіи этихъ совершенствованій.

Нужно прежде обдумать, т. е. научно рѣшить вопросъ объ этихъ гарантіяхъ, и тогда только приниматься за фактическую сторону дѣла; мы же, напротивъ, стремимся насильно обогнать научное убожество, а это невозможно. Умственное убожество устраняетъ не пуля и динамитъ, а ученый трудъ.—Предъ свѣточемъ науки, въ вопросѣ о мотивахъ, цѣляхъ и путяхъ человѣческаго дѣла должна уступить причина зла, но безъ этого свѣточа, поддаваясь велѣніямъ природы,—да, велѣніямъ природы, потому что внѣ науки есть только онѣ,—невозможно спорить съ этими велѣніями.

Вмѣсто честныхъ научныхъ изслѣдованій, мы заняты частнымъ, печатнымъ и школьнымъ назиданіемъ; какъ-будто неизвѣстно всему міру, что ни одинъ соціозофическій вопросъ не разрѣшенъ окончательно? Далѣе, насъ занимаетъ дѣло прикрыванія убожества науки, и это пагубно, потому что гипотезы возводятся въ такомъ случаѣ на степень руководящихъ научныхъ началъ. Или наконецъ, что еще хуже, переходимъ прямо къ фактической сторонѣ дѣла, т. е. къ насильственной борьбѣ, ломкѣ и т. п., какъ будто научное рѣшеніе уже на нашей сторонѣ, и остается только фактическая сторона его выполненія.

Вотъ почему намъ-бы казалось, что кромѣ педагогическихъ рвеній, нужно еще обученіе самого себя, т. е. самостоятельный трудъ надъ рѣшеніемъ соціозофической задачи; вмѣсто прикрыванія своего невѣжества и немощности науки, нужно честное и откровенное признаніе въ этомъ убожествѣ. Признаніе это поведетъ за собою принятіе надлежащихъ мѣръ къ обезпеченію возможности научныхъ побѣдъ — о чемъ теперь ни общество, ни правительство вовсе не думаютъ, а обезпечивъ эти побѣды, учредивъ *университеты изслѣдованій* и т. п., выйдемъ на ясный путь научнаго руководительства жизнью.

Конечно, не споримъ, есть моменты, когда дѣло обгоняетъ научное рѣшеніе, но это крайность не болѣе; насъ же занимаетъ вопросъ объ общемъ ходѣ совершенствованія, исключающемъ такіе моменты: существенная побѣда дороже всякихъ противоядій.

И такъ, самою плодотворною нужно считать, въ настоящее время, ту дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью поставить научныя ручательства, торжество жизненной истины.

Мы, въ настоящемъ трудѣ, дѣлаемъ попытку научнаго рѣшенія двухъ вопросовъ, которые составляютъ главную тревогу настоящаго дня. Попытки обыкновенно удаются, если пускаемъ въ ходъ хорошій пріемъ и если, въ свою очередь, располагаемъ достаточною

долею свѣдѣній и сообразительности.—Послѣднее условіе касается насъ лично; остается, слѣдовательно, познакомить читателя съ методомъ, котораго будемъ придерживаться въ настоящемъ изслѣдованіи.

Пріемъ для всѣхъ критическихъ работъ—одинъ и тотъ-же, но легко различить въ немъ два элемента, изъ которыхъ первый касается уразумѣнія историческихъ фактовъ, другой же опирается на изученіи человѣческой природы.

Очевидно, наконецъ, что ни историческіе факты, ни естественныя и нравственныя стремленія человѣческой природы, сами по себѣ, не освѣщаютъ объектовъ жизненно-истиннаго, потому что и эти факты, и стремленія только тяготѣютъ къ этому истинному; вслѣдствіе чего, невозможно разобраться въ научномъ матеріялѣ критическаго изслѣдованія внѣ приговоровъ внутренняго т. е. основнаго процесса нашихъ психическихъ способностей.

Мы не будемъ утомлять читателя частностями нашей работы. Эти частности мы оставимъ при себѣ; его же познакомимъ только съ рѣшающими моментами нашего изслѣдованія и, наконецъ, постараемся представить т. е. сформулировать рѣшенія занимающихъ насъ задачъ.

Изучая научное строеніе государства и modus (vivendi) соглашенія двухъ народностей, для насъ, очевидно, будетъ важно прослѣдить историческій ходъ го-

сударственнаго строенія съ одной стороны, и ходъ этихъ отношеній—съ другой. Это дозволитъ намъ подмѣтить центръ тяготѣнія рѣшающихъ эти вопросы событій.—Но историческое это изслѣдованіе невозможно, пока мы не съумѣемъ различить отношеній хорошихъ отъ дурныхъ, и строеній надлежащихъ отъ ошибочныхъ. И вотъ почему обѣ стороны нашего пріема должны восполнять другъ-друга и изслѣдованія, основанныя на познаніи человѣческой природы, должны руководить изысканіями историческаго порядка, восполняя и направляя другъ друга.

Наконецъ, мы обязаны предупредить читателя, что задачу о научномъ государственномъ строеніи ставимъ въ соотношеніе съ степенью зрѣлости общества, а не абсолютно.

Задачи, поставленной такимъ образомъ, общественная наука, какъ извѣстно, не только не рѣшила, но даже ею, къ сожалѣнію, не задавалась. Паралельныя съ степенью развитія общества идеалы государственнаго строенія были для нея тою мечтою, къ которой мысль человѣческая не считала необходимымъ приблизиться, предпочитая, вмѣсто этого, пріискивать норму государственнаго строенія, пригодную для всѣхъ ступеней цивилизаціи — или же отстаивать то авторитетъ, то свободу, то верховенство власти, то верховенство личности. Къ счастію, однако, власть и свобода—величины, такъ сказать, различнаго

наименованія, вслѣдствіе чего замѣнить другъ-друга не могутъ. Догадались, однако, на мѣсто свободы подставить совершенно другой факторъ, а именно факторъ аристократическаго элемента государственности — однимъ словомъ, сеймъ, парламентъ. Вслѣдствіе этой замѣны получились два дѣйствительно-однородныхъ элемента: престолъ и сеймъ. И вотъ, принимая интересы сейма за интересы свободы, удалось наконецъ перепутать задачу такимъ образомъ, что рѣшеніе ея, на почвѣ сдѣланной постановки сдѣлалось немыслимымъ.

Такимъ то образомъ, политическая наука задалась отысканіемъ трехъ невозможностей: 1) устроенія государства безъ всякаго отношенія къ уровню общественнаго развитія; 2) абсолютныхъ границъ между государствомъ и свободою, и 3) отысканіемъ гарантій свободы въ представительствѣ, какъ будто представительство—сеймъ, парламентъ—не есть одинъ изъ элементовъ государства.

Вотъ тѣ трудности, которыя постараемся устранить, прежде нежели приступимъ къ рѣшенію вопроса о строеніи государства, отвѣчающемъ данному уровню общественной зрѣлости.

Намъ предстояло: или выждать очереди касательно разработки государственнаго вопроса въ нашемъ сочиненіи *), которое мы только что начали

*) Zarysy Antropozofii. Warszawa 1881.

печатать и въ которомъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, предметъ этотъ разработанъ доказательно и систематически, но такая частность въ предметѣ антропозофіи, какъ государственная наука, не скоро дождется въ печати своей очереди. Далѣе, могли мы нарушить порядокъ представленія нашего труда и пустить въ свѣтъ ту его часть, въ которой задаемся государственнымъ началомъ общественной жизни, но окончательная разработка этой его части потребовала бы тоже не менѣе года времени. Между тѣмъ отношенія польской и русской народностей съ одной стороны, и двухъ элементовъ государственной жизни въ Россіи — съ другой, принимаютъ все болѣе и болѣе натянутый характеръ, вслѣдствіе чего вмѣшательство научнаго слова дѣлается неотложнымъ. И вотъ почему мы рѣшились высказаться, касательно этихъ вопросовъ отдѣльно, въ менѣе тѣсныхъ рамкахъ.

Полагаемъ, что не только мы, лично, но что каждый, считающій себя въ силахъ способствовать перенесенію политической и государственной борьбы съ физической почвы на научную, не имѣетъ права въ настоящее время молчать.

Ни останавливаться на приговорахъ событій, ни выжидать новыхъ кризисовъ—неблагоразумно, а тѣмъ менѣе благоразумно вмѣшиваться въ эти приговоры насильственнымъ путемъ, не уяснивъ прежде тѣхъ цѣлей—идеаловъ, которые научно основательны. Идеалы

ложные хотя и достижимы, но только на время: они только подготовляютъ почву для ошибокъ противоположнаго характера, и такъ до безконечности.

Наконецъ неоспоримо, что вмѣшательство науки всегда плодотворно: оно умаляетъ крайности, освѣщаетъ положеніе и, что самое главное, подготовляетъ фактическую почву авторитета науки.

Попытаемся же рѣшить то, что безспорно должно подлежать рѣшеніямъ научной мысли. Голосъ ученаго міра нынѣ разнорѣчивъ и робокъ; но вѣдь не такова его будущность. Ему неизвѣстно начало, управляющее исходами междучеловѣческихъ и международныхъ отношеній; постараемся же найти его. Все разумное можетъ быть такъ или иначе рѣшено.

Замѣтимъ, что наука не посягаетъ на весь авторитетъ событій; арены для этого послѣдняго останется всегда довольно, но, разъ навсегда, мысль человѣческая должна сдѣлать брешь въ этомъ авторитетѣ; разъ навсегда, говоримъ, она должна отстоять присущую ей долю власти. Есть сфера человѣческаго дѣла, гдѣ наука всегда будетъ уступать велѣніямъ событій, но есть и другая, гдѣ событія должны уступить главенство наукѣ.

Да, задачу могутъ осложнить новыя ошибки борьбы; въ бою и гоненіяхъ накипѣвшія ненависти и печали сдѣлаютъ позицію событій еще менѣе доступною: голосъ довода глохнетъ въ жару борьбы и въ тріумфахъ ея свѣжихъ приговоровъ.

Не время, слѣдовательно, молчать, а напротивъ, всѣ усилія мыслящихъ людей обѣихъ обществъ должны быть направлены къ тому, чтобы водрузить знамя науки въ основныхъ вопросахъ человѣческаго дѣла съ одной стороны, и перенести споръ элементовъ государственной жизни—съ физической, на научную почву, съ другой.

Читатель! мечъ долженъ подѣлиться властью съ наукою. Событія не могутъ на всегда оставаться верховнымъ руководителемъ нравственной, экономической и государственной судьбы людей. Наука должна отстоять во всемъ этомъ присущую ей долю главенства. Невообразимы тѣ прелести, которыя растутъ на этой почвѣ. И одно только нужно: беззавѣтный умственный трудъ, тотъ трудъ, который безъ злобы и горечи, безъ щегольства и зависти думаетъ и наблюдаетъ, и еще разъ наблюдаетъ и думаетъ, забывъ себя и все въ тяжкой работѣ, пробивающей накипи человѣческихъ ошибокъ, раздѣлившія жизнь отъ правды. Не къ оружію, а къ этому труду взываемъ! И неужели побоимся пораженія, когда побѣда — только вопросъ времени, и неужели пораженія заставятъ насъ страдать, когда побѣда неминуема.

Въ этой многовѣщающей борьбѣ науки съ верховенствомъ событій, мы ограничимся, слѣдовательно, настоящій разъ, первымъ ея шагомъ, который вызванъ практическими нуждами времени.

Народности польская и русская не могутъ быть обоюднымъ тормазомъ, но должны войти въ такія отношенія, которыя бы составили почву для дружныхъ трудовъ на пользу истины. Два элемента государственной жизни тоже не могутъ исключать другъ друга, въ Россіи, а должны сочетаться на почвѣ научнаго строенія государства.

Будущее не передъ тѣми народами, которые способны уступать только передъ внутреннимъ или внѣшнимъ насиліемъ, а передъ тѣми, которые способны уступать передъ научнымъ доказательствомъ!

II.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И СВОБОДЫ.

Люди, отстаивая тѣ или другіе мотивы, пути и цѣли, находятъ, обыкновенно, другъ въ другѣ или поддержку, или помѣху. Объекты ихъ стремленій могутъ быть согласны съ велѣніями жизненной истины, или же съ этими велѣніями несогласны. Вслѣдствіе этого помѣха можетъ быть умѣстна или неумѣстна, помощь спасительна или вредна.

Такимъ-то образомъ, въ виду неизвѣстнаго достоинства цѣлей, къ которымъ стремимся безсознательно, или же которыя преслѣдуемъ сознательно, ни поддержка, ни помѣха не должны быть предпочитаемы, и наконецъ оба эти проявленія междучеловѣческихъ отношеній неизбѣжны: разъ стремимся къ надлежащимъ цѣлямъ — поддержка благотворна; другой разъ — къ ошибочнымъ — помѣха благотворна.

Мотивы, пути и цѣли безразличные невозможны, а слѣдовательно и отношеній безразличныхъ не бываетъ. То, что обыкновенно называемъ отношеніями безразличными, есть, въ сущности, затаенная взаимная помѣха.

Слѣдовательно, вся суть соціозофической задачи состоитъ въ томъ, чтобы установить научную почву отыскиванія и осуществленія тѣхъ мотивовъ, путей и цѣлей, которые, для данныхъ личностей, будутъ надлежащими.

Наконецъ, опираясь на эти указанія науки, устраиваемъ фактическія и юридическія отношенія общественной среды такимъ образомъ, что цѣли ошибочныя встрѣтятъ помѣху, отыскиваніе же и проведеніе цѣлей надлежащихъ найдетъ возможную поддержку.

Это и составитъ почву общественности.

Почва общественнаго давленія и поддержки можетъ быть двоякаго характера: принудительнаго и убѣждающаго. Въ первомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ собирательнымъ авторитетомъ т. е. съ государствомъ, во второмъ же—съ собирательнымъ убѣжденіемъ т. е. съ устроенною свободою.

Отношенія авторитетныя и свободныя существуютъ не только между огульною личностью и единичною, но равнымъ образомъ и въ частныхъ случаяхъ. Побѣждаемъ или убѣждаемъ; приказываемъ или доказываемъ. Уступаютъ намъ, поддерживаютъ насъ или

вслѣдствіе необходимости естественной, или же вслѣдствіе необходимости нравственной.—Въ первомъ случаѣ отношенія наши, очевидно, авторитетнаго, во второмъ же—свободнаго характера.

И такъ, государство и свобода зиждятся на мірахъ естественномъ и нравственномъ, и, слѣдовательно, если эти міры неисключимы, то, равнымъ образомъ, еще неисключимы два порядка общественныхъ сочетаній: авторитетный, въ которомъ дѣйствуемъ внутреннимъ или внѣшнимъ принужденіемъ, и свободный, въ которомъ уступаемъ по убѣжденію.

И такъ, государство въ сущности ничто иное, какъ внѣшне-принудительный элементъ собирательности. Собирательность проводитъ здѣсь тѣ или другіе мотивы, пути и цѣли авторитетно.

Теперь попытаемся сдѣлать анализъ государственнаго элемента.

Общественная собирательность, развивая свое принудительное отправленіе, стремится, какъ это выше пояснено, къ тому, чтобы поддержать отыскиваніе надлежащихъ исходовъ междучеловѣческихъ отношеній, и укротить стремленія укоснительнаго характера. Задаваясь этимъ, она ищетъ критерія исходовъ надлежащихъ и находитъ его или въ общемъ благѣ, составляющемъ ничто иное, какъ общеніе единичныхъ надлежащихъ цѣлей, или же въ благѣ каждаго гра-

жданина, которое есть ничто иное, какъ частное отъ анализа общаго блага.

Такимъ образомъ, исходя отъ общаго и частнаго, государственная дѣятельность освѣщаетъ тѣ цѣли нравственнаго, естественнаго и общественнаго совершенствованія, ради принудительной защиты которыхъ существуетъ государство.

Если, слѣдовательно, голосъ и дѣятельность общества *какъ одной личности*, и голосъ и дѣятельность общества, *какъ каждой личности*, одинаково нужны для выполненія государственныхъ цѣлей, то отсюда ясно, что воля престола и воля общества составляютъ два восполняющіе другъ друга элемента государственной жизни.

Не только, однако, на почвѣ необходимости сочетанія двухъ пріемовъ, съ помощью которыхъ правительственная воля отыскиваетъ надлежащее свое направленіе, но, равнымъ образомъ, и на почвѣ двоякаго порядка способностей, съ помощью которыхъ человѣческая личность рѣшаетъ тотъ или другой жизненный вопросъ, доказать можно, что опека и представительство неисключимы и составляютъ два элемента одного и того же государственнаго авторитета.

Наконецъ, есть множество другихъ доказательствъ, которыхъ коснемся послѣ.

Мы воздержимся отъ анализа начала свободы, потому что, сосредоточивая въ настоящемъ трудѣ наше

ИМЭЛ при Ц.К.В.К.П.(б)

вниманіе на государственной сторонѣ общественной жизни, оставляемъ разработку свободной ея стороны до слѣдующаго раза.

Такимъ-то образомъ, принудительное и свободное взаимодѣйствіе единичныхъ и собирательныхъ общественныхъ силъ, выраженное посредствомъ двоякаго порядка факторовъ, составляетъ процессъ общественной жизни.

А надлежащее взаимодѣйствіе ихъ ведетъ къ здоровому сочетанію общественныхъ отношеній, которое и составляетъ общественность.

Изъ сказаннаго ясно, что вообще соціозофическая задача сводится къ вопросу о надлежащемъ сочетаніи двухъ элементовъ общественности, т. е. государства и свободы, двухъ факторовъ государства, т. е. престола и представительства, и двухъ факторовъ свободы, т. е. церкви и товарищества.

Въ наукѣ, слѣдовательно, находимъ руководительную почву этого сочетанія, почву же его дѣйствительную не можетъ составить ничто иное, какъ фактическое устроеніе общества.

Прежде, нежели начнемъ историческія изслѣдованія, которыя должны намъ бросить нѣкоторый свѣтъ на modus vivendi — соглашенія обѣихъ народностей и сочетанія элементовъ государства, мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько разрозненныхъ соображеній.

Допустимъ, что данному обществу угрожаетъ боль-

шая опасность, напр. наводненіе, эпидемія, нашествіе варваровъ и т. п., и что общество это неустроено ни въ государственномъ, ни въ товарищескомъ отношеніи. Исходъ, въ этомъ случаѣ, можетъ быть двоякій. Или энергическая личность облекаетъ себя властью и устраиваетъ принудительную оборону; но облечь себя властью невозможно безъ согласія на то народа; или же дѣльнѣйшимъ членамъ общества будетъ довѣрено руководство защитою. Тамъ элементъ опеки, здѣсь — представительства.

Возразить можно, что общество, способное избрать своихъ руководителей, не нуждается въ опекѣ. Но выводъ этотъ не вѣренъ, потому что на плечахъ нижняго слоя очутился бы весь грузъ дѣла защиты, и вотъ онъ облекаетъ, въ свою очередь, личность, способную его защитить.

Далѣе можемъ имѣть дѣло съ обществомъ, которое уже не нуждается въ принужденіи для того, чтобы отстаивать хорошее. Дѣятельность его рѣшается, слѣдовательно, добровольно—въ силу вѣрованій и доказательствъ.—Вотъ два элемента свободы упорядоченной, если она организована, и неупорядоченной, если она—какъ это, до сихъ поръ, имѣетъ мѣсто даже въ передовыхъ обществахъ—находится въ дикомъ состояніи.

Слѣдовательно, организмъ, государственныхъ отправленій держится взаимодѣйствіемъ двухъ принудительныхъ теченій: одного, исходящаго отъ общаго къ

частному—воля престола, и другаго, исходящаго отъ частнаго къ общему—воля страны.

Можемъ еще замѣтить, что изолированный и верховный голосъ самоуправленія впадаетъ въ потворствованіе сильнѣйшимъ членамъ общества, въ неуваженіе естественной стороны человѣческаго права, въ деспотизмъ условный и деспотизмъ законный. Общество ищетъ въ такомъ случаѣ защиты отъ своенравія руководящаго слоя и находитъ ее въ мѣстной и краевой опекѣ, т. е. въ волѣ престола. Опека опирается не на общественное мнѣніе, которое вырабатываетъ, конечно, верхній слой, а на симпатіи слоя руководимаго — т. е. народа. Она не склонна потворствовать добытую сторону человѣческаго права, а напротивъ относится къ ней болѣе или менѣе безучастно, не склонна стѣсняться приличіями, законами, статутами, а напротивъ, старается подвести все это подъ норму личнаго, а слѣдовательно, живаго усмотрѣнія. Здѣсь защищается, главнымъ образомъ, естественная сторона человѣческой личности и человѣческаго права, вслѣдствіе чего ограниченія привиллегій политическихъ, экономическихъ и государственныхъ исходятъ всегда отъ престола.

Само собою разумѣется, что изолированная отъ юридическаго представительства и отъ вліяній общественнаго мнѣнія опека впадаетъ въ крайности; она изъ стадіи неуваженія добытой стороны правъ

личности и общества можетъ перейти въ стадію поруганія всего того, чѣмъ личность человѣческая считается самозависящею силою. И вотъ, общество нейтрализируетъ эти крайности, ставя противъ воли престола волю народа, противъ государственныхъ правъ бюрократіи—государственныя права представительства.

Слѣдовательно, оба элемента государственной жизни служатъ взаимными гарантіями такого хода государственнаго дѣла, которое тяготѣетъ къ соглашающей отношенія гражданъ общественной правдѣ, и которое не впадаетъ въ промахи, свойственные центростремительному и центробѣжному теченію правительственной воли.

Игнорировать, слѣдовательно, одинъ изъ элементовъ государственности — тоже самое, что игнорировать одинъ изъ пріемовъ отыскиванія и проведенія общественнаго блага или—отказываться, отъ которой-нибудь изъ сторонъ человѣческихъ способностей, игнорировать который-нибудь изъ общественныхъ слоевъ или, наконецъ, отказываться отъ уваженія которой-нибудь изъ сторонъ человѣческаго права: естественной или добытой.

Понятно, что строеніе государственной жизни должно соотвѣтствовать уровню общественнаго развитія; что почва сочетанія обоихъ его элементовъ должна быть надлежащею и съ естественной, и съ искуственной точки зрѣнія. Но это уже окончательные вопро-

сы, которыхъ рѣшеніе оставляемъ къ концу нашего труда.

Непониманіе этихъ основныхъ истинъ общественнаго, государственнаго и товарищескаго строенія задерживаетъ современную соціозофическую науку на почвѣ безплодной борьбы, то за которое-нибудь изъ началъ общественности, то за который-нибудь изъ факторовъ государственности или свободы.

Непрозрѣвъ согласимости всего этого, исходящей отъ степени развитія общества, руководящей этою согласимостію, западно-европейская мысль продолжаетъ на всѣхъ поприщахъ философскаго изслѣдованія многовѣковой споръ матеріялизма съ идеализмомъ и защищаетъ вслѣдствіе этого, то верховенство государства, то верховенство свободы, отстаивать то престолъ, то сеймъ, то церковь, то товарищество и т. д.

Конечно, въ настоящее время, торжествуетъ идея отрицанія правъ личности и обоготвореніе абсолютной свободы и абсолютнаго равенства. Оказалось, однако, что абсолютная свобода и абсолютное равенство исключаютъ другъ друга, и что, вмѣсто защиты личности въ дѣйствительныхъ ея правахъ, вышла продажность, аферизмъ, норовящій посадить въ тюрьму все честное и правдивое; вышелъ, однимъ словомъ, пролетаріатъ, рабочій вопросъ, женскій вопросъ, сиротскій вопросъ и т. д. Изъ рукъ государства исторгнутъ авторитетъ, изъ рукъ церкви исторгнута свобода. Долой съ церковью и государствомъ! Потише!

Церковь стоитъ на свободѣ: побѣдимъ печали смерти, и церковь не нужна. Государство стоитъ на принужденіи: побѣдимъ печали жизни — и государство не нужно.

И такъ знаемъ, что такое элементы общественныхъ, государственныхъ и товарищескихъ отправленій. Мы уже намѣтили, что ихъ сочетаніе возможно только на почвѣ относительной степени зрѣлости обществъ, и этого намъ пока достаточно, чтобы приступить къ изслѣдованію взаимныхъ вліяній польской и русской народностей и уразумѣть отсюда основныя черты соглашенія обоихъ элементовъ государства.

III.

ВЛІЯНІЕ РУСИНСКОЙ НАРОДНОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ БЫВШЕЙ ПОЛЬШИ.

Политическая судьба бывшей польской Рѣчи-Посполитой извѣстна, но не выяснены тѣ культурные и общественные идеалы, которые были главною причиною разложенія ея государственной жизни, а не выяснены потому, что для этого нужно прежде изучить законы, управляющіе человѣческою жизнью вообще, а государственною въ особенности.

Вотъ почему мы принуждены были коснуться основныхъ сторонъ этой задачи въ предъидущей главѣ. Зная въ самыхъ общихъ чертахъ значеніе элементовъ и факторовъ общественной жизни, намъ легче будетъ разобраться въ настоящемъ историческомъ изслѣдованіи.

Мы очень далеки отъ тѣхъ, заявляющихъ себя по философіи исторіи, псевдоученыхъ мнѣній, по которымъ причинъ того или другаго оборота обще-

ственной жизни нужно искать въ расположеніи или козняхъ сосѣдей, въ затѣяхъ и страстяхъ личностей, въ темпераментѣ народа и т. п., а далеки потому, что сознаемъ ясно, въ какой степени всѣ эти пороки, козни, темпераменты и т. п., составляютъ слѣдствіе сдѣланныхъ даннымъ народомъ ошибокъ въ выборѣ направленія культурнаго развитія.

Конечно, нельзя отрицать, что вліяніе климата, расы и вообще естественныхъ условій отражается на ходѣ жизни даннаго народа; но отражается только въ той мѣрѣ, на сколько народъ не вмѣшивается, сознательно, въ устроеніе почвы; характеровъ, творчества и общественности. Съ этого же момента естественныя вліянія сходятъ на зависящее положеніе: жизнь уступаетъ долгу. Вѣрно также и то, что ученые, гражданскіе и государственные подвиги личности подвигаютъ человѣческое дѣло, но подвигаютъ его именно тѣмъ, что вводятъ жизнь въ болѣе достойную колею; на почвѣ же данныхъ ошибокъ, дѣятельность чѣмъ искреннѣе и энергичнѣе, тѣмъ къ большимъ ведетъ осложненіямъ.

Помимо, слѣдовательно, условій естественныхъ и вліяній личныхъ, первенствующая роль остается за факторами умственнаго порядка. Они направляютъ и общество, и личность. Если данный народъ останавливается фанатически на ошибочныхъ идеалахъ совершенствованія, то, на почвѣ этихъ идеаловъ, не-

премѣнно, явятся бѣдствія и катастрофы. Умственные факторы условливаютъ планъ той естественной почвы, на которой человѣческая личность должна сразиться съ событіями, и очевидно, что невѣрный планъ ведетъ за собою пораженіе, помимо всѣхъ естественныхъ удобствъ и личныхъ качествъ. Личность бравируетъ ошибки только отрѣшаясь отъ нихъ, и точно также, народы прогрессируютъ не иначе, какъ отрѣшаясь отъ ложныхъ идеаловъ жизни.

И такъ, природу, повторяемъ, можно исправить, личную жизнь можно усовершенствовать, но избавиться отъ послѣдствій ошибокъ и фальши, не исправляя самой лживости и ошибочности, невозможно.

Вотъ почему, разбирая вопросъ о взаимныхъ вліяніяхъ обѣихъ народностей съ окончательной т. е. съ философской точки зрѣнія, мы оставляемъ особенности расы, климата, темпераментовъ и т. п. въ сторонѣ, и тѣмъ болѣе въ сторонѣ, что народности русская и польская соплеменны и смежны. Взамѣнъ же этого остановимъ наше вниманіе на тѣхъ государственныхъ и общекультурныхъ идеалахъ, которые неминуемо приводили и приводятъ обѣ народности къ тѣмъ или другимъ отношеніямъ и послѣдствіямъ.

И такъ, познакомимся прежде съ историческими фактами политическихъ и культурныхъ отношеній обѣихъ народностей въ до-раздѣльномъ періодѣ. —

На этой почвѣ событій и идеаловъ надѣемся

выяснить, что лозунгъ международныхъ отношеній стараго времени—„ты или я“—не составлялъ и не составляетъ основной причины многовѣковой дуэли этихъ народностей, и что причину эту нужно искать въ противоположности культурныхъ и государственныхъ направленій, принятыхъ тою и другою народностію. Сегодня разрѣшимъ эту противоположность, и завтра раздѣляющія обѣ народности пренебреженія, ненависти, опасенія и т. д. останутся безъ питательныхъ соковъ, вслѣдствіе чего дальнѣйшая борьба сдѣлается немыслимою.

Въ виду рѣшенія, насиліе не нужно, въ виду же фактической равноправности, главенство невозможно.

Политическое отношеніе польской и русской народностей самымъ яркимъ образомъ выступаетъ на фонѣ взаимныхъ пререканій и распрь польскаго дворянства и русинскаго казачества, въ б. Рѣчи-Посполитой. Здѣсь-то фактически убѣждаемся, что и не хищничество, и не религіозныя и національныя ненависти, и даже не главенство, объ которомъ одна сторона вовсе не помышляла, а что гораздо болѣе глубокая причина раздѣляетъ эти народности.

Для насъ здѣсь безразлично—откуда, почему и какимъ образомъ сплотилось казачество и стало, наконецъ, не только физическою, но и нравственною силою, съ которою приходилось считаться тому или другому сосѣду. Для насъ достаточно констатировать, что въ

строѣ древней польской Рѣчи-Посполитой (республики) существовалъ своеобразный организмъ казацкой вольницы, боровшійся нѣсколько вѣковъ за свою политическую, экономическую и религіозную самостоятельность. И такъ, мы попытаемся прослѣдить фазисы этой борьбы и осмыслить ея историзофическое значеніе.

Можемъ, слѣдовательно, согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ историковъ, что казачество, какъ нѣчто органически цѣлостное, выдѣлилось изъ остальнаго русинскаго населенія около 1360 г., при польскомъ королѣ Казимірѣ Великомъ. Первый слѣдъ юридическихъ гарантій находимъ въ привилегіи дарованной казакамъ королемъ Владиславомъ Ягеллономъ, за услуги, оказанныя ими въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ, гдѣ, какъ извѣстно, казацкіе полки первые сломили непріятеля. Въ привилегіи этой, между прочимъ, говорится: „рыцарство русское съ рыцарствомъ польскимъ и литовскимъ должны считаться за одно, какъ равныя съ равными и вольныя съ вольными во всѣхъ совѣтахъ, должностяхъ, достоинствахъ“ и т. д. Грамата эта оканчивается изъятіемъ казаковъ изъ литовской зависимости, на томъ основаніи, что „рыцарство русское многократно, проливаемою кровью, искупило свою независимость“. Казалось, чего бы больше! Дѣло, однако, остановилось на почвѣ пергаментовъ. Жизнь представила условія несовмѣстимыя съ завѣреніями граматы.

Внѣшніе реагенты общечеловѣческой цивилизаціи, главными проводниками которыхъ были тогда въ славянскомъ мірѣ поляки, имѣли слишкомъ слабый отголосокъ въ тогдашней Руси.—Патріархальный строй міровоззрѣнія и отношеній этой среды не могъ приспособиться къ той культурной высотѣ, на которой находилась тогдашняя польская интелигенція. Никогда искренній, но темный человѣкъ не считаетъ себя равнымъ въ обществѣ людей, одинаково честныхъ, но обладающихъ гораздо большими нравственными, естественными и общественными гарантіями этой честности; а тѣмъ болѣе соціозофическій этотъ законъ ненарушимъ во взаимныхъ отношеніяхъ собирательныхъ личностей.

Послѣ этого, не станемъ удивляться, что дарованныя привилегіи оставались мертвою буквою. Гордое уваженіемъ къ закону и къ условіямъ высшаго порядка: чести, приличію, вѣжливости, обязанностямъ семейнымъ, родственнымъ, патріотическимъ и общечеловѣческимъ—польское дворянство стало здѣсь рядомъ съ такою же гордою внутренними доблестями, но не оживленною преданностію дѣлу науки, искусства, творчества, неуважающею законовъ и условій, выработанныхъ человѣчествомъ, а слѣдовательно съ непочатою — въ значеніи обладанія искуственными гарантіями доблестей—силою казачества. Послѣдняя отступила.

Четырнадцатое столѣтіе не умѣло еще бравировать явныхъ несообразностей. Печальное это искусство усвоено только недавнимъ временемъ. Намъ понадобилось отрѣшиться на время отъ голоса здраваго смысла, въ видахъ возможности испытанія практической провѣрки тѣхъ или другихъ, а въ особенности государственныхъ утопій.

Прибавимъ, что мелочныя различія формальной стороны вѣроисповѣданій, національностей, обычаевъ и т. п. имѣли въ то отдаленное время гораздо большій голосъ въ дѣлѣ взаимныхъ симпатій, правъ и обязанностей, нежели теперь. Честная и разумная устойчивость облагораживаетъ, по нашимъ понятіямъ, любую внѣшность, занятіе, положеніе, національность, вѣроисповѣданіе и т. д.; но тогда уже одинъ фактъ различія національности—не говоря уже о степени соотвѣтствія культурнаго уровня — раздѣлялъ людей пропастью взаимнаго пренебреженія и недовѣрія.

И такъ, слишкомъ широкія граматы не исполнялись вслѣдствіе *невозможности основной, условленной разницею въ уровнѣ развитія обѣихъ народностей и невозможности случайной, внѣшней, которая заключалось въ томъ вѣсѣ, какимъ пользовались тогда формальныя различія.*

Замѣтимъ однако, что до открытыхъ распрей дѣло пока не доходило. Распри эти начались слѣдовательно только въ то время, когда на горизонтѣ взаимныхъ

отношеній явилось новое облако, условившее дальнѣйшія бѣдствія.

Объ этомъ то должны помнить и историки защитительной школы, объясняющіе историческій ходъ событій на основаніи внѣшнихъ вліяній, и другіе — обвинительной школы, ищущіе причины тѣхъ или другихъ бѣдствій въ страстяхъ и интересахъ личностей.

И вотъ, хотя вліянія *какъ внѣшняго, такъ и личнаго порядка* были неблагопріятны, а между тѣмъ, распри еще не было. Она явилась въ окончательной формѣ только въ то время, когда нашла себѣ поддержку въ существенной причинѣ того или другаго хода историческихъ событій. Эта-то причина, въ лицѣ сознанной разницы преслѣдуемыхъ обѣими народностями культурныхъ идеаловъ, явилась, и — распря приняла рѣшительный характеръ. Естественныя причины уступили мѣсто нравственнымъ, а эти послѣднія не только не умалялись, но напротивъ, по мѣрѣ все болѣе и болѣе яснаго пониманія разницы преслѣдуемыхъ идеаловъ, находили себѣ постоянно новую почву.

Вотъ почему, пока монархизмъ стоялъ въ Рѣчи-Посполитой крѣпко, пока онъ пользовался поддержкою общественнаго мнѣнія, до тѣхъ поръ казаки, хотя и не пользовались фактически дарованными имъ привилегіями, наравнѣ съ польскимъ дворянствомъ, но не были систематически тѣснимы. Никто, въ то время,

и не помышлялъ о борьбѣ съ ихъ національностью и вѣроисповѣданіемъ. И такъ, Люблинская унія, 1569 г., окончательно кассируетъ ленную подчиненность Руси: „землю русскую и княжество кіевское съ ихъ жителями вообще и въ частности изъ-подъ верховенства В. К. Литовскаго освобождаемъ, а въ королевство польское, какъ въ первоначальное тѣло, и какъ равныхъ и свободныхъ, включаемъ со всѣми городами, мѣстечками, селами“ и т. д. „Какъ русскому, такъ и польскому вѣроисповѣданіямъ гарантируемъ неприкосновенность, и членамъ обѣихъ народностей открываемъ одинаковый доступъ къ сенаторскимъ и другимъ промоціямъ“.

Дѣло, слѣдовательно, обходилось безъ всякихъ преслѣдованій, хотя формальнаго и личнаго характера причины были на лицо.

По мѣрѣ же того, какъ народное самосознаніе, мало-по-малу, развивалось, оно выработывало идеалы государственныхъ и товарищескихъ отношеній, убѣжденія и вѣрованія оттѣсняли почву естественныхъ стремленій и привычекъ, а вслѣдъ затѣмъ отношенія, опирающіяся на сознательномъ уразумѣніи цѣлей и средствъ, заступали мѣсто отношеній естественныхъ. Мотивы, цѣли и средства обѣихъ народностей разрознились, святыня ихъ гуманитарнаго міровоззрѣнія раздѣлялась, и вотъ онѣ стоятъ взаимно поперекъ своего пути. Два крайностные порядка государствен-

наго строенія нашли въ нихъ поклонниковъ, и здѣсь то корень зла, раздѣляющій и понынѣ обѣ народности. Правда, что событія съ одной стороны, а вліяніе русской культуры — съ другой, успѣли нѣсколько демократизировать польское общество, и на столько же справедливо, что польскій элементъ успѣлъ нѣсколько аристократизировать Россію; но этимъ сознательная рознь вовсе не умалилась, а только, такъ сказать, перемѣшалась. Вмѣсто двухъ преданныхъ противоположнымъ идеаламъ народностей, имѣемъ теперь два общества, фанатически преданные противоположнымъ идоламъ въ которыхъ, конечно, о народности не справляются; а отъ этого нисколько не легче.

И такъ, разыгравшаяся при королѣ Стефанѣ Баторіѣ борьба монархизма съ сеймомъ ярко обрисовала взаимное положеніе обѣихъ народностей. Русская тогдашняя интелигенція — казачество, вслѣдствіе патріархальнаго склада семейной, общественной и политической жизни, стало на сторонѣ отеческаго самовластія королей; польская же интелигенція — дворянство-рыцарство, пропитавшись духомъ нравственной независимости католичества и ученіями греческихъ философовъ, стало на сторонѣ преемственности заслуги т. е. политическихъ привилегій, и на сторонѣ полноправности честнаго гражданина т. е. на сторонѣ верховенства сейма.

Идеалъ первыхъ — слѣпое повиновеніе вождю, благоговѣйное отношеніе къ естественной сторонѣ правъ личности, неуваженіе внѣшнимъ путемъ добытаго человѣческаго достоинства, безцеремонное отношеніе къ тѣмъ юридическаго и свободнаго характера приличіямъ т. е. къ законамъ и принципамъ, въ которыхъ находимъ внѣшнюю точку опоры нашихъ побужденій, поступковъ, цѣлей и т. д.

Идеалъ этотъ вѣренъ, но только въ минуты крайнихъ человѣческихъ и народныхъ опасностей. Тамъ неумѣстно давать слишкомъ широкій просторъ благоговѣнію передъ приличіями, принципами и законами; не время, говоримъ, защищать науку, искусство, творчество, когда человѣкъ гибнетъ, а въ немъ, можетъ быть, гибнетъ то, чему съ радостью должны мы посвящать не только свой добытокъ, но даже свои мнѣнія; здѣсь внѣшняя опора человѣческой личности должна уступить. Но тотъ же самый демократическій идеалъ вреденъ и низокъ внѣ крайнихъ тревогъ и опасностей. Онъ, въ такомъ случаѣ, является уже не тою, вызванною тревогами, уступкою, которую дѣлаемъ естественной сторонѣ правъ личности, а низкимъ, раболѣпнымъ самоотреченіемъ.

Идеалъ другихъ — аристократія, неумолкаемая борьба съ авторитетомъ внутренняго и естественнаго міра человѣческой личности, благоговѣйное отношеніе къ добытой сторонѣ человѣческаго права, невниманіе

къ горю слабѣйшаго человѣка, преклоненіе передъ юридическими и фактическими обычаями.

Идеалъ этотъ тоже вѣренъ, но только тамъ, гдѣ теченіе человѣческой жизни *совершенно надлежаще*, гдѣ ни человѣку, ни обществу ничто не угрожаетъ ни со стороны природы, ни со стороны организма и людей. Тамъ, т. е. въ логически, а не фактически возможномъ будущемъ, идеалъ этотъ вѣренъ. Тамъ, въ этомъ будущемъ, можно всецѣло руководствоваться принципами, обычаями и законами, потому что они тамъ математически вѣрны; тамъ не нуженъ авторитетъ внутренняго міра личности, потому что внѣшній доказывающій міръ — совершененъ. Тамъ, наконецъ, можемъ безучастно относиться къ горю слабѣйшаго человѣка, потому что его тамъ не будетъ.

Но, въ минуту данныхъ жизненныхъ тревогъ, идеалъ этотъ невѣренъ и низокъ, потому что не только то защищать нужно, что человѣкъ успѣлъ изъ себя сдѣлать, но и то, ради чего онъ это сдѣлалъ.

Не дѣти и старцы — демократія и аристократія — нужны въ жизненной борьбѣ: нужна человѣчность — мужество!

Вотъ тѣ два теченія цивилизаціи, которымъ суждено было сразиться въ до-раздѣльной Польшѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. А неблагопріятно было то, что тронъ искалъ себѣ поддержки въ на-

родности, раздѣленной вѣроисповѣданіемъ, обычаями и симпатіями. Монархизмъ сталъ опираться на Русь и потерялъ поддержку польской народности, совершенно какъ въ до-петровской Россіи боярскіе соборы нали, а монархизмъ восторжествовалъ.

И такъ, говоримъ мы, польскіе короли, начавъ борьбу съ защищавшею въ то время самоуправленіе польскою олигархіею, вздумали опереться на передовую силу монархическаго теченія — на казачество. Этимъ введены были въ чисто-государственную борьбу чуждые ей элементы — національной и религіозной розни, и наконецъ, русинская народность поставлена была въ характерѣ сообщника монархизма.

Удары фанатиковъ верховенства самоуправленія посыпались съ тѣхъ поръ и на монархизмъ, подъ предлогомъ потворствованія, оказываемаго имъ Руси и на русиновъ, подъ предлогомъ національнаго и религіознаго рвенія. Въ сущности же боролись съ монархизмомъ изъ-за обуявшей умы идеи верховенства сейма, а съ Русью—изъ-за обуявшаго общество аристократизма. Не хотѣли стерпѣть гарантій слабѣйшаго человѣка въ обществѣ, гарантій, которыя пытался многократно провести монархизмъ, опираясь на казацкую военную силу и преданность ея престолу. *Не могли додуматься до той простой идеи, что престолъ гарантируетъ слабѣйшаго человѣка отъ притя-*

заній руководящаго слоя, а сеймъ гарантируетъ руководящій слой отъ ошибокъ престола.

Торжество этой идеи всегда исторически-необходимо. Слабѣйшій человѣкъ, тѣми или другими путями, всегда сумѣетъ поставить преграды аристократическимъ, буржуазнымъ и либералистическимъ инстинктамъ, и совершенно такимъ же образомъ интелигенція, такъ или иначе, всегда сумѣетъ обуздать порывы консерватизма, демократизма и соціализма.

И такъ, началась насильственная католизація и полонизація Руси, которую вели до тѣхъ поръ, пока дѣло не удалось довести до отложенія Малороссіи. Русь бросилась въ объятія соплеменной державы. Въ фактѣ этого отложенія польское дворянство торжествовало избавленіе отечества отъ сообщниковъ опеки, не догадавшись однако, что монархизмъ, вытѣсненный внутри, прійдетъ извнѣ.

Да, имѣлись въ обществѣ и учрежденіяхъ два готовые элемента государственной жизни, но одинъ изъ нихъ палъ вслѣдствіе поддержки, оказанной ему со стороны національности, чуждой патріотическаго дѣла. Само управленіе, вышедъ изъ борьбы побѣдоносно, внѣ ея оказалось неспособнымъ къ жизни и разложилось. Изгнанный монархизмъ овладѣлъ государственною машиною безъ бою.

Жизнь не могла примирить двухъ своихъ пріемовъ

и двухъ національностей; наука—не успѣла, и вотъ начался обратный циклъ отношеній обѣихъ народностей.

Не будемъ же засыпать, надѣясь на побѣды: изгнаніе Руси немного принесло пользы Польшѣ.

Одинаковыя соціозофическія ошибки ведутъ за собою одинаковыя послѣдствія; противоположнаго порядка ошибки даютъ противоположнаго характера бѣдствія! Гоненіе которой-нибудь изъ сторонъ цивилизаціи, котораго-нибудь изъ элементовъ государственности, котораго-нибудь изъ началъ общественности и т. д. имѣетъ свои границы естественно и нравственно невозможнаго. Оно въ состояніи придвинуть событія къ кризису, но не въ состояніи разрядить противоположностей, потому что это дѣло науки.

И такъ, повторяемъ, со времени Стефана Баторія монархическая власть и ея общественная опора—казачество—пришли въ столкновеніе съ олигархіею и ея орудіемъ, дворянствомъ. Поединокъ этотъ продолжался двѣсти лѣтъ.

При гетманѣ казацкомъ, Ѳеодорѣ Богданѣ, Баторій даетъ новую привилегію казакамъ, которая гласитъ: „Ввиду великихъ заслугъ рыцарства войскъ русскихъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ защитѣ общаго отечества и т. д., постановляемъ и подтверждаемъ всѣ права и привилегіи этого войска и цѣлаго народа русскаго, дарованныя нашими предшественниками.

Судиться же имъ должно въ собственныхъ городскихъ и земскихъ судахъ и по законамъ русскихъ статутовъ. Лица же войсковаго рыцарства судиться должны въ своихъ обозахъ и таборахъ судьями войсковыми же, каковыхъ установить въ каждомъ полку предлагаемъ. Выбывшіе же изъ рядовъ войска судиться должны въ уѣздныхъ и городскихъ судахъ, какъ дворянское сословіе. Гетману же даруемъ бунчукъ въ знакъ побѣды надъ азіятскими народами, такъ какъ онъ добытъ трудами гетмановъ и казачьею кровью". Въ привилегіи этой, очевидно, нѣтъ признаковъ экономическаго, религіознаго и національнаго гоненія.

Замѣтимъ, что наслѣдственность престола умаляла нѣсколько горячность сторонниковъ верховенства сейма. Ясно было, что ввиду тѣхъ традицій, на которыхъ опирается наслѣдственная власть, помышлять о верховенствѣ самоуправленія невозможно. Ясно было, съ другой стороны, что преданность казаковъ престолу и всегда готовая боевая ихъ сила угрожаютъ фактически тому же верховенству. Вотъ почему проведенъ былъ принципъ избираемости королей, что дало неограниченный просторъ выгораживанію различныхъ вольностей въ „pacta conventa", и введена была унія, какъ средство привлеченія русинскаго элемента къ дѣлу такъ называемой свободы.

Уже съ этого момента рѣшительный поворотъ въ отношеніяхъ обѣихъ народностей былъ сдѣланъ. Воору-

жившись правомъ элекціи королей и правомъ католизаціи русиновъ, тогдашнее польское представительство, въ лицѣ гражданъ, отвѣчающихъ тогдашнему цензу, т. е. располагающихъ потомственными или личными признанными заслугами, приступило къ систематическому нейтрализированію монархической власти и къ такой же систематической борьбѣ съ экономическимъ, гражданскимъ и религіознымъ достояніемъ русинскаго населенія.

И такъ, статутъ враждебнаго казакамъ сейма 1591 г. вѣщаетъ: 1) „Великій гетманъ коронный завѣдуетъ казацкими войсками". Здѣсь умалено вліяніе трона на Русь. 2) Присята повиновенія. 3) Уничтоженіе вольныхъ казацкихъ полковъ. 6) Десятина и т. п.

Въ виду этихъ репрессалій начинается первое серіозное движеніе въ средѣ казаковъ. Кстати подоспѣваетъ унія.

Еще въ 1439 г. установлена была унія греко- и римско-католическихъ церквей, что не вызвало однако столкновенія между обѣими народностями именно потому, что вводили ее съ дѣйствительно религіозною цѣлью, а не изъ за тѣхъ или другихъ разсчетовъ; но когда, въ 1595 г., постановлена была въ Брестѣ-Литовскомъ новая унія, то вскорѣ пришлось почувствовать, что она составляетъ только предлогъ, подъ которымъ скрываются гоненія, направленныя противъ защитниковъ монархическаго начала. Какъ

одно изъ доказательствъ такого именно значенія уніи, имѣемъ передъ собою фактъ отрицанія равенства уніятскихъ и римскихъ епископовъ. Отрицаніе это не имѣло бы мѣста, еслибы радость примиренія церквей воодушевляла тогдашнее польское общество.

Въ отвѣтъ на постановленія сейма и работы уніи, казаки избираютъ гетманомъ Косинскаго и отказываютъ въ повиновеніи польскому дворянству и католичеству. Косинскій позванъ и заморенъ голодомъ. Кровавый протестъ начинаютъ Наливайко, Лобода и Самула; но потерянная подъ Старымъ-Камнемъ битва прерываетъ на время борьбу. Казацкіе полки уходятъ на Запорожье и избираютъ гетманомъ обѣихъ Украйнъ прославленнаго въ бояхъ Конасевича; но внѣшнія опасности республики прервали борьбу. Казацкіе полки понадобились въ борьбѣ съ В. К. Московскимъ, Турціею и Швеціею. Наконецъ война внѣшняя кончена, а вслѣдъ затѣмъ преслѣдованіе дизунитовъ придвигается къ своему критическому моменту. Церкви заперты; конфискаціи имуществъ и все прочее въ полномъ ходу. Но военное счастье опять измѣняетъ казакамъ: Дорошенко разбитъ. Затѣмъ, сеймъ постановляетъ самыя тяжкія ограниченія политической и экономической самостоятельности Руси. Наступаетъ новая борьба, которая кончилась т. н. „Тарасовскою ночью“. Вслѣдъ за наступившимъ послѣ того соглашеніемъ, сеймъ выступаетъ съ новыми при-

тѣсненіями: плата за исполненіе св. требъ, и церкви поступаютъ въ аренду, и дѣло преслѣдованія продолжается такимъ образомъ, какъ будто ни тарасовской ночи, ни соглашенія никогда не бывало.

Въ виду этого король Владиславъ IV явно принимаетъ сторону Руси, на что сеймъ отвѣчаетъ еще болѣе тяжкими ограниченіями: 1) „казаки — только реэстровые и въ количествѣ неболѣе 6-ти тысячъ; 2) построить при устьѣ Самары въ Днѣпръ крѣпость Кудакъ“. Съ помощью этой крѣпости надѣялись держать казаковъ въ страхѣ. 3) „Всѣхъ казаковъ, кромѣ реэстровыхъ, обратить въ крѣпостныхъ“. Вотъ какими путями шли отцы нынѣшней буржуазіи и дѣды либераловъ. Но не станемъ винить людей: они только тогда виновны, когда уже знаютъ истину, а не находятъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы проводить ее въ жизнь, но не тогда, когда слѣпы. И такъ, истребительная эта политика вызываетъ новое возстаніе. Павлюкъ и Сулима разбиты, но въ свою очередь Остраница побѣдоносно выходитъ изъ борьбы съ польскимъ гетманомъ. Обѣщано возстановить всѣ привилегіи; казацкія войска расходятся по домамъ; но тутъ же возвращающихся казаковъ вылавливаютъ и казнятъ. Сеймъ отвергаетъ предварительныя условія мира. Преслѣдованія возрастаютъ и наступаетъ новое возстаніе подъ руководствомъ гетмана Карпа; но счастье переходитъ на сторону Висневецкаго. Закрѣ-

пощеніе казаковъ продолжается; земля и добытки переходятъ къ польскому дворянству; унія работаетъ въ свою очередь: совѣсть и національность одинаково подвергаются ея ударамъ. Польскій лѣтописецъ Грондзкій говоритъ по этому поводу: „а все это дѣлается въ интересахъ магнатовъ и шляхты". Другой же историкъ Чарнковскій выражается такъ: „дворянство сдѣлало изъ свободныхъ людей своихъ крѣпостныхъ и, раздѣливъ конфискованныя земли, поставило на окраинахъ огромныя фортуны". И это правда. Но все-таки, суть дѣла не на поверхности фактовъ. Трудно допустить, что какое-нибудь правительство способно конфисковать имѣнія жителей изъза однѣхъ лишь корыстныхъ цѣлей. Нѣтъ, хотѣли во чтобы-то ни стало искоренить защитниковъ опеки и враговъ сеймоваго верховенства. По мѣрѣ того какъ утопія этого верховенства все болѣе и болѣе проникала въ умы, на защитниковъ трона стали смотрѣть какъ на варваровъ, оскверняющихъ народную святыню и не заслуживающихъ ни малѣйшей пощады. Вотъ гдѣ находимъ причину безчисленныхъ примѣровъ нарушенія торжественныхъ клятвъ, обѣтовъ, соглашеній, убиванія пословъ, закладниковъ, арестованія вопреки выданнымъ видамъ безопасности и т. п. Кличка „варваръ" точно такимъ же образомъ пятнала здѣсь людей, низводя ихъ на степень животныхъ, въ отношеніи которыхъ все яко-бы дозволено, какъ въ дру-

гихъ, противоположнаго строя, государствахъ, на ту же почву безправности низводитъ кличка „революціонеръ“ и т. п. Да наконецъ, не только далекое прошедшее, но равнымъ образомъ и настоящее время—не чуждо политическаго фанатизма. Перестанемъ же удивляться прошедшему, перестанемъ ненавидѣть людей тѣхъ или другихъ идеаловъ; люди эти субъективно вѣрны истинѣ, и эта ихъ вѣрность выкупаетъ все. Быть можетъ, они за эту истину принимаютъ ошибочные идеалы и пути, но они ихъ за нее принимаютъ, а этого достаточно, чтобы оградить человѣка отъ презрѣнія и глумленій. Борись, но не издѣвайся! — Вотъ лозунгъ незапятнанныхъ себялюбіемъ и корыстью людей.

И такъ, кличка „варваръ“ низводила защитниковъ опеки на степень животныхъ, посягающихъ на народную святыню. Мы теперь хорошо знаемъ, что за эту святыню принимали самовластіе верхняго слоя; мы бы, конечно, сумѣли оспорить этотъ идеалъ государственнаго строя, но въ преслѣдованіяхъ, какимъ подвергалась Русь, находимъ одинъ изъ поразительныхъ историческихъ примѣровъ неумѣстности фанатическаго отношенія къ людямъ, честно преслѣдующимъ тѣ или другіе идеалы. Самое лучшее оружіе противъ честныхъ, но ошибочныхъ мнѣній — это научное доказательство.

Вмѣсто преслѣдованій, довольно спросить сторон-

никовъ верховенства самоуправленія: гдѣ гарантіи что всѣ представители народной воли — честные и разумные люди? Или: гдѣ гарантіи, что власть, дарованная верхнему слою, не перейдетъ въ злоупотребленіе? На почвѣ этихъ вопросовъ сейчасъ бы и выяснилось, что гарантій этихъ, внѣ автократическаго теченія государственной воли, нѣтъ и быть не можетъ, и что вслѣдствіе этого, дѣло не въ преслѣдованіи „варваровъ“ и „революціонеровъ“, а въ научномъ соглашеніи двухъ элементовъ государственной жизни.

И вотъ, на почвѣ своего невѣдѣнія государственный фанатизмъ строитъ свои святыни, а во имя ихъ ведетъ ожесточенную борьбу съ людьми тѣхъ или другихъ убѣжденій. Эти то жестокости плодятъ, непремѣнно, людей отрицательнаго — безразличнаго направленія, которые, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ западныхъ обществахъ, становятся наконецъ во главѣ государственнаго дѣла и начинаютъ преслѣдовать самыя убѣжденія. Дѣло здѣсь уже не въ томъ, чтобы дать перевѣсъ тому или другому пониманію общественной правды, а въ томъ, чтобы, въ угоду безразличности, запереть въ тюрьму всѣхъ поборниковъ дѣла истины и человѣчества. Да, гоненіе честности вообще есть плодъ политическаго фанатизма, совершенно также, какъ атеизмъ — гоненіе религіозности—есть плодъ религіознаго фанатизма.

Наступаетъ 1647 годъ. Король Владиславъ IV, въ

виду необезпеченности слабѣйшаго въ обществѣ человѣка и вообще трудоваго слоя,—необезпеченности, которая неминуемо слѣдуетъ за верховенствомъ хотя-бы даже поголовнаго представительства, старается провести въ сеймѣ два временно пригодныя начала: 1) рѣшающее право большинства и 2) выборъ народныхъ представителей большинствомъ. Этимъ онъ думалъ поставить преграды эгоистической и жестокой политикѣ центробѣжнаго государственнаго теченія. Уловка эта не удалась; сеймъ оба предложенія отвергъ. Кошмаръ казачества дѣлалъ немыслимою всякую попытку соглашенія трона съ сеймомъ. Отечество гибнетъ; уступки поведутъ къ торжеству враговъ отечества! вопили защитники верховенства сейма, совершенно какъ въ настоящее время кошмаръ полонизма связываетъ руки опеки. Малѣйшую ея уступку, въ пользу самоуправленія, фанатики автократическаго элемента встрѣчаютъ воплемъ: отечество гибнетъ, враждебная національность восторжествуетъ!

Наконецъ, также вѣрно, что послѣ каждой попытки, направленной монархизмомъ противъ верховенства сейма, начинались новыя преслѣдованія казаковъ: „они-де виновны, тамъ-де источникъ „варварства“, совершенно какъ теперь: „въ другомъ-де мѣстѣ источникъ крамолы, они-де виновны“. И это вѣрно, но вѣдь пора-бы понять, что опека — не варварство, на сколько она согласна съ текущими потребностями жизни,

и что представительство тоже не крамола, на сколько оно отвѣчаетъ тому же условію.

Да, мысль человѣческая сослужитъ хорошую службу, если успѣетъ отрѣшить насъ отъ того смѣшнаго заблужденія, что два элемента государственной жизни исключаютъ другъ друга. Они, какъ увидимъ ниже, не только примиримы—согласимы, но даже не могутъ жить и приносить плоды гражданственности другъ безъ друга.

Центръ самоуправленія могъ переходить отъ духовенства къ дворянству, т. е. къ признаннымъ и наслѣдственнымъ заслугамъ; отъ этихъ послѣднихъ къ заслугамъ личнымъ, еще дальше, къ имущественной мѣркѣ, къ образовательному уровню, наконецъ къ преимуществамъ пола, возраста и т. п. Могло, въ свою очередь, тоже самоуправленіе представлять высшую или низшую норму юридической организаціи. Случаться даже можетъ, что юридическая почва не будетъ за нимъ признана; но во всѣхъ этихъ случаяхъ народная воля фактически вліяетъ на ходъ государственнаго дѣла. Давленіе личныхъ мнѣній, общественнаго мнѣнія, классовъ, интересовъ, наконецъ печати, конгрессовъ, и т. п., все это—представительство, хотя и неупорядоченное. А врядъ ли утверждать можно, что неупорядоченное и юридически непризнанное вліяніе одного изъ элементовъ государственной

жизни желательнѣе и надежнѣе, нежели вліяніе признанное и устроенное.

Тѣ же ступени развитія могли-бы мы прослѣдить въ исторической судьбѣ другаго государственнаго элемента. И вообще, невозможно утверждать, что защитники трона—автократизма, преслѣдуемые теперь во Франціи, какъ „варвары", болѣе желательны въ этой роли для будущности народа, нежели были бы желательны облеченные въ юридическій характеръ. Но откладываемъ рѣшеніе этихъ важныхъ вопросовъ до конца настоящаго труда.

И такъ, coup d'état королю Владиславу IV-му не удался, а только повелъ къ новымъ гоненіямъ дизунитовъ съ одной стороны, и экономической и политической самостоятельности казаковъ,—съ другой. Наконецъ озлобленіе и высокомѣрное отношеніе польскаго дворянства къ казачеству дошла до того, что въ то самое время, когда Хмѣльницкій, вмѣстѣ съ гетманомъ Конецпольскимъ, ведетъ крымскую кампанію, одинъ изъ польскихъ шляхтичей присвоиваетъ себѣ жену Хмѣльницкаго и все его имущество.

Но окончательно возмутителенъ отвѣтъ сейма, въ которомъ совѣтуютъ обиженному признать совершившійся фактъ и *обзавестись* другою женою. Такой отвѣтъ, въ виду изысканныхъ понятій тогдашней польской интелигенціи о правахъ семейныхъ отношеній, доказываетъ самымъ наглядымъ образомъ,

что презрѣніе относится здѣсь не къ народности или религіи, а къ другимъ мотивамъ.

Правда, что въ безпорядкѣ всегда торжествуютъ или шуты, или мнимые благодѣтели, совершенно какъ въ рабствѣ всегда одерживаютъ верхъ или обманщики, или воры. Но это соображеніе не приближаетъ насъ къ надлежащему отвѣту. Шутовство подобнаго порядка не могло со стороны сейма встрѣтить ни еврея, ни польскаго крестьянина. Напрасно, слѣдовательно, мы бы утверждали, что или фанатизмъ національный и религіозный, или отсутствіе строгаго порядка преній составляютъ здѣсь главную пружину факта.

Анархія не есть причина какихъ-бы то ни было фактовъ, потому что она сама составляетъ слѣдствіе побѣды, одержанной представительствомъ надъ опекой, совершенно какъ военное положеніе составляетъ ту непремѣнную форму, въ которой вынуждена выступать одержавшая верхъ надъ представительствомъ опека. Тогдашніе поляки нисколько не ошибались, утверждая, что Рѣчь Посполитая (въ значеніи верховенства сейма) держится неурядицею (Польска нежондем стои). Да, допустимъ въ государственныхъ отправленіяхъ права хотя-бы ошибочныхъ формальностей, и тотчасъ окажется, что устраиваемъ почву, на которой опека сумѣетъ отстоять свои права. Liberum veto т. е. равенство одного голоса со всѣми остальными, вмѣстѣ взятыми,— ничто иное, какъ

борьба съ вѣсомъ какихъ-бы-то-ни-было формальностей. Здѣсь каждый является правиломъ для всѣхъ прочихъ; здѣсь изгоняется всякая попытка свести эти отдѣльныя мнѣнія къ единичному выраженію съ помощью вѣса данныхъ формальностей. Jus confederationis — право насильственно опротестовывать юридическія рѣшенія — это, въ сущности, та же борьба съ вѣсомъ формальностей. Но цѣлая эта безформенность направлена къ тому, чтобы служить ручательствомъ побѣды частнаго надъ общимъ, нравственнаго соглашенія надъ естественнымъ, аристократіи надъ демократіей, сейма надъ престоломъ, и наконецъ польскаго элемента надъ русинскимъ.

Опека, вытѣснивъ представительство, прибѣгаетъ къ безпрерывному военному положенію, къ крайнему вѣсу формальностей, къ совершенному неуваженію личной независимости. Форма здѣсь дороже человѣка, но она здѣсь защищается только потому, что внѣ этой крайности, внѣ мертвящаго отношенія къ дѣлу, живыя силы общества заявляютъ свои права на самостоятельность, и революція начинается; совершенно, какъ тамъ: бросаются въ неурядицу, какъ въ единственное убѣжище противъ опеки; но стоитъ только допустить хотя бы незначительный вѣсъ формальностей, и coup d'état тотчасъ же начинается.

И такъ, преслѣдованія Руси не должны быть относимы къ анархіи, какъ къ причинѣ, а должны быть

отнесены къ обоготворенію верховенства сейма и вольностей, внѣ которыхъ не видѣли отечества.

Если въ глазахъ казачества сеймъ былъ притономъ бунтовщиковъ, крамольниковъ, то нечего удивляться, что въ глазахъ польскаго дворянства русинскій элементъ былъ притономъ варварства и рабства. А отсюда и безпощадность взаимныхъ отношеній.

И такъ, вѣковая распря подходитъ къ тому критическому моменту, когда универсалъ Хмѣльницкаго призывалъ всѣхъ крестьянъ Рѣчи Посполитой *безъ различія вѣроисповѣданій и національности* на защиту трона и на борьбу съ такъ называемыми вольностями.

Наступаютъ памятныя для польскаго оружія „Желтыя Воды“ и „Корсунь“. Между тѣмъ Владиславъ IV умираетъ; наступаетъ элекція—выборъ новаго короля. Вся знать и дворянство спѣшитъ на эти выборы и Рѣчь Посполитая дѣлается на время почти беззащитною; но Хмѣльницкій стоитъ спокойно подъ Бѣлою-Церковью, дожидаясь окончанія выборовъ и приказаній новаго главы государства. Послѣ такихъ блестящихъ побѣдъ, онъ не смѣетъ бравировать ни авторитета трона, ни нравственной силы сейма. Его глазъ умѣетъ, стало быть, различить сферу самостоятельности отъ сферы самодурства народной воли. Да, наконецъ, тогда еще не было совѣтниковъ, эксплуатирующихъ стадные инстинкты толпы, которые бы, въ видахъ всерѣшающаго раболѣпія, присовѣтовали ему накрыть сеймъ,

какъ центръ крамолы. Можемъ назвать слабостью уступчивость передъ нравственнымъ вліяніемъ врага, можемъ въ глумленіи надъ всѣмъ, что сами считаемъ „прекраснымъ“, видѣть идеалъ политической мудрости; но, безъ такихъ слабостей перестаемъ быть людьми, а съ такою политическою развязностью разыгрываемъ роль выродковъ не только человѣчества, но и всего живаго.

Такимъ-то образомъ, Хмѣльницкій, изъ-за уваженія къ нравственной силѣ, теряетъ рѣшительную минуту: славянскій характеръ беретъ верхъ. Сеймъ однако отнесся къ этому факту съ тѣмъ самымъ высокомѣріемъ и безцеремонностію, съ какимъ всегда аристократія относилась и относится къ доблестямъ демократіи.

Посягающихъ на полноправную самостоятельность личности, отвѣчающей тогдашнему цензу, т. е. обладающей дворянскимъ достоинствомъ, считали тогда банитами, въ отношеніи которыхъ только невѣжды соблюдаютъ правила чести, приличія и человѣчности. Противъ этихъ-то, въ тогдашнемъ разумѣніи, банитовъ сеймъ нарядилъ три отряда, а между прочимъ для переговоровъ съ самимъ Хмѣльницкимъ выслалъ воеводу Киселя. Переговоры не удались, а въ наступившей послѣ того битвѣ подъ Пилявицами, казаки одержали рѣшительную побѣду. Но Хмѣльницкій идетъ

черезъ Львовъ къ Замосци, оставляя опять сеймъ и элекцію въ покоѣ.

Двуглавый сфинксъ государственнаго строенія кажется ему чѣмъ-то священнымъ: онъ защищаетъ одну его голову, не смѣя направить ударовъ въ другую. Оно и справедливо: не станемъ-же мы лишать себя ни аксіомъ, ни доводовъ изъ-за того, что рѣшеніе задачи не удается. Намъ нужно только провѣрить и аксіомы, и доводы, привести ихъ на почвѣ данной задачи къ единству. Точно также нелѣпо было бы изгонять автократическое или представительное начало на томъ основаніи, что, опираясь на нихъ, не умѣютъ вести государственнаго дѣла; намъ слѣдуетъ только провѣрить строеніе и бюрократическаго, и представительнаго теченія, привести ихъ юридически на почвѣ данныхъ условій жизни къ единству, и разсчетъ по государственному вопросу будетъ данъ. Искомый этотъ разсчетъ не дается до сихъ поръ ученому міру, а тѣмъ болѣе, не былъ доступенъ тогдашнему обществу. Хмѣльницкій видѣлъ только наглость шляхты и съ нею боролся, благоговѣя передъ даннымъ строеніемъ государства, строеніемъ, котораго ошибочность была причиною розни и вражды обѣихъ народностей. Дѣйствительный этотъ врагъ ускользалъ отъ тогдашняго пониманія, совершенно какъ въ настоящее время ускользаетъ онъ отъ пониманія всѣхъ современныхъ обществъ. Разница только та, что сотни

лѣтъ тому назадъ, не только не успѣвали накрыть этого врага, но даже не знали, кто онъ; теперь же знаютъ, что онъ — это неразрѣшенный антропозофическій вопросъ; но накрыть его не могутъ, пока рѣшеніе неизвѣстно.

Такимъ-то образомъ, Хмѣльницкіе всѣхъ временъ напрасно, съ мечомъ въ рукѣ, усердствуютъ искоренить сторонниковъ престола или самоуправленія. Мечъ, въ виду наростающихъ новыхъ поколѣній, оказалъ-бы нѣкоторыя услуги только въ такомъ случаѣ, еслибы единовременно приняты были энергическія мѣры къ пресѣченію размноженія защитниковъ котораго-нибудь изъ элементовъ цивилизаціи. Въ виду же невозможности этихъ мѣръ, политическій фанатизмъ неумѣстенъ и недѣйствителенъ.

И такъ, Хмѣльницкій, не задаваясь вопросомъ объ источникѣ польской крамолы, а занятый только ея относящимися до русинской народности дѣяніями, послѣ новыхъ побѣдъ, опять выжидаетъ, пока сеймъ не нарядитъ для борьбы съ нимъ новое войско. Является опять тотъ-же Кисель въ характерѣ посредника. Выслушавъ его длинныя рѣчи, Хмѣльницкій отвѣтилъ: „однимъ словомъ, изо всей этой коммисіи ничего не будетъ; переверну васъ всѣхъ верхъ ногами, потоплю или продамъ въ неволю турецкому султану. Король пусть себѣ будетъ королемъ; но еслибы онъ рѣшился вырѣзать дворянство, то былъ-бы свободенъ (умная-де

головка). Провинится князь — усѣчь ему голову, согрѣшитъ казакъ — и съ нимъ тоже сдѣлать".

Идея государственнаго и гражданскаго равенства просвѣчиваетъ сквозь эти слова; но это другая крайность: на мѣстѣ устарѣлыхъ привилегій ставится здѣсь безправность и столь-же неразумное равенство; на мѣсто верховенства верхняго слоя и сейма предлагается верховенство слоя нижняго и трона. Идеи, слѣдовательно, обѣихъ сторонъ — явно невозможны, и вотъ почему, вмѣсто примиренія, немыслимаго безъ вмѣшательства науки, предпочли насиліе, всегда возможное, но никогда недѣйствительное. Не знаю, въ какомъ смыслѣ возражалъ Хмѣльницкому Кисель; извѣстно только, что выслушавъ его увѣщанія, тотъ прослезился. Да, ненависти здѣсь не было; было, напротивъ, родственное чувство, которое убивали непримиримыя ошибки, принятыя однако же за народныя святыни.

По истеченіи перемирія, война, дѣйствительно, вспыхнула вновь, но шестидневное кровопролитное сраженіе, въ которомъ Хмѣльницкій располагалъ ста тысячами воиновъ, осталось нерѣшеннымъ. Наконецъ заключенъ міръ, утвержденный сеймомъ, и сейчасъ-же, по обыкновенію, нарушенъ. Кіевскій митрополитъ, который, на основаніи трактата, долженъ былъ засѣдать въ сенатѣ, не былъ въ оный допущенъ.

Такимъ-то образомъ дѣло придвигалось къ окончательному кризису: ни побѣды, ни торжественно-даро-

ванныя права и свобода—не приводили ни къ какому концу.

Разъ признавъ ревнителей трона врагами отечества, польское дворянство не могло успокоиться пока хотя бы единый этотъ врагъ оставался въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Преслѣдованія не унимались. Наступаетъ извѣстная битва подъ Берестечкомъ. Двѣсти тысячъ казацкаго войска сражаются впродолженіи троихъ сутокъ со ста тысячами войска Рѣчи Посполитой.—Наконецъ Хмѣльницкій отступаетъ. Миръ заключенъ, но послѣ сейма 1652 г., извѣстнаго первымъ „veto“, подорвавшимъ нравственную устойчивость дальнѣйшихъ сеймовъ, война возобновилась. На этотъ разъ до рѣшительнаго сраженія не дошло; но, все таки, трактатъ Зборовскій возстановленъ.

Легкость, съ какою достигнута была эта уступка, окончательно убѣдила Хмѣльницкаго, что всѣ эти договоры, трактаты, смягченія и т. д. не имѣютъ никакого смысла, что они дѣлаются только pro forma, изъ-за неблагопріятныхъ условій, что въ виду враждебности сеймовыхъ элементовъ они лишены всякихъ гарантій.

Вотъ почему отправляютъ къ королю Яну-Казиміру посланника съ просьбою присягнуть за трактатъ. На этого-то посланника—Антона, налетѣлъ съ буздыханомъ польскій гетманъ, крича: „и[ѣ]ты, хамъ, и твои—не увильнете отъ подданства“. Антонъ арестованъ. Пишетъ

онъ къ Хмѣльницкому: „Поляки, какъ всегда, народъ жестокій, жаждутъ крови христіанской“. — Слова эти тяжело отзываются въ нашемъ чувствѣ. Вѣдь это не фраза такъ часто завирающейся учености, а отголосокъ общественнаго мнѣнія. Люди трудовой среды говорятъ аксіомами; не сбиваемые съ толку тѣми или другими авторитетами, они рѣдко ошибаются въ оцѣнкѣ людей. Да, та самая цивилизація, извѣстная всему міру изысканнымъ благородствомъ, великодушіемъ, гостепріимствомъ, привѣтливостію — жестока, по словамъ Антони. И это вѣрно, если примѣнимъ этотъ приговоръ къ крайнимъ индивидуалистическимъ типамъ, развившимся на почвѣ католицизма, liberum veto, сеймоваго верховенства и т. д. Изысканность и искренность, любовь поддѣльная и беззавѣтная и т. д.,—двѣ вещи разныя. Сожалѣть и ограждать тѣхъ, которые, по нашему мнѣнію, этого заслуживаютъ—это одно дѣло; сожалѣть же и ограждать тѣхъ, которые, по нашему мнѣнію, этого не заслуживаютъ—это другое дѣло. Вотъ этого-то другаго дѣла въ аристократіи вообще, а въ крайнихъ типахъ польской интеллигенціи въ особенности, вовсе нѣтъ.—Права естественнаго участія ставятся здѣсь ни вочто; мнѣніе царитъ надъ всѣмъ, а мнѣніе, неосвященное естественнымъ голосомъ природы, очевидно подвигаетъ человѣка на отношенія съ людьми искуственныя, неосвященныя искренностію.

Жестокость аристократіи, буржуазіи, индивидуалистической интеллигенціи—это не то дикое отношеніе къ людямъ, когда даемъ неруководимую разумомъ волю озлобленному естественному чувству, и не то исполнительное варварство, которое изъ-за раболѣпнаго послушанія, изъ-за перевѣса испуга надъ личнымъ достоинствомъ, нещадно относится къ своимъ жертвамъ; нѣтъ! это самостоятельное, руководимое нашимъ сознательнымъ соглашеніемъ, но не руководимое естественнымъ соглашеніемъ, чувство. Это естественное соглашеніе ставится здѣсь ни вочто. Сличаемъ жизнь съ нашими мнѣніями, не понимая того, что нужно оставить мѣсто и для сличенія мнѣній съ жизнію. Бережемъ нашу устойчивость, а забываемъ о точности. *Да, нѣтъ тѣхъ жизненныхъ правилъ, къ которымъ данные моменты нашихъ правъ относились-бы съ точностію.* Недостатокъ этотъ нужно же чѣмъ нибудь восполнить, въ противномъ случаѣ оказывается, что мы—жестоки, что очевидныя права и свои, и другихъ людей —приносимъ въ жертву приличіямъ.

Вотъ почему, тотъ самый жизненный фактъ, который разрываетъ сердце неизуродованнаго, трудоваго человѣка, для аристократіи еще не имѣетъ значенія. Она его сличаетъ съ своимъ міровоззрѣніемъ, правилами, приличіями, и принимаетъ въ немъ участіе только въ томъ случаѣ, если этому не мѣшаютъ приличія; но какъ скоро данный жизненный фактъ

стоитъ съ ними въ разрѣзъ, то будь онъ и того яснѣе и ужаснѣе, онъ не вызоветъ, съ ея стороны, ни малѣйшаго участія.

Мнѣнія, неосвященныя здоровымъ голосомъ природы — еще не убѣжденія, а интеллектуальный фанатизмъ, наравнѣ съ голосомъ природы, презирающимъ гарантіи, одного и того же стоятъ.

Не станемъ же удивляться, что аристократы, впадая въ борьбѣ съ монархизмомъ все въ большія крайности, перемѣняются, наконецъ, въ автоматовъ религіозной, экономической и политической борьбы, говоримъ автоматовъ, потому что борьба принимаетъ здѣсь характеръ окончательной цѣли: — это аферизмъ. И точно также демократія, въ несправедливой борьбѣ съ самостоятельностью личности, попираетъ наконецъ всѣ преграды цивилизаціи. Она дѣлается глуха ко всѣмъ правиламъ чести, добродѣтели, приличія, патріотизма, благородства, вѣрности и становится раболѣпнымъ звѣркомъ, съ ожесточеніемъ набрасывающимся на совершенствованія науки, искусства и человѣческой личности: — это нигилизмъ. Да, борьба двухъ элементовъ цивилизаціи наполняетъ собою исторію человѣчества. Оба эти элемента стары, какъ міръ; наконецъ, оба они, не успѣвъ сочетаться подъ свѣточемъ научной мысли, вступаютъ въ передовыхъ обществахъ въ стадію разложенія. Кормило общественной жизни очутилось тамъ въ рукахъ отрицателей. Афе-

ризмъ съ программою sauve qui peut и нигилизмъ съ программою стадной, т. е. принудительной комуны, борются тамъ съ людьми убѣжденій.

Минута, слѣдовательно, критическая, окончательная. Или умъ человѣческій успѣетъ сочетать оба элемента человѣческой жизни и пресѣчь борьбу государства съ свободою, церкви съ обществомъ, престола съ народною волею, указа съ закономъ, труженика съ предпринимателемъ и т. д.,—или же наступитъ крахъ нашей цивилизаціи, которая, неуспѣвъ разрѣшить общественной задачи, послужитъ почвою для будущаго типа.

Но будемъ слѣдить далѣе рѣшенія меча—событій по одному изъ этихъ вопросовъ. Намъ кажется, что даже въ этой, избранной нами, узкой рамкѣ историческаго примѣра мы успѣемъ доказать, что хотя событія мудрѣе неразрѣшившаго относительной задачи разума, но что не въ нихъ, а слѣдовательно и не въ воинствѣ дѣла, а въ воинствѣ плана всѣ надежды человѣчества. Дѣло внѣ научнаго пониманія, это, въ наилучшемъ случаѣ—трудъ Сизифа; въ случаяхъ же, менѣе счастливыхъ, это бѣдствія и спасающихъ, и спасаемыхъ.

И такъ, Русь убѣдилась, что ожидать пощады и примиренія невозможно, что ее преслѣдуютъ не вслѣдствіе временныхъ вспышекъ національныхъ и религіозныхъ ненавистей, а какъ сообщницу трона.

Измѣнить государственный строй Польши, бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, однимъ словомъ, передѣлывать народную святыню—она не могла; оставить почву демократическихъ симпатій и порядковъ, перешагнуть пропасть, раздѣляющую безправность отъ привилегій, подчиненіе трону отъ общественнаго верховенства, уваженіе голоса природы отъ уваженія приличій и т. д., на практикѣ, оказалось невозможнымъ. Опытъ Гадзяцкаго устава, распространявшаго тогдашній цензъ, т. е. дворянское достоинство, на десятки тысячъ казаковъ, не удался. И неудивительно. Дворянскій дипломъ не рѣшаетъ еще вопроса о томъ—дѣйствительно ли человѣкъ готовъ, a touts risques et perils, поддерживать свое человѣческое достоинство, не дозволяя никому и ни подъ какимъ предлогомъ глумиться надъ собою, или же—готовъ-ли онъ поддерживать сознательно принятыя за истину идеи, жертвуя для нихъ всѣмъ прочимъ. Вотъ почему люди, чуждые преданности этимъ идеямъ, были бы въ сеймѣ аномаліей, а польское представительство, въ свою очередь, считало-бы измѣною дѣлу свободы подтачиваніе нравственнаго значенія сейма, вводя въ него безучастный элементъ.

И такъ, попытка примиренія на почвѣ реформы государственныхъ учрежденій не удалась. Реформа эта не удовлетворила ни одной изъ сторонъ. Почва для этого примиренія не была еще подготовлена: идеалы

товарищеской и государственной жизни оставались по прежнему разрозненными.

Объ этомъ самомъ примиреніи радѣютъ въ настоящее время русскіе патріоты, стараясь провести въ польскомъ обществѣ демократическое міровоззрѣніе, а въ государственномъ строѣ—народную волю. Но незабудемъ, что это—противоположности, какъ скоро демократическое воззрѣніе принимаемъ за цѣлостное, а народную волю за верховную. Не побѣждать аристократію съ помощью демократіи, а тронъ съ помощью самоуправленія, а сочетать эти элементы:—вотъ задача, достойная человѣческой мысли и мужества. Дѣло слѣдовательно въ отысканіи modus vivendi сочетанія началъ цивилизаціи и элементовъ государственности. Не нашли его наши предки — и роли ихъ перемѣнились, не найдемъ мы, и наши роли перемѣнятся. Законовъ исторіи не переспоришь. И вотъ, въ виду невозможности и борьбы, и примиренія оставался для Руси одинъ только исходъ: отдѣлиться отъ Польши и примкнуть къ одной изъ сосѣднихъ державъ. Это и случилось. Дворянство осталось полнымъ хозяиномъ положенія. Анархія и сеймовое верховенство, какъ средство борьбы съ монархизмомъ и Русью, теперь сдѣлались цѣлью; общее благо не санкціонировало болѣе этихъ крайностей, и вотъ наступаетъ разложеніе характеровъ и государственной жизни. Передовые люди того времени, наконецъ, поняли, что спасеніе именно

въ усиленіи того самаго монархическаго элемента, борьбу съ которымъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, считали почти единственнымъ патріотическимъ дѣломъ. Является конституція т. н. 3-го мая, наслѣдственность престола, права большинства, уничтоженіе правъ конфедерацій и т. п. Этими порядками пытались обуздать самодурство аристократіи; но порядки эти не имѣли въ себѣ ничего научно цѣлостнаго, они, какъ это доказалъ опытъ западныхъ народовъ, нейтрализируютъ и волю престола, и волю народа. Нужно было рѣшеніе, а не смѣшеніе однихъ началъ съ другими. Смѣшеніе это могло удаться въ западныхъ обществахъ, загнанныхъ опекой съ одной стороны, и не столь чуткихъ къ человѣческому достоинству, съ другой. Но въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ, привыкшемъ благоговѣйно относиться къ разуму и совѣсти, попытка метисаціи обоихъ элементовъ государственной жизни не могла найти достаточной поддержки. Попытка эта была здѣсь оспорена. Общество раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря: одинъ, защищавшій старое, и другой, защищавшій поправку. Конечно сила, занятая побороніемъ самой себя, равна нулю, и вотъ, неудавшаяся попытка монархической партіи смѣнилась попыткою монархизма, пришедшаго извнѣ; а эта, конечно, удалась.

И такъ, понятна для насъ коренная причина розни, раздѣлившей русинскую и польскую народности: это разница культурныхъ и государственныхъ идеаловъ;

понятна причина окончательнаго торжества сеймоваго элемента: это поддержка, оказываемая Русью монархизму; понятна причина окончательнаго разложенія характеровъ и государственной жизни: это верховенство представительства въ виду исчезнувшей національной опасности; понятна, наконецъ, та роль, которую невольно сыграла Русь въ упадкѣ государственной самостоятельности Польши: она заняла постъ демократическаго теченія, бросила этимъ государственный строй въ сеймовыя крайности, а затѣмъ, оставивъ этотъ постъ, опрокинула государственную машину Рѣчи Посполитой.

IV.

ВЛІЯНІЕ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССІИ.

Съ упадкомъ государственной самостоятельности Польши, роли русской и польской народностей перемѣняются, а государственная жизнь Россіи подвергается вліянію тѣхъ идей и стремленій, какія вноситъ въ нее польская народность.

Мы не стѣснялись, высчитывая возстанія Руси и подбирая краски, характеризующія надлежащимъ образомъ эту многовѣковую борьбу. Мы оставались, однакоже, безпристрастны, и это потому, что соціозофическій взглядъ вообще, а исторіозофическій въ частности, только провѣряютъ бытовые счеты фактическихъ и юридическихъ отношеній людей, ищутъ ошибокъ и указываютъ на непремѣнныя ихъ послѣдствія. Конечно, мы рады встрѣтиться съ историческими личностями, которыя, путемъ внутренняго или внѣшняго пониманія и дѣятельности, придвигаютъ, чело-

вѣческое дѣло къ истинѣ и, не щадя себя, за него ратуютъ; но непріятно встрѣчаться съ историческими личностями, которыя, по ошибкѣ или по малодушію, уродуютъ это дѣло; сосредоточивая же свою мысль только на степени надлежащихъ условій тѣхъ modus vivendi, по которымъ двигались отношенія данныхъ народностей, мы не можемъ пристращаться къ которой-нибудь изъ нихъ. Хорошо трудиться, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, ту или другую народность, но другое дѣло—посвящать историческую истину родственности, симпатіямъ, патріотизму, интересамъ и т. д. Истину посвящаютъ такимъ образомъ только фанатики и добровольные рабы; люди же, понимающіе вѣсъ дѣйствительнаго человѣческаго дѣла (будь они самыхъ отдаленныхъ народностей, находись они въ самыхъ щекотливыхъ условіяхъ) все же не станутъ радоваться тріумфамъ одной и пораженіямъ другой, а вмѣсто этихъ ребяческихъ и старческихъ пріемовъ, порадуются исходамъ отношеній жизненно-надлежащимъ, т. е. истиннымъ, и погорюютъ надъ ложными.

И такъ, задавшись вопросомъ о научной почвѣ сочетанія элементовъ государства и соглашенія обѣихъ народностей, мы сперва вынуждены были, хотя въ общихъ чертахъ, уяснить сущность общественнаго процеса. Далѣе, мы постарались разъяснить два начала общественной жизни: принудительное и сво-

бодное. Послѣ того мы задались анализомъ государственнаго начала. Оказалось, что оно составное, и что его элементы: опека и сеймъ, воля престола и воля народа. Наконецъ, вслѣдствіе этихъ изслѣдованій, сдѣлалась для насъ возможною критическая оцѣнка хода государственной жизни бывшей Рѣчи-Посполитой и оцѣнка историческаго хода отношеній обѣихъ народностей. И только теперь, уже на почвѣ критически-освѣщенныхъ историческихъ фактовъ, мы сдѣлаемъ первый шагъ къ уразумѣнію modus vivendi искомаго соглашенія обѣихъ народностей. Послѣ того займемся другимъ періодомъ взаимныхъ вліяній обѣихъ народностей, что, въ свою очередь, дозволитъ намъ оттѣнить искомый modus vivendi болѣе яркими красками и поставить его въ той долѣ освѣщенія, какая по нашему мнѣнію необходима, чтобы попытка наша нашла себѣ поддержку мыслящихъ людей обѣихъ народностей.

И такъ, гдѣ же начало, руководящее отыскиваніемъ строго-научныхъ государственныхъ строеній и разрѣшающее вопросъ объ отношеніяхъ людей и народовъ? Не зная его, чѣмъ же докажемъ, что избранный нами modus vivendi дѣйствительно надлежащъ и научно-неоспоримъ?

Сдѣланный нами историческій обзоръ окажетъ намъ въ этомъ случаѣ услугу. Читатель извинитъ насъ, что мы пойдемъ къ рѣшенію этого всеобъемлю-

щаго вопроса кратчайшими путями. Настоящій трудъ, какъ уже нами сказано, только попытка, на которую тратить много времени не можемъ, и которую однако мы вынуждены были сдѣлать, въ виду политическихъ и государственныхъ осложненій, угрожающихъ будущности обѣихъ народностей. Мы очень хорошо помнимъ, что есть люди болѣе преданные человѣческому дѣлу, нежели мы, и даже въ извѣстномъ смыслѣ болѣе способные защищать это дѣло; но къ несчастію и рѣшимость, и способности остаются ничѣмъ, пока мы не располагаемъ устойчивою и вѣрною точкою опоры нашихъ изысканій и рѣшеній. Эту точку мы намѣрились провести въ настоящемъ трудѣ практическимъ, а не теоретическимъ путемъ, то-есть надѣемся, исходя отъ нея, освѣтить научное государственное строеніе и другіе смежные вопросы и, такимъ образомъ, оправдать ее жизненнымъ путемъ. Вслѣдствіе этого, теоретическую сторону освѣщенія этой основной антропозофической задачи мы представимъ въ нѣсколькихъ словахъ и въ самомъ сжатомъ видѣ. И такъ, переходимъ къ руководящему началу.

Минуя тысячу обобщеній, которыя у насъ на-готовѣ, спросимъ: пригодны-ли теперь тѣ исходы соглашенія обѣихъ народностей, или сочетанія обоихъ государственныхъ элементовъ, какіе были пригодны во время Гадзяцкой уставы? Отвѣтъ ясенъ: нѣтъ! Почему-же? Да потому, что уровень и относительной, и

индивидуальной зрѣлости обоихъ обществъ перемѣнился. И такъ, слѣдовательно, степень зрѣлости общества управляетъ не только государственными, международными, но и общечеловѣческими отношеніями. Это, стало быть, и есть руководящее начало,—та искомая точка опоры антропозофическихъ изслѣдованій и рѣшеній, о которой мы говорили выше.

Несомнѣнно, что объ немъ постоянно толковали, какъ объ условіи. Вопросъ о зрѣлости личности и общества, въ этомъ смыслѣ, постоянно былъ выдвигаемъ и въ наукѣ, и въ практикѣ; но вѣдь дѣло въ томъ, что это вовсе не условіе, а причина измѣненія объектовъ жизненной истины, причина, которая руководитъ всѣмъ, потому что для ея совершенствованія существуетъ все. Наука и практика иногда ссылались на зрѣлость личности и общества, потому что такая зрѣлость есть лучшій критерій человѣческаго права.

Вотъ почему естественная и искусственная сторона сочетанія обоихъ государственныхъ элементовъ тогда выразилась-бы иначе, нежели теперь. И тоже самое можно сказать о modus vivendi соглашенія обѣихъ народностей. Отношеніе уровня ихъ зрѣлости тогда было другое, вслѣдствіе чего соглашеніе это могло выразиться въ данной гегемоніи Польши; на это ей давалъ право высшій культурный уровень; теперь-же, споръ о разницѣ относительныхъ правъ неумѣстенъ,

потому что обѣ народности стоятъ на одной культурной высотѣ.

Добровольная совмѣстная жизнь, въ виду неравноправности съ одной стороны, и въ виду внѣшнихъ условій съ другой, повела-бы къ подрыву внѣшнихъ особенностей культурно-слабѣйшей національности, какъ-то: языка, вѣроисповѣданія, обычаевъ и т. п. Вотъ почему Русь, если такъ выразимся, казацкая, чувствуя силу этого соціозофическаго закона, не вдавалась съ польскою народностію въ добровольныя сдѣлки. Совершенно та же опасность грозила вообще Россіи, еслибы послѣ Лжедимитріевъ полякамъ удалось утвердиться въ Россіи. Нѣтъ основанія думать, что тогдашніе поляки, располагая средствами науки, искусства, развитаго человѣческаго и гражданскаго достоинства, гордые изысканными приличіями чести, общественности, родственности и т. д., стали-бы толерантно относиться къ внѣшнимъ особенностямъ русской народности. И вотъ, направленныя не соціозофіею, которой тогда не было, а естественными стремленіями, историческія событія не довѣрили Польшѣ судебъ Россіи. Они предпочли обратное отношеніе, при которомъ идеалы обѣихъ народностей перемѣшались, а національности остались цѣлы.

Было, слѣдовательно, время, когда Россія спасалась отъ гегемоніи Польши, и могла отстоять свою внѣшнюю своеобразность только путемъ внѣшней по-

бѣды, а слѣдовательно, ея господство на столько же составляетъ событіе исторически-правильное, насколько оправдывается національною опасностію.

Но, въ настоящее время тотъ-же самый соціозофическій законъ указываетъ на другой modus vivendi. Въ виду одинаковости культурнаго уровня обѣихъ народностей, насильственныя отношенія теперь между ними и невозможны, и нецѣлесообразны.

Добровольная и равноправная совмѣстность сдѣлалась уже и возможною и благотворною; насильственная же гегемонія, какъ переставшая исходить отъ велѣній исторической истины, грозитъ не только обѣимъ народностямъ, но и вообще славянскому міру, который точно такимъ же образомъ принужденъ себя отстаивать въ отношеніи къ западнымъ народамъ, какимъ Россія отстаивала свои національныя особенности въ отношеніи къ Польшѣ.

Конечно, дѣло здѣсь не въ завоеваніи... если наука успѣетъ направить оружіе лучшимъ образомъ, то-есть не противъ тѣхъ культурно-сильнѣйшихъ народностей, которыя въ состояніи согласиться съ ея приговорами, а противъ культурно-слабѣйшихъ, которыя съ указаніями науки согласиться еще не въ состояніи.

Теперь осталось-бы разсмотрѣть историческіе факты, касающіеся втораго послѣ-раздѣльнаго періода взаимныхъ вліяній обѣихъ народностей; но это кажется намъ излишнимъ и тѣмъ болѣе излишнимъ, что

они вполнѣ аналогичны съ фактами періода до-раздѣльнаго. Тамъ, рядъ возстаній вызванъ гоненіями сейма, обращенными противъ казаковъ, какъ главныхъ защитниковъ престола, здѣсь-же рядъ возстаній польскихъ вызванъ гоненіемъ польскаго аристократизма. Гоненіе это, какъ мы уже доказали, составляло историческую необходимость. Невозможно было упустить изъ рукъ тѣхъ шансовъ, которые, будучи однажды добыты, нейтрализировали многовѣковое насильственное соперничество Польши. Для поддержанія этихъ шансовъ нуженъ былъ перевѣсъ центростремительнаго государственнаго начала, а слѣдовательно и отрицаніе защищаемой, главнымъ образомъ, польскимъ элементомъ самостоятельности народной воли. Гоненіе, слѣдовательно, и такъ называемыхъ либераловъ, и поляковъ вызвано здѣсь правомъ самозащиты. Вотъ почему, насколько верховенство автократическаго элемента обусловливалось необходимостію насильственнаго отпора культурнымъ элементамъ Польши, грозившимъ русской литературѣ, искусству, промышленности, вѣроисповѣданію и т. п., настолько ни польскій элементъ, ни самоуправленіе не могли въ Россіи пользоваться почвою широкой дѣятельности.

Слѣдовательно, какъ въ первомъ періодѣ, рознь польскаго и русинскаго элементовъ повела за собою преслѣдованіе трона и съ поприща борьбы національностей перешла на поприще борьбы государственной,

точно также въ Россіи польскій вопросъ изъ политическаго дѣлается государственнымъ. Тамъ казаки, подъ конецъ, явно примкнули къ престолу; а здѣсь польскій элементъ въ послѣднее время если еще не фактически, то нравственно сталъ на сторонѣ государственнаго представительства.

Здѣсь, слѣдовательно, суть вопроса; здѣсь имѣемъ критерій того, можетъ ли русское общество, не рискуя своей будущностью, войти въ добровольныя и равноправныя отношенія съ польскою народностью и помышлять о юридическомъ сочетаніи обоихъ элементовъ государственной жизни.

И такъ, если допустимъ, что Россія совершенно также, какъ въ былое время, уступаетъ Польшѣ во внѣшнемъ культурномъ отношеніи, если ея образованіе нравственное, общественное и техническое, ея наука, искусство, промышленность, торговля и т. д. далеко отстаютъ отъ уровня развитія Польши, если, однимъ словомъ, ей еще не подъ силу выносить свободныя культурныя отношенія съ послѣднею, то неоспоримо, что ни дружественныя отношенія съ польскою народностію, ни сочетаніе элементовъ государственности — неумѣстны.

Но такъ какъ для каждаго понятно, что ни нравственныя, ни ученыя, ни литературныя, ни промышленныя и т. д. совершенствованія Россіи нисколько не уступаютъ культурному уровню Польши.

то насильственный гнетъ, уравновѣшивающій шансы взаимныхъ отношеній, теперь вовсе не нуженъ, и наравнѣ съ государственною подчиненностью можетъ повести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Еще разъ повторяемъ, что соціозофическихъ законовъ переспорить невозможно. Отношенія Польши къ Россіи — это не отношенія Индіи къ Англіи, а отношенія къ этой послѣдней Шотландіи.

Только кабинетные мудрецы, не освѣдомясь ни о ходѣ жизни, ни объ успѣхахъ науки, лелѣютъ старыя басни о необходимости преслѣдованія самоуправленія вообще, а польской народности въ особенности; русскій же народъ уже отлично понялъ, что требованія времени перемѣнились, и что вслѣдствіе этого *юридически признанная и устроенная народная самодѣятельность и междунаціональная совмѣстность не только не грозятъ дальнѣйшему совершенствованію, но напротивъ, составляютъ единственный якорь спасенія.* Государственная безправность общества и политическая—польской народности, въ виду зрѣлости русскаго общества и равноправности обѣихъ народностей, способны внести нравственное разложеніе въ лоно двигателей общественной жизни. Да, соглашеніе добровольное, разумное не застанетъ русскаго общества нравственно-обезсиленнымъ, устойчивость характеровъ не потеряется здѣсь въ несправедливой или неравной борьбѣ; уступку же насильственную

предупреждаетъ апатичное состояніе общества, упадокъ науки, характеровъ и силы, а на почвѣ этого упадка, конечно, не только полонизмъ, но даже обреченныя разумомъ особенности вступятъ въ новую и болѣе успѣшную борьбу. Старая государственная и національная программа, спасительная въ свое время,— нынѣ для Россіи гибельна.

И такъ, проводя параллель между 1-мъ и 2-мъ періодами отношеній обѣихъ народностей, видимъ, что въ 1-мъ періодѣ католизація и полонизація Руси служила только извинительнымъ предлогомъ, подъ которымъ скрывалась защита верховенства сейма, верхняго слоя добытой стороны правъ человѣческой личности и т. д. Здѣсь же натискъ на польскую національность, какъ-то: преподаваніе религіи и наукъ на русскомъ языкѣ въ средѣ чисто польскаго населенія, введеніе русскаго языка и православія въ судѣ, административной, военной, полицейской и государственной службѣ, наконецъ въ семьѣ, землевладѣніи и т. п. Весь этотъ натискъ, дѣлаемый отъ имени русской народности, служитъ только извинительнымъ предлогомъ, подъ которымъ укрывается не національный и религіозный фанатизмъ, а борьба съ доказывающею стороною цивилизаціи и съ тѣми ея носителями, которые, вслѣдствіе даннаго склада этнографическихъ и другихъ условій, могли-бы съ помощію спорной цѣнности—культурныхъ добытковъ — навязать свое

верховенство, опасное для національныхъ особенностей русскаго народа.

Мы уже сказали, что національныя особенности, т. е. разница вѣроисповѣданій, языка, обычаевъ и т. п. бываютъ исторически-необходимы. Онѣ оберегаютъ индивидуальность народовъ отъ тѣхъ промаховъ, какіе сдѣланы другими. Мы указали даже на неизбѣжность политической борьбы славянства съ Западомъ, если наукѣ не удастся объединить культурныя противорѣчія. Но борьба эта будетъ немыслима, какъ скоро западные народы, признавъ начала научнаго общественнаго строенія, перестанутъ угрожать экономическому, нравственному и общественному совершенствованію славянскихъ народностей. При такихъ условіяхъ борьба была-бы историческою неправдою, она повела-бы даже къ пораженію славянскаго міра, потому что этотъ послѣдній, вслѣдствіе многовѣковаго соперничества, переполненъ элементами запада, которые въ случаѣ борьбы, возбужденной, конечно, только изъ-за властолюбія, сумѣли-бы отстоять свое дѣло.

И совершенно тоже самое можно сказать на счетъ дальнѣйшихъ отношеній Россіи къ Польшѣ. До той границы, въ которой русская культура, не поддержанная физическимъ перевѣсомъ, не могла устоять въ соперничествѣ съ культурою польскою, отношенія принудительнаго характера были соціозофически-правильны. Они-то именно успѣли въ извѣстной степени

демократизировать Польшу и аристократизировать Россію; но, начиная съ момента научнаго объединенія міровоззрѣній съ одной стороны, и сближенія и культурнаго уравненія съ другой, принудительныя отношенія окажутся во вредъ Россіи не только потому, что исторически-вѣрный путь не можетъ быть обойденъ безнаказанно, но еще и потому, что борьба прошедшаго времени открыла польскому элементу огромный доступъ къ нравственной, экономической и умственной почвѣ русской жизни. Статистика могла-бы бросить рѣшительный свѣтъ на это наше положеніе и доказать неоспоримыми цыфровыми данными, что программа давленія на польскій элементъ, переставшая быть историческою необходимостію, неизбѣжно ведетъ къ полонизаціи, т. е. къ результату діаметрально противоположному намѣченной цѣли, и что дальнѣйшая борьба въ этомъ направленіи—въ виду культурнаго вѣса польской народности и здѣсь, и на западѣ—для русской національности крайне опасна.

Да, тѣ необъятные пути вліянія, какіе открыты теперь польской народности и въ Россіи, и на западѣ, дарованы ей въ большинствѣ случаевъ не собственною энергіею и умѣлостію, а тѣми мѣрами, которыя имѣли цѣлью провести обратное отношеніе.

Вліяніе это было, не сомнѣваемся, благотворно: и наука, и искусство, и промышленность, и торговля, и чувство человѣческаго и гражданскаго достоинства

имѣли въ польскомъ элементѣ неусыпнаго радѣтеля, если не „для спасенія отечества“, то пожизненной необходимости. И отрицатели на западѣ, и реакціонеры въ Россіи встрѣтили въ этомъ элементѣ должный противовѣсъ, и можно утверждать, вовсе не рискуя, что именно вліяніе польской народности спасаетъ цивилизацію отъ тѣхъ крайностей фанатизма и безвѣрія, принужденія и свободы, насилія внутренняго и внѣшняго, мистицизма и звѣрства, которые угрожаютъ передовымъ обществамъ самыми тяжкими испытаніями.

Да, велѣнія естественнаго хода событій обрекли эту народность на постъ противовѣса ложныхъ тріумфовъ. Но какъ скоро постъ этотъ займетъ наука, то дальнѣйшее зависимое положеніе этой народности сдѣлается немыслимымъ.

Такимъ-то образомъ, и съ точки зрѣнія соціозофическаго закона, управляющаго ходомъ международныхъ отношеній, и съ точки зрѣнія всеобщихъ міровыхъ цѣлей, программа защиты велѣній въ Россіи, а отрицанія на западѣ, а слѣдовательно и программа давленія на польскій элементъ — устарѣли.

Политическій и государственный догматъ, что Россія врагъ народнаго представительства Польши и запада, не имѣетъ болѣе смысла. Моментъ возможности разумнаго соглашенія устраняетъ необходимость борьбы. Для сторонниковъ же старой программы—

Россія, уступающая передъ добытою стороною правъ человѣческой личности, Россія, рѣшающаяся войти въ отношенія съ не-нейтрализованнымъ при помощи физическаго давленія польскимъ элементомъ, Россія дѣлающая уступки народной самостоятельности, это— Россія погибающая. Но подумаемъ однако: неужели тотъ великій народъ, который успѣлъ поставить гордыя преграды государственной системѣ Запада и уловкамъ человѣческаго насилія, считаетъ своею миссіею бороться съ личнымъ и гражданскимъ достоинствомъ, съ доказывающею стороною человѣческаго труда, права и долга? Нѣтъ, его миссія — отстоять права внутренней, указывающей стороны культуры, отстоять нижній слой общества отъ скороспѣлыхъ притязаній интелигенціи, защитить однимъ словомъ то великое, которое хочетъ быть доказано, и которое гибнетъ въ ошибкахъ человѣческой мысли и уловкахъ человѣческаго насилія. Вотъ миссія Россіи!

Противъ нея теперь и Западъ, перешедшій отъ защиты внѣшнихъ элементовъ человѣческаго права къ отрицанію жизненной истины, и адепты такого Запада — въ русскомъ обществѣ. И только съ крайностями русской и западной культуры борется теперь польская народность. Положеніе трудное. Сдѣлаемъ же такъ, чтобы идеалы указывающей и доказывающей стороны цивилизаціи не мѣшали другъ другу, то-есть сочетаемъ ихъ на всѣхъ поприщахъ человѣческаго дѣла;

поставимъ науку на пьедесталѣ авторитетнаго противовѣса крайностей, снимемъ съ этого тяжелаго поста польскую народность; и тогда, конечно, не будетъ рѣчи о правахъ того или другаго насилія, и, дружно сплоченныя у велѣній жизненной истины, передовыя общества въ состояніи будутъ начать другую борьбу, борьбу съ источникомъ человѣческихъ бѣдствій, т. е. ошибками, низостями и фальшивыми условіями — гдѣ-бы они ни проявлялись.

Вотъ задача, разрѣшеніе которой откроетъ передъ человѣчествомъ новую жизнь.

Частный ходъ историческихъ событій разрѣшаетъ эту задачу сочетанія тяжкими для народовъ и человѣчества путями, и вотъ почему приговоры событій должны уступить долю верховенства приговорамъ науки.

Возможно-ли забывать тотъ поучительный примѣръ, какой представляетъ судьба Польши. Народъ этотъ тоже преслѣдовалъ свою миссію. Онъ выдвинулъ довольно высокій идеалъ доказывающаго государственнаго элемента; онъ боролся за доказывающую сторону труда, права и долга; онъ поставилъ волю разумной и честной личности выше всего на свѣтѣ, и уравнялъ права такой личности съ приговорами всего міра, вмѣстѣ взятаго; онъ нашелъ идеальную норму единичнаго выраженія собирательной воли; онъ, наконецъ, цѣлые вѣка успѣлъ устоять на высотѣ

учрежденій ничѣмъ формальнымъ необезпеченной общественной правды и т. д. И неужели будетъ вѣрно, если скажемъ, что народъ этотъ долженъ слѣпо бороться съ внутренними опорами культуры, съ правами трона, церкви, труда, съ беззавѣтною любовью, человѣчностью и т. п. О, нѣтъ! такой задачи никто не признавалъ за польскою націею, и точно также невозможно навязывать Россіи устарѣвшія, вызванныя временною историческою необходимостію, программы государственнаго и международнаго насилія.

Польское дворянство отвергло компромисъ съ тропомъ и казаками, но не забудемъ, что почва соглашенія была нелѣпа. Русь отдѣлилась. Государственная самостоятельностъ Польши пала.

И точно также Россія отвергаетъ сочетаніе и съ народною волею, и съ польскою народностію, и тоже потому, что предлагаемые компромисы нелѣпы.

Но если можно считать пагубными тѣ компромисы-которыми пробавляются западные народы, то не менѣе того нужно считать крайне опасною защиту котораго нибудь изъ факторовъ прогресса. Защита верховенства сейма возможна была въ Рѣчи Посполитой только до времени. Побѣда надъ Русью и отложеніе этой послѣдней нарушили равновѣсіе государственной машины и условили окончательное пораженіе государственности. И въ нынѣшней Россіи тоже самое игнорированіе народной самодѣятельности и преслѣ-

Основанія научн. госуд. строенія.

дованіе польской народности дѣлается день-ото-дня опаснѣе.

Но нынѣ рѣшено наукою, что оба элемента государства и свободы составляютъ неисключимые пути человѣческаго дѣла; нынѣ разрѣшенъ вопросъ о нормахъ научнаго государственнаго строенія; нынѣ докажемъ, что добровольная совмѣстная жизнь составляетъ лучшій исходъ отношеній польской и русской народностей, и назавтра, вмѣсто тѣхъ или другихъ коньковъ, станемъ на почвѣ свѣтлой и могучей исторической будущности.

Да, *мы утверждаемъ, что Россія уже перешагнула тотъ моментъ, когда насильственное давленіе на польскую народность было исторически-правильно, и когда, ради возможности этого давленія, Россія принуждена была отказываться отъ представительныхъ учрежденій.* Перешагнувъ же этотъ моментъ и отстаивая старую программу, она становится на покатости разложенія характеровъ. Программа эта — отрава, вводящая въ общественный организмъ апатію и отрицаніе. Наконецъ, та-же программа обусловливаетъ разладъ въ отношеніяхъ Россіи и къ другимъ народамъ.

И вотъ, очень легко можетъ случиться, что причину внутреннихъ и внѣшнихъ грозъ, причину революціонныхъ затѣй и внѣшнихъ политическихъ осложненій припишутъ окончательно происканъ польскаго элемента, совершенно какъ въ концѣ 1-го періода

польское дворянство успѣло приписать причину попытокъ монархизма и вражды сосѣдей происканъ казаковъ.

Тамъ, вмѣсто того чтобы научно рѣшить національный и государственный вопросъ—о чемъ при тогдашнемъ состояніи общественныхъ наукъ не могло быть и рѣчи—довели дѣло до отложенія Руси, торжествуя въ этомъ отложеніи величайшую побѣду свободы. И здѣсь, на сколько наука, въ лицѣ преданныхъ правдѣ и человѣчеству мыслителей, не приметъ на себя трудъ научнаго разрѣшенія подлежащихъ вопросовъ, на столько же правдоподобно, что кабинетные совѣтники придутъ къ благому заключенію, что Россія разрѣшитъ и государственный и международный вопросы, отрѣшась отъ Польши, взамѣнъ болѣе преданныхъ гражданъ.

Планъ, дѣйствительно, великолѣпный! Одно только въ немъ забыто: а именно то, что польскій элементъ удерживаетъ въ равновѣсіи государственную машину русской жизни, и что оставленіе имъ занимаемой позиціи привело-бы къ крайностямъ военнаго положенія; совершенно такъ же, какъ крайности анархіи наступили вслѣдъ за отложеніемъ Руси.

На крайностяхъ анархіи восторжествовала наконецъ Русь; на крайностяхъ опеки могла-бы восторжествовать Польша.

Да, мы не желаемъ ни завоеваній Польши въ

Россіи, ни Россіи въ Польшѣ. Мы не желаемъ ни отложенія одной, ни разложенія другой. Намъ одинаково дорога̀ защита, какъ человѣчности, такъ и прогресса; какъ одного слоя, такъ и другаго и т. д. Мы не должны быть другъ-для-друга карою Божьею, а напротивъ — стремиться къ такимъ отношеніямъ, которыя сдѣлаютъ насъ оплотомъ славянскаго міра, того міра, которому предстоитъ... борьба съ Западомъ, подъ знаменемъ дѣйствительно-научныхъ началъ цивилизаціи.

ЧАСТЬ II.

ОБЩІЯ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВА.

Глава V. Источникъ государственной власти.
Глава VI. Практическое значеніе двухъ элементовъ власти.
Глава VII. Типы государственнаго строенія.
Глава VIII. Границы государства.
Глава IX. Неисключаемость министерскаго и представительнаго элементовъ на всѣхъ поприщахъ центральнаго и мѣстнаго отправленія власти.
Глава X. Два пути сочетанія воли престола съ волею народа: 1) внутренній — необезпеченный и 2) внѣшній—искусственный.

V.

ИСТОЧНИКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Много писалось и пишется объ источникѣ принудительнаго элемента собирательной воли, то есть, о томъ, откуда исходитъ право собирательности — насильственно вмѣшиваться въ политическій, экономическій и нравственный порядокъ отношеній и дѣятельности гражданъ.

На практикѣ, дѣло это представляется такимъ образомъ, что, или 1) общество соглашается, въ видахъ огражденія правъ гражданъ т. е. для защиты жизненной правды и ея прогресса, признать правительственную власть за данною, состоящею съ нимъ въ юридическомъ и фактическомъ единеніи, составною или единичною личностію, или 2) единичная или составная личность проводитъ свою волю, по общественному устроенію и руководительству, самозависимо т. е. автократически, или же 3) имѣетъ мѣсто и то, и другое, т. е. существуютъ и учрежденія, истекающія отъ

общества, и другія, истекающія отъ воли самозавися-щаго, автократическаго характера.

Вотъ главные три типа внѣшняго генезиса правительственной власти.

Философы, политики и юристы всѣхъ временъ старались рѣшить: которому изъ этихъ типовъ принадлежитъ правительственная власть по дѣйствительному т. е. основанному на велѣніяхъ человѣческой природы праву, и задача осталась нерѣшенною.

Нѣкоторые, впрочемъ, обходили рѣшеніе, утверждая, что, какъ правительственная, такъ и нравственная власть исходитъ отъ Бога съ одной стороны, а отъ велѣній жизненной необходимости, съ другой; но, въ такомъ случаѣ, останутся нерѣшенными вопросы: о критеріѣ воли Божіей, или же, о критеріѣ жизненной необходимости, не разрѣшая которыхъ, задачу относимъ къ начальному ея положенію т. е. уклоняемся отъ научнаго ея разрѣшенія.

И такъ, необходимо какъ въ этомъ, такъ и въ всякомъ другомъ случаѣ научное рѣшеніе, т. е. основанное не напосылкѣ къ неизвѣстному, а на извѣстномъ критеріѣ.

Только такое рѣшеніе можетъ быть приложено къ жизненнымъ фактамъ такимъ образомъ, что въ результатѣ получится критика этихъ фактовъ. И такъ, въ данномъ случаѣ, для рѣшенія задачи объ источникѣ правительственной власти, мы должны отыскать такой

критерій, съ помощію котораго можно бы было узнать, которыя изъ данныхъ проявленій власти исходятъ отъ ея дѣйствительнаго источника, и которыя отъ него не исходятъ.

Наука, ссылающаяся на неизвѣстное, аппелирующая къ изолированному, спекулятивному или опытному разумѣнію, не есть еще наука, потому что не доставляетъ такого рода опоры, какая способна приводить всѣхъ компетентныхъ людей къ одному и тому-же рѣшенію по даннымъ вопросамъ.

Нужно знать, гдѣ источникъ власти, не изъ простаго любопытства, а изъ-за возможности жизненнаго руководительства, а слѣдовательно и познаніе это должно быть таково, чтобы обусловливало возможность единства научныхъ мнѣній.

Неоспоримо, что все благое согласно съ волею Промысла, и также согласно съ велѣніями жизненной необходимости въ ея существенномъ ходѣ. Задачу, слѣдовательно, можно свести или къ отысканію благихъ жизненныхъ цѣлей, или же къ критикѣ жизненно-необходимаго.

Только зная относительный критерій, мы въ состояніи, въ данномъ случаѣ, отыскать объектъ блага и тѣмъ самымъ узнать: исходитъ-ли власть въ данномъ случаѣ отъ дѣйствительнаго или же отъ фиктивнаго источника.

Вотъ почему наука не можетъ ограничиться ни

ссылками на волю Промысла, ни ссылками на практику въ данныхъ случаяхъ.—Ей нужна увѣренность и доказательность, объединяющая мнѣнія, ей нуженъ критерій естественныхъ и нравственныхъ побѣдъ, а не однѣ только ссылки на спорныя побѣды. То, что для однихъ можетъ казаться согласнымъ съ волею Промысла и съ жизненною необходимостью, для другихъ можетъ показаться и низкимъ, и непрактичнымъ.

И такъ, научное изслѣдованіе не можетъ обходить задачу, возвращаясь къ ея новой постановкѣ, а должно провести рѣшеніе такимъ образомъ, чтобы съ помощью его можно было, въ данныхъ жизненныхъ вопросахъ, приходить къ неспоримымъ выводамъ.

Возвращаясь къ тремъ типамъ фактическаго происхожденія правительственной власти и къ вопросу о томъ, которому изъ этихъ типовъ власть принадлежитъ по дѣйствительному праву, мы вынуждены отклонить эту задачу, потому что происхожденіе власти какъ фактическое, такъ и существенное не имѣютъ между собою опредѣленной связи.—Ни происхожденіе существенное не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи фактическомъ, ни происхожденіе фактическое не освѣщаетъ существенной стороны самаго факта. Задача, слѣдовательно, объ отнесеніи источника власти къ волѣ народа, волѣ трона, или же волѣ, исходящей отъ соглашенія народа съ тономъ, поставлена невѣрно. Во всѣхъ

этихъ случаяхъ власть можетъ исходить отъ дѣйствительнаго своего источника, или же отъ него не исходить, почему и рѣшеніе на этой почвѣ невозможно.

Критика типовъ фактическаго происхожденія власти дѣлается необходимою только въ виду технической стороны задачи, т. е. тамъ, гдѣ отыскиваемъ жизненныя нормы, въ которыхъ находимъ внѣшнія гарантіи того, что власть будетъ тяготѣть къ дѣйствительному своему источнику; но она вовсе неумѣстна тамъ, гдѣ вопросъ поставленъ о самомъ этомъ источникѣ, а слѣдовательно — теоретически.

Если бы мы спросили, гдѣ источникъ жизни—во внутреннихъ-ли центростремительныхъ или же во внѣшнихъ центробѣжныхъ отправленіяхъ организма или-же въ обѣихъ вмѣстѣ? Научная мысль разъяснила бы намъ, что тѣ или другія отправленія организма одно дѣло, а источникъ жизни—другое. На сколько отправленія организма болѣзненны, на столько они—будь они какого-угодно фактическаго порядка—отъ источника жизни навѣрное не исходятъ. И точно также и верховенство народное, и автократическое, и сочетаніе воли народа съ волею престола, могутъ стремиться къ жизненнымъ несообразностямъ, а тогда, конечно, стремленія эти не могутъ исходить отъ дѣйствительнаго источника власти. Ни естественнымъ отправленіямъ организма индивидуальнаго, ни правительственнымъ отправленіямъ организма обществен-

наго невозможно приписывать той самой санкціи, съ которою онѣ могутъ идти въ разрѣзъ.

И такъ, перенесемъ задачу на ея собственную почву.

Если бы насъ спросили, кому принадлежитъ окончательно рѣшающій голосъ въ семьѣ, мужчинѣ или женщинѣ, или же обоимъ вмѣстѣ? то мы бы не могли согласиться ни съ однимъ изъ этихъ рѣшеній. По капризу и разсчету, ни мужчина, ни женщина, ни оба вмѣстѣ рѣшающаго голоса въ дѣлахъ семьи имѣть не могутъ. Капризъ и влеченіе — это еще не право, а слѣдовательно и не источникъ семейной власти.

Окончательныя рѣшенія семейной воли нужны для надлежащаго направленія дѣятельности въ дѣлахъ, касающихся семейства, т. е. для ея направленія къ исходамъ жизненно-истиннымъ. Но если это вѣрно, если дѣйствительно мы стремимся въ жизни къ исходамъ надлежащимъ, то для всякаго понятно, что встрѣчаться могутъ и ложные исходы, и что вслѣдствіе этого, не влеченія и капризы которой-нибудь изъ, сторонъ или обѣихъ вмѣстѣ, а эти именно исходы истинные суть источники рѣшающей семейной воли. И такъ, приходимъ къ окончательному заключенію, что авторитетъ принадлежитъ здѣсь жизненной истинѣ.

Будь мужчина могучъ какъ левъ и смышленъ, какъ не знаю что, но если онъ задумаетъ сдѣлать варварство, низость или глупость, то супруга останавли-

вастъ его насильно этою именно властью, исходящею отъ велѣній жизненной истины.

И тоже самое можетъ встрѣтиться супругѣ, поддающейся капризамъ, влеченіямъ и блескамъ.

Такимъ-то образомъ, понимая, гдѣ источникъ авторитетной семейной власти, сразу замѣчаемъ, что стороны составляютъ только ея проводникъ, и что онѣ per se, т. е. безъ всякаго отношенія къ жизненной истинѣ, могутъ быть способны къ чему угодно, но только не къ отправленію семейной власти.

Съ этого момента задача наша переходитъ на техническую почву, гдѣ рѣшаемъ вопросъ о естественныхъ и искусственныхъ гарантіяхъ такого участія сторонъ въ дѣлѣ семейной власти, при которомъ авторитетъ жизненной истины будетъ наиболѣе обезпеченъ. Здѣсь не разсуждаемъ о правахъ и критеріѣ жизненной истины, а только о такомъ искусственномъ устроеніи семейной единицы, при которомъ стороны наиболѣе способны подчиняться авторитету правды, а наименѣе—стремленіямъ, исключающимъ этотъ авторитетъ.

Задача эта очевидно не теоретическаго, а прикладнаго характера, т. е. она рѣшима только по отношенію къ степени зрѣлости семейной среды.

Строеніе семейной единицы, совершенно надлежащее по отношенію къ относительной ступени развитія—невѣрно, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ.

И такъ, на самой низкой ступени культуры, рѣшенія семьи исходятъ отъ взаимодѣйствія двоякаго порядка естественныхъ побужденій, способностей и силъ сторонъ, безъ всякаго почти воздѣйствія на эти рѣшенія со стороны сознательнаго уваженія къ исходамъ надлежащимъ. На высшихъ же ступеняхъ развитія, сознательное и самозависящее нравственное стремленіе беретъ все бо́льшій и бо́льшій перевѣсъ надъ рѣшеніями естественнаго порядка.—Рѣшеній, истекающихъ отъ внѣшняго или внутренняго перевѣса, отъ страха, обаянія привычекъ, влеченій и т. п. здѣсь очень мало.

Вотъ почему на низшихъ ступеняхъ развитія правительственныя и церковныя гарантіи надлежащаго хода семейной воли—самыя широкія; на высшихъ же ступеняхъ зрѣлости мѣсто этихъ гарантій занимаетъ все болѣе самозависящая и разумная рѣшимость сторонъ устоять на почвѣ должнаго.

Строеніе, слѣдовательно, семейной единицы весьма измѣнчиво.

Теперь попытаемся приложить это рѣшеніе къ занимающей насъ задачѣ о происхожденіи правительственной власти.

Ни автократизмъ, ни общество, ни оба вмѣстѣ, не суть источники власти. Принудительный элементъ собирательной воли нуженъ для установленія и проведенія тѣхъ мотивовъ, путей и цѣлей, которые хотя

и должны быть желательны данному обществу, но которыхъ свободная инициатива ни въ лицѣ единичной, ни въ лицѣ собирательной свободы, защищать еще не можетъ. Принудительный, слѣдовательно, элементъ собирательности, наравнѣ вообще съ человѣческою личностію, стремится къ осуществленію жизненно надлежащаго. Онъ безупреченъ, если находитъ санкцію въ жизненной истинѣ; плохъ, если идетъ съ нею въ разрѣзъ. Эта-то, слѣдовательно, истина и составляетъ источникъ власти. „Право принуждать и не дается, и не принимается, а лишь опредѣляется, кѣмъ оно должно быть исполняемо; вслѣдствіе чего, повинуясь доброй власти—царствуемъ, а повелѣвая во зло—рабствуемъ.“

Если-бы власть, дѣйствительно, исходила напр. отъ общества. то ктобы имѣлъ право насильно устраивать, просвѣщать и т. д. какихъ-нибудь Lampongi, Orangbenua, Raretanga и тому подобныхъ дикарей? А между тѣмъ, мы это не только дѣлаемъ, но будемъ дѣлать въ огромныхъ и величавыхъ размѣрахъ, и будемъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока будетъ разница въ способностяхъ, трудѣ и мужествѣ людей, т. е. всегда.

И точно также, если-бы власть исходила отъ автократизма, то по какому праву общество—на протяженіи всего историческаго хода государственнаго дѣла—вмѣшивается въ свое собственное принудительное отправленіе?

Наконецъ, ни одно изъ сочетаній престола съ сей-

момъ не можетъ составлять источника власти, потому что въ такомъ случаѣ неизвѣстно, за кѣмъ остается право измѣнять нормы этого сочетанія.

Право это—за дѣйствительнымъ источникомъ власти, т. е. за авторитетомъ жизненной истины.

Будь опека самая стройная, располагай она самыми сильными агентами блеска, обаянія, церемоній, формальностей и т. д., но какъ скоро она избираетъ путь къ ложнымъ общественнымъ и международнымъ исходамъ, то представительство останавливаетъ ее исходящею отъ жизненной истины властью.

Будь, въ свою очередь, самоуправленіе могущественно, какъ напр. въ Англіи, располагай оно самыми удручающими агентами внѣшней силы, но какъ скоро оно рѣшается отказывать въ правѣ на трудовое поприще (напримѣръ, ирландскому народу), какъ скоро, однимъ словомъ, видитъ святость въ легализмѣ, а не въ человѣческомъ правѣ, то будетъ, ранѣе или позже, остановлено опекою, защищающею главнымъ образомъ не законъ, а указъ; не норму, а усмотрѣніе; не сильнѣйшихъ и прогрессъ, а слабѣйшихъ и человѣчность.

Толки, слѣдовательно, о верховенствѣ народа или автократизма совершенно напрасны. Мало-ли что принято, говоритъ автократизмъ. Мало-ли что приказано, отвѣчаетъ общество. Да, и законъ, и указъ могутъ быть, въ относительныхъ случаяхъ, равносильны. *Об-*

щественное мнѣніе и законы даютъ устойчивость указамъ; указы же и усмотрѣнія дѣлаютъ законы прінаровимыми. Въ обществахъ, устроенныхъ аристократически, обоготворяютъ приличія и законы, которые тамъ не уступаютъ передъ самыми явными, жизненными несообразностями. Ихъ проводятъ съ утонченною вѣжливостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнею неуступчивостію.—Представитель администраціи, суда и полиціи является здѣсь автоматомъ, глухимъ къ дѣйствительному человѣческому праву, хотя бы оно отзывалось самымъ яснымъ и потрясающимъ человѣческую совѣсть голосомъ. Онъ не имѣетъ права апелировать ни къ руководящему началу, ни къ личному своему разумѣнію. И вотъ личность и человѣческое право являются здѣсь жертвою мертвыхъ нормъ закона и приличій. Сторонники верховенства общественной самостоятельности постоянно впадаютъ въ эту крайность безучастнаго отношенія къ человѣческому праву, изъза угожденія приличіямъ. Оттого-то, напр., въ Россіи можно было провести надѣленіе крестьянъ землею, въ Англіи же апелируютъ къ закону, къ легальности, къ давностямъ, къ консерватизму и т. п. и съ жестокостью, недостойною великой націи, относятся къ участи порабощеннаго ирландскаго населенія. Отговорка, что устойчивость общественнаго порядка требуетъ санкціонированія отношеній прошедшаго, неумѣстна: — иначе, отчего же эта устойчивость не подверглась

опасности ни въ Россіи, ни гдѣ-бы-то ни было. Варвары опрокинули римскую цивилизацію вовсе не принципомъ самоуправленія, а принципомъ довѣрія, который внесъ въ мертвый организмъ легальностей живую суть человѣческой личности.

Въ обществахъ же, устроенныхъ демократически, движеніе правительственной воли неустойчиво; отсюда необезпеченность и апатическое состояніе общества. Французская революція боролась не только за самостоятельность общества, т. е. за торжество той или другой аристократіи, но равнымъ образомъ и за вѣсъ закона.

И такъ, власть нельзя считать ни за общественною, ни за автократическою волею, ни за закономъ, ни за указомъ.—Она исходитъ отъ жизненной истины, т. е. отъ человѣческой личности, тамъ гдѣ она и права, и состоятельна.

Какъ скоро мы знаемъ, гдѣ можемъ научно доискиваться санкціи правительственной власти, передъ нами выступаетъ техническая сторона задачи, т. е. вопросъ о томъ, въ какихъ нормахъ должно выразиться сочетаніе опеки съ представительствомъ, чтобы власть могла составить дѣйствительную опору общественной дѣятельности въ дѣлѣ отыскиванія и проведенія истинныхъ исходовъ борьбы личности съ тайною и силами организма, природы и общества.

Вопросъ этотъ рѣшимъ только по отношенію къ той сферѣ, въ которой долженъ найти примѣненіе.

И такъ, дикое общество не ищетъ намѣренно надлежащихъ цѣлей, вслѣдствіе чего два элемента власти находятся тамъ въ борьбѣ, нерегулируемой голосомъ науки и религіи, убѣжденій и вѣрованій. Каждый элементъ, подчинивъ соперника, доходитъ до наиболѣе удручающихъ его крайностей для того, чтобы вызвать кризисъ и уступить ему свое мѣсто. На умаляющихся этихъ крайностяхъ торжествуетъ все болѣе и болѣе сочетаніе обоихъ элементовъ власти. Голосъ религіи и науки условливаетъ повышающееся торжество стремленій нравственно-самостоятельныхъ, т. е. стремленій къ жизненно надлежащему истинному, а отсюда исходятъ высшія нормы сочетаній воли престола съ народною волею.

Очевидно, что, въ наше время находимъ общества, которыя, сознавая некомпетентность науки и вѣрованій въ дѣлѣ надлежащаго устроенія государственной жизни, отказались поддерживать тѣ или другіе идеалы общественнаго порядка, тѣ или другія нормы экономическихъ, политическихъ и нравственныхъ отношеній, сдавая, намѣренно, это дѣло въ руки естественной борьбы опеки съ представительствомъ, государства съ свободною иниціативой, женщины съ мужчиною, работника съ предпринимателемъ, и т. д. Выслушиваніе и потворствованіе событіямъ, уступки тому или другому слою, положенію, цѣли и т. п., дѣлаемыя только въ виду неминуемаго насилія, возможно широ-

кая терпимость всевозможныхъ вѣрованій, ученій и поступковъ, заняли здѣсь мѣсто энергическаго отстаиванія того, что считаемъ хорошимъ. Неувѣренность въ дѣлаемыхъ соціозофическихъ счетахъ выдвинула программу самоотреченія и невмѣшательства. Программа эта возможна только временно, и дѣйствительно передовыя общества, отъ выжиданія и невмѣшательства переходятъ на почву отрицанія и правъ насилія.

Противоположный полюсъ программы невмѣшательства находимъ въ старыхъ цивилизаціяхъ, которыя стойко и упорно защищаютъ тѣ или другіе ошибочные государственные и общественные порядки.

Встрѣчаемъ, наконецъ, не только варварскія побѣды котораго-нибудь изъ началъ или поясненное нами и выдаваемое за свободу самоотреченіе отъ общественнаго руководительства, но возможны, равнымъ образомъ, типы культурныхъ крайностей, т. е. такіе государственные строи, которые, намѣренно, опираются на одномъ только элементѣ государственной жизни, давая другому элементу не юридическій а только фактическій просторъ. Побѣду мужескаго элемента государственности разсматривали мы въ исторіи Польши, побѣду же элемента женскаго имѣемъ передъ собою въ государственномъ строѣ Россіи. Тамъ взяли верхъ законы и приличія надъ внутреннимъ голосомъ и указами, а здѣсь находимъ отношеніе обратное. Тамъ отстаивалась добытая сторона человѣческаго права и

верхній слой, а здѣсь—естественная сторона этого права и нижній слой, и т. д. Въ сочетаніи элементовъ прогресса вообще, а государственности въ особенности, отказывали или отказываютъ здѣсь не изъза грубыхъ предразсудковъ а тоже изъ-за неразрѣшенности антропозофической задачи, т. е. изъ за неизвѣстности на счетъ надлежащихъ нормъ сочетанія агентовъ прогресса и агентовъ государственности. Это уже не самоотреченіе западныхъ народовъ и не фанатизмъ древнихъ и восточныхъ, а сознательное отстаиваніе одного изъ постовъ человѣческаго дѣла, постовъ, которые скорѣе предпочитаютъдержать внѣ юридическаго соединенія, нежели соединять ихъ ошибочно.

И такъ, изъ сказаннаго истекаютъ слѣдующія начала:

1) Власть истекаетъ изъ жизненной истины, а слѣдовательно, и изъ человѣческой личности, тамъ гдѣ она права и состоятельна.

2) Ни государственная, ни свободная собирательность, per se, не авторитетны.

3) Программа невмѣшательства собирательности въ отправленіе общественнаго организма, какъ сваливающая всю отвѣтственность на раздѣльную инціативу, несостоятельна,

и 4) На сколько сочетаніе элементовъ государственной жизни надлежаще, и на сколько, вслѣдствіе этого, правительственная дѣятельность направлена къ

дѣйствительной поддержкѣ и прогрессу нравственности, общественности и творчества, на столько власть эта тождественна съ отправленіями человѣческой личности тамъ, гдѣ эта личность и права, и состоятельна. Она является, въ этомъ случаѣ, органомъ дѣйствительнаго авторитета.

И такъ, мы успѣли нѣсколько ближе обрисовать то искомое, отъ котораго исходитъ и нравственный, и принудительный авторитетъ и вообще человѣческое право. Это — жизненная истина.

Несомнѣнно, что и то уже хорошо, если знаемъ, къ чему сводится сущность воли Промысла и велѣній практики.—Объекты жизненной истины гораздо доступнѣе научному изслѣдованію, нежели отвлеченныя велѣнія Промысла и природы. Гораздо легче апелировать къ этому началу, нежели къ тѣмъ трудностямъ, не дающимся наукѣ. Если въ задачѣ: правъ ли авторитетъ, я имѣю въ виду самостоятельную, научную критику тѣхъ цѣлей, которыя онъ защищаетъ, и тѣхъ путей, которымъ слѣдуетъ, то очевидно, что такъ какъ жизненно-истинное, составляющее центръ тяготѣнія стремленій человѣческой природы, болѣе или менѣе доступно нашему разумѣнію и чувству, то, настолько же, доступна критика власти.

Помимо, однако, всего этого, мы только упростили задачу объ источникѣ власти; она здѣсь научно поставлена, но не разрѣшена. Ссылка на жизненную истину

для научнаго изслѣдованія гораздо удобнѣе, но ссылка эта вести можетъ къ научному рѣшенію относительныхъ задачъ только въ томъ случаѣ, если мы располагаемъ критеріемъ жизненной истины.

И такъ, остается передъ нами все рѣшающій вопросъ о критеріи объектовъ жизненно-истиннаго—надлежащаго, о такомъ критеріѣ, который доступенъ научному разумѣнію.

Было бы неумѣстно, съ нашей стороны, вдаваться, въ настоящемъ сочиненіи въ подробныя и отдаленныя изысканія по этому вопросу, но, равнымъ образомъ, невозможно оставлять читателя въ недоумѣніи. Вотъ почему, ссылаясь на умомянутый выше нашъ трудъ и на соображенія, которыя нами уже высказаны, мы постараемся провести рѣшеніе въ самыхъ крупныхъ чертахъ.

Всякъ согласится, что мотивы, цѣли и пути, которыхъ придерживаемся въ данныхъ жизненныхъ условіяхъ, могутъ быть надлежащи и ненадлежащи, истинны и ложны. И также несомнѣнно, что *въ большихъ ясныхъ случаяхъ, оцѣнки людей совпадаютъ, т. е. что жизненная истина для всѣхъ одна.* Если кто-нибудь за услугу платитъ местью, за преданность — измѣною, за любовь — ненавистью, то и разумъ, и совѣсть всѣхъ людей протестуютъ противъ этихъ исходовъ. Или, напримѣръ, кто станетъ спорить,

что гораздо большія экономическія, политическія и нравственныя уступки дѣлаются людямъ честнымъ и разумнымъ, нежели людямъ, незаслуживающимъ довѣрія т. е. безхарактернымъ.

Есть, слѣдовательно, и въ индивидуальномъ, и въ общественномъ мірѣ исходы явно ложные, не соотвѣтствующіе здоровымъ стремленіямъ человѣческой природы. Въ чемъ-же дѣло? Въ томъ только, чтобы отыскать критерій исходовъ, составляющихъ центръ тяготѣнія человѣческой природы, т. е. истинныхъ.

Съ этою цѣлью мы спросимъ себя: по какому же мѣрилу мы сами, въ практической жизни, различаемъ общественно хорошее отъ плохаго?

Слѣдя за этой задачей, наталкиваемся на кажущуюся невозможность. Оказывается, именно, что каждому, въ одномъ и томъ-же жизненномъ отношеніи или случаѣ, нужно другое, и что вслѣдствіе этого, если и есть критерій жизненной истины, то не одинъ, а безчисленное множество. Одной и той-же категоріи поступокъ, который и въ естественномъ, и въ нравственномъ, и въ общественномъ отношеніяхъ явно хорошъ, если имѣемъ въ виду одну личность, дѣлается уже нехорошимъ — даетъ матеріалистическую или идеалистическую окраску — если имѣемъ въ виду другую какую нибудь личность.

И точно также устройства общества, государства,

свободы, цѣли, преслѣдуемыя обществомъ, государствомъ, свободой и т. д. видимо надлежащія для одного общества—также явно ложны, какъ скоро ихъ примѣнимъ къ другому обществу.

Въ виду этого многообразія жизненно-истиннаго и его зависимости отъ различныхъ приложеній, поиски за критеріемъ, напр., общественной правды — кажутся многимъ неумѣстными.

Но дѣло принимаетъ желанный оборотъ, какъ скоро подумаемъ: въ какомъ же отношеніи находится измѣненіе надлежащихъ жизненныхъ объектовъ къ измѣненію безобъектовъ ихъ приложенія? Другими словами, какія особенности человѣческой личности, а слѣдовательно и общества, вліяютъ на измѣненіе отвѣчающихъ человѣческой природѣ объектовъ жизненно надлежащаго? Эти особенности, очевидно, и составляютъ критерій жизненной истины: иначе, онѣ не управляли-бы измѣненіями ея объектовъ!

Задача, слѣдовательно, сводится только къ отысканію этихъ особенностей, послѣ чего она съ основной стороны окончательно рѣшена.

Какія же онѣ? Это ни болѣе, ни менѣе какъ — степень развитія. Вотъ онъ, критерій, который, *пока не былъ употребляемъ въ дѣло въ значеніи причины, управляющей надлежащностью событій*, сбивалъ съ толку всѣхъ философовъ, и который, въ свою очередь, ставъ

центромъ философскаго пониманія, обусловливаетъ великую будущность человѣческой мысли и дѣятельности.

Если насъ спросятъ: что такое степень развитія, то съ этимъ вопросомъ уже не такъ трудно считаться. Великія средства наблюденія и разума легко могутъ выяснить, что степень развитія данной личности—это степень равносильнаго отношенія между нравственнымъ и естественнымъ могуществомъ. Пріискать безчисленное множество мѣрилъ этого отношенія нетрудно. Да наконецъ, это дѣло будущности—отыскивать все лучшіе и лучшіе способы оцѣнки данныхъ. Для насъ же важна не оцѣнка, а формула, по которой жизненные факты сводятся къ жизненно-истинному. — *Формула же эта ясна и неоспорима. Для индивидуальныхъ цѣлей она выразится соотвѣтственностью высоты исхода даннаго жизненнаго отношенія съ высотою правовой оцѣнки той личности, о которой идетъ дѣло. Для цѣлей же междучеловѣческихъ, отыщемъ объекты надлежащихъ исходовъ, по формулѣ относительной правовой оцѣнки данныхъ личностей или народовъ.* Объекты жизненно надлежащаго найдутся здѣсь, очевидно, на грани, раздѣляющей относительный уровень развитія сторонъ. Другими словами: междучеловѣческія и международныя отношенія уравновѣшиваются въ объектахъ относительной правомѣрности сторонъ. Да, да! а ларчикъ просто открывался.

Такимъ-то образомъ, зная критерій объектовъ жизненной истины, мы стоимъ не только у источника правительственной и нравственной власти, но и вообще у источника человѣческаго права, вслѣдствіе чего философская критика дѣлается и возможною, и рѣшающею данныя задачи съ основной ихъ стороны, *окончательно.*

VI.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДВУХЪ ЭЛЕМЕНТОВЪ ГОСУДАРСТВА.

Если мы совершенно отчетливо различаемъ предпринимателя и работника, руководителя и руководимаго и т. д., то такимъ же точно образомъ, въ человѣческомъ обществѣ мысленно можемъ различать два слоя: одинъ, на которомъ лежитъ отвѣтственность по научному руководительству, и другой, на которомъ лежитъ отвѣтственность по фактическому основанію. Ясно, что руководимъ и исполняемъ не въ какихъ-нибудь видахъ, а въ интересѣ долга, т. е. имѣемъ въ виду такіе исходы отношеній, которые отвѣчаютъ относительной оцѣнкѣ сторонъ, а слѣдовательно и правамъ, какіе онѣ собою представляютъ.

Объекты долга составляютъ продуктъ общественности, а наука, которая указываетъ тѣ мѣры, съ помощію которыхъ гарантируемъ прогрессивный ходъ общественности, называется соціозофическою техникою.

Въ числѣ этихъ мѣръ, важное мѣсто занимаетъ собирательность правительственная и свободная. Первая проводитъ свою волю давленіемъ естественнымъ, другая же—нравственнымъ. Агентомъ первой—принужденіе, агентомъ же второй—соглашеніе.

Наконецъ, такъ какъ и принудительная, и свободная собирательность исходятъ изъ двухъ слоевъ, двухъ сторонъ человѣческихъ способностей и двухъ факторовъ человѣческой дѣятельности, то въ государствѣ различаемъ элементъ престола и сейма; въ свободѣ же — церковь и товарищество.

Мы здѣсь разсматриваемъ практическое значеніе обоихъ элементовъ правительственной воли.

Невозможно предположить, что границу правомѣрнаго взаимодѣйствія обоихъ общественныхъ слоевъ способно защищать государство, исходящее изъ одного изъ этихъ слоевъ.

Если, напр., руководящій слой претендуетъ на извѣстную долю государственной самостоятельности на томъ основаніи, что обладаетъ вещественнымъ и невещественнымъ капиталомъ, съ помощію котораго достигаются цѣли прогресса, то слой руководимый, въ свою очередь, не можетъ оставаться безъ доли самостоятельности потому, что онъ, въ большей мѣрѣ, располагаетъ внутреннею, указывающею стороною силъ и способностей, какъ физическихъ, такъ и психическихъ. Не только силы и способности, возвышающія качество,

но также силы и способности, повышающія интензивность труда — нужны одинаково, а этими послѣдними обладаетъ именно низшій слой. Важна въ человѣческой личности добытая психофизическая самостоятельность: безъ нея жизнь не имѣетъ внѣшнихъ признаковъ человѣческаго; но не менѣе важна внутренняя сила, дарованная природой, сила, безъ которой мы бы не сумѣли различить гармоніи отъ диссонанса, симметріи отъ хаоса, красоты отъ безобразія, великодушія отъ низости; сила, безъ которой человѣческая личность осталась бы внѣ всякой существенной устойчивости. Вотъ почему притязанія интеллигенціи на правительственное верховенство, и вообще на плоды человѣческаго труда— такъ же неосновательны, какъ подобныя же претензіи нижняго слоя. Государство не существуетъ ни для защиты слабѣйшихъ, какъ этого хочетъ консерватизмъ, ни для защиты добытыхъ побѣдъ, какъ этого хочетъ либерализмъ. Человѣческое дѣло не ограничивается ни одною человѣчностію, ни однимъ совершенствованіемъ: оно требуетъ и того, и другаго. Обѣ же эти цѣли находимъ въ защитѣ жизненной истины, а не въ потворствованіи слабѣйшимъ или сильнѣйшимъ. Да, въ моментахъ послѣдовательнаго, т. е. регулируемаго оцѣнкою человѣческаго дѣла, факторы прогресса не исключаютъ факторовъ человѣчности; но ходъ этого дѣла, запроданный отвлеченнымъ отъ надлежашихъ требованій жизни факторомъ которой нибудь изъ его

сторонъ, непремѣнно нарушаетъ правильныя отправленія общественной жизни. Тогда-то именно является соперничество между бюрократіею и аристократіей, между нижнимъ и верхнимъ слоемъ, между женщиною и мужчиною и т. д. Каждая изъ сторонъ оплакиваетъ и порицаетъ побѣды соперника и торжествуетъ его пораженія; фабричная, напр., дѣятельность, машинное производство, желѣзнодорожныя сообщенія и, вообще, все то, чѣмъ человѣчество побѣждаетъ природу — должно быть приспособлено къ потребностямъ общественной сферы — иначе погибаетъ труженикъ. Представительство, фанатически отстаивающее верховенство закона, легальностей, приличій и т. п., убиваетъ внутреннюю сторону гражданственности.—Не можемъ, слѣдовательно, удивляться, что нижній слой съ ужасомъ смотритъ на побѣды безусловно примѣняемыхъ промышленныхъ, общественныхъ и нравственныхъ совершенствованій. Онъ защищаетъ жизнь, которая не можетъ устоять въ тѣхъ рамкахъ, какія будутъ примѣнимы къ будущимъ поколѣніямъ. Онъ слабъ, ему не по силѣ нормы законовъ, приличій и т. д., придуманныя для верхняго слоя. Нормы эти обезпечиваютъ человѣческую личность въ общемъ ея ходѣ; онѣ доставляютъ внѣшнюю опору прогрессу, но прогрессу нужны притомъ и внутреннія опоры, а человѣческая личность должна быть оберегаема не только въ общемъ, но и въ частномъ своемъ кругѣ дѣйствій. Нижній слой,

прежде всего, дитя природы, которое не хочетъ и не можетъ вездѣ выжидать и надѣяться, потому именно, что для выжиданія нужны силы, а для надежды нужна возможность. Онъ чувствуетъ, что обезпечивающіе факторы прогресса хороши только тамъ, гдѣ онъ не вынужденъ жертвовать ни жизнью, ни правомъ. Вотъ почему игнорированіе автократическаго элемента убиваетъ судьбу слабѣйшаго человѣка въ тѣхъ ея моментахъ, въ которыхъ онъ слабѣе данныхъ нормъ закона, принятостей, производства и т. д. Родитель совершенно правъ, когда, исходя изъ правилъ, кажущихся ему жизненно-вѣрными, развиваетъ и образуетъ силы, умъ и характеръ ребенка; но права и мать, когда, познавъ внутреннимъ пониманьемъ и чутьемъ, что нормы, въ которыхъ отбывается воспитаніе, слишкомъ отсталы или превышаютъ силы ребенка, борется съ исходящими изъ обобщеній взглядами мужа. Наконецъ, защищать человѣка тамъ гдѣ это соотвѣтствуетъ данной идеѣ, правилу, закону и т. п.— хорошо, но этого мало: человѣческая личность хочетъ защиты ради себя самой, а не ради идеи. Эти-то задачи и выполняетъ центростремительный элементъ государственности. Жизнь пуста и мертва безъ материнскаго къ ней отношенія, и только самые сильные характеры въ состояніи бравировать ту нравственную одинокость, которая неизбѣжно истекаетъ изъ назначенія человѣка, посвящающаго свои печали, надежды и тревоги, свои ми-

нутныя права — велѣніямъ идей, законовъ, приличій и т. д. Люди же, менѣе сильные въ средѣ этой нравственной одинокости, дѣлаются или фанатиками идеи, или варварами. И точно также жизнь безъ отеческаго къ ней отношенія неподвижна. Здѣсь мы не пускаемъ въ ходъ тѣхъ великихъ средствъ, съ помощію которыхъ замѣняются и увеличиваются человѣческія силы, и въ которыхъ находимъ гарантію противъ ошибокъ естественныхъ, нравственныхъ и общественныхъ стремленій. А очевидно, что, внѣ всего этого, человѣческая личность дѣлается немощна. Добытки человѣческаго генія важнѣе прихотей естественныхъ побужденій.

Не удивительно, поэтому, что, равнымъ образомъ, и интеллигенція съ ужасомъ смотритъ на побѣды плохо направленнаго, трудоваго слоя. Гоненія науки, школы, литературы, убѣжденій, экономическихъ, политическихъ и нравственныхъ гарантій, однимъ словомъ гоненіе прогресса, подчиненіе будущаго настоящему — вотъ тѣ крайности, въ которыя бросается, обыкновенно, верховенство нижняго слоя.

Таковъ практическій характеръ верховенства того или другаго слоя: защита творчества и природы, идей и стремленій, законовъ и указовъ, свободы и равенства, будущаго и настоящаго и т. д.

Природа идетъ впередъ; отставать отъ нея, значитъ обрекать себя на гибель; нужно пускать въ ходъ есте-

ственныя, нравственныя и общественныя приспособленія, съ помощію которыхъ обезпечиваемъ развитіе могущества, характеровъ и общественности, слѣд. нужно верховенство закона: — „долой съ произволомъ трона“, говоритъ интеллигенція. „Природа жива, человѣкъ важнѣе идеи, его защищать нужно и въ моментахъ его права, которые не подходятъ къ рамкамъ данныхъ обычаевъ; мы гибнемъ на аренѣ, пригодной для верхняго слоя; намъ нужно верховенство трона, долой съ закономъ“, отвѣчаетъ труженикъ.

Да, споръ этотъ между сторонниками указывающей и доказывающей стороны силъ и средствъ, — продолжителенъ; онъ наполняетъ собою страницы самыхъ глубокихъ тревогъ человѣческой жизни и мысли; но къ счастью—споръ этотъ безсмысленъ: о первенствѣ того или другаго слоя, тѣхъ или другихъ способностей, тѣхъ или другихъ средствъ, съ помощію которыхъ подвигаемся впередъ, не можетъ быть и рѣчи. Задача, слѣдовательно, о выборѣ, о первенствѣ котораго нибудь изъ этихъ порядковъ, поставлена невѣрно.

Нѣтъ двухъ отдѣльныхъ слоевъ въ обществѣ, нѣтъ отдѣльныхъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ способностей, нѣтъ отдѣльныхъ идей и разумѣній, законовъ и воли и т. п.

Ударъ отъ рикошета, силы центростремительной отъ центробѣжной, притягательной отъ отталкивающей, симпатіи отъ антипатіи, внутренней стороны способ-

ностей отъ внѣшней, естественныхъ правъ отъ добытыхъ, руководимаго слоя отъ руководящаго, стремленій отъ идей, указовъ отъ законовъ, женщины отъ мужчины и т. д. — отдѣлить невозможно. Міръ, на одномъ изъ своихъ элементовъ — немыслимъ. Оба они проникаютъ и сочетаются другъ съ другомъ, и именно этотъ-то процессъ сочетанія — а не тріумфы одного элемента — даютъ продукты той или другой жизни.

Надлежащее, напр., сочетаніе элементовъ государства даетъ продукты государственности. Такое же сочетаніе элементовъ свободы даетъ продукты общественной нравственности. Надлежащее сочетаніе государства и свободы даетъ продукты общественности.

Или напр., надлежащее сочетаніе элементовъ природы даетъ продукты естественной жизни. Такое же сочетаніе элементовъ нравственности (элементовъ сознательной солидарности съ жизненно-истиннымъ) даетъ продукты существенной самозависимости.

И, наконецъ, надлежащее сочетаніе элементовъ независимаго бытія, т. е. естественнаго и нравственнаго могущества, даетъ продукты дѣйствительныхъ человѣческихъ побѣдъ.

Объ исключительности, слѣдовательно, или о выборѣ — и разговора быть не можетъ. Почвы не только либерализма и протекціонизма, но, равнымъ образомъ, матеріализма и спиритуализма — изчезаютъ.

Остается для философской мысли одна только за-

дача: о надлежащихъ сочетаніяхъ элементовъ и тѣхъ или другихъ проявленій бытія.

Гдѣ сочетаніе — надлежаще-истинно, тамъ есть относительный плодъ, есть, однимъ словомъ, продуктъ естественнаго или нравственнаго творчества. Гдѣ сочетаніе ложно — продуктъ обойденъ.

Мы уже знаемъ, что оцѣнка личности управляетъ отысканіемъ надлежащихъ modus vivendi жизненныхъ отношеній, а слѣдовательно, этотъ же самый критерій долженъ руководить нами во всѣхъ вообще философскихъ изысканіяхъ.

Вотъ почему, пока философская задача и по отношенію къ естественной, и по отношенію къ нравственной и по отношенію къ общественной жизни не была поставлена, какъ слѣдуетъ, пока наконецъ она не управляла *критеріемъ сочетанія* элементовъ жизни, — до тѣхъ поръ философская сторона, гуманитарной науки вообще, была мечтою, а жизнь невыносимыми потемками.

Наконецъ, многихъ мыслителей сбиваетъ съ толку не только неумѣнье поставить философскую задачу, и неизвѣстность на счетъ критерія объектовъ жизненной истины, но, равнымъ образомъ, и ошибочность историіозофическихъ выводовъ, касающихся, напр., государственнаго строенія.

И такъ, полагаютъ, что, по мѣрѣ совершенствова-

нія человѣческаго общества, автократическій элементъ падаетъ, усиливается же элементъ представительный.

Нѣтъ! и это *нѣтъ* мы поддержимъ въ другомъ мѣстѣ: — они оба падаютъ тамъ, гдѣ свобода успѣваетъ занять мѣсто государства, и оба усиливаются тамъ, гдѣ открываются новые, еще недоступные свободѣ, горизонты общественной дѣятельности.

Зрѣлость общества руководитъ только высотою сочетаній воли престола съ волею народа, а не первенствомъ котораго-нибудь изъ этихъ элементовъ!

VII.

ТИПЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ СТРОЕНІЙ.

Разсмотримъ теперь типы государственныхъ строеній, въ которыхъ правительственная дѣятельность составляетъ выраженіе воли того или другаго общественнаго слоя.

Политическая наука пріучила насъ различать государственные строи по внѣшнимъ ихъ признакамъ. Конечно, это удобно для облегченія памяти, но классификація, не основанная на существенныхъ признакахъ, не облегчаетъ пониманія, вслѣдствіе чего не имѣетъ научнаго значенія.

И такъ, основываются, напр., на различномъ происхожденіи элемента автократическаго — демократическаго и представительно-аристократическаго.

Для ясности дальнѣйшихъ выводовъ, мы образуемъ эти типы.

Опека во 1-хъ, можетъ происходить отъ родитель-

ской власти главы семейства, что, въ дальнѣйшихъ кругахъ общественныхъ организмовъ, даетъ намъ ту же власть въ племени, а наконецъ и въ народѣ. Это называютъ государствомъ патріархальнымъ.

2) Въ случаѣ, если опекѣ приписываютъ Божественное происхожденіе, имѣемъ передъ собою теократію.

3) Если народъ сдаетъ свои полномочія въ руки монарха, то это называютъ правовымъ монархическимъ строемъ.

Но не забудемъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, такъ или иначе, заявляетъ себя другой элементъ государства, а именно воля общества, выраженная тѣмъ или другимъ, фактическимъ или юридическимъ путемъ.

Принявъ, слѣдовательно, за основаніе классификаціи происхожденіе этого другаго элемента, будемъ имѣть передъ собою строи аристократическаго оттѣнка. Итакъ, представительство можетъ исходить: 1) отъ духовенства, 2) отъ дворянства, 3) отъ собственниковъ, 4) отъ личныхъ заслугъ, 5) отъ образовательнаго ценза, 6) отъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, а затѣмъ и 7) отъ гражданокъ.

Понятно, что типы перваго порядка, въ дѣйствительности, представляются намъ въ тѣхъ или другихъ сочетаніяхъ съ типами втораго и, что, вслѣдствіе этого, формальныя различія представляются въ такомъ видѣ, что наконецъ исключаютъ возможность

отысканія въ нихъ какихъ бы то ни было характеристическихъ особенностей.

Дѣло въ томъ, что, для опредѣленія научныхъ типовъ, мало знать происхожденіе опеки и представительства, а нужно уразумѣть характеръ отношеній двухъ этихъ элементовъ. Тогда только знаемъ рѣшающую сторону дѣла, т. е. опредѣлимъ характеръ правительственной власти не только съ формальной и естественной, но и съ научной точки зрѣнія.

Суть вопроса заключается, слѣдовательно, въ томъ: въ какихъ естественныхъ и искуственныхъ нормахъ совершается сочетаніе элементовъ государства, и въ какомъ отношеніи эти нормы находятся со степенью развитія общества.

Первая посылка рѣшаетъ вопросъ о типахъ государственныхъ строеній вообще, потому что указываетъ на то, отъ какого слоя исходитъ рѣшающій голосъ власти. Вторая же указываетъ на степень технической соотвѣтственности государственнаго строенія съ развитіемъ общественной сферы.

Насъ занимаетъ здѣсь первый, т. е. теоретическій вопросъ.

Если рѣшающій голосъ принадлежитъ автократическому элементу, то, каковъ бы ни былъ источникъ опеки — будь она вѣчнаго, преемственнаго или выборнаго характера; будь, наконецъ, какое угодно происхожденіе и строеніе народной воли — власть, во всѣхъ

этихъ случаяхъ, все-таки будетъ исходить, главнымъ образомъ, отъ нижняго слоя, и порядокъ будемъ имѣть передъ собою протекціонный — демократическій. Защита естественной стороны человѣческаго права будетъ здѣсь на первомъ мѣстѣ, а добытая — игнорирована; побѣды внутреннихъ условій самобытности, общественности и творчества будутъ пользоваться большимъ почетомъ, нежели побѣды условій внѣшнихъ.

Если-же рѣшающій голосъ принадлежитъ обществу, то, несмотря на всѣ различія въ происхожденіи и строеніи бюрократической и сеймовой единицы, типъ государства будетъ аристократическій — либеральный; здѣсь, непремѣнно, руководящій слой общества будетъ проводить въ жизнь тѣ или другіе идеалы, дастъ перевѣсъ статуту надъ естественнымъ единеніемъ престола съ представительствомъ, закону надъ указомъ, приличіямъ надъ внутреннимъ разумѣніемъ, а добытой сторонѣ человѣческаго права — надъ стороною его естественною.

Классификація, слѣдовательно, государственныхъ строевъ, въ ихъ генетическомъ порядкѣ, очень проста:

1) Могутъ быть два крайностные типа *ненамѣренные*, т. е. истекающіе изъ неразвитости общества.

2) Два крайностные типа, истекающіе изъ данныхъ теорій,

и 3) Могутъ быть типы компромиссовъ опеки съ представительствомъ.

Очевидно, что компромиссы эти, отбывающіеся внѣ пониманія начала, руководящаго надлежащимъ сочетаніемъ государственныхъ элементовъ, были сбивчивы и хаотичны; но, какъ скоро мы знаемъ на сторонѣ котораго изъ двухъ элементовъ находится рѣшающій голосъ, то, помимо всѣхъ формальныхъ различій, становится яснымъ: имѣемъ-ли передъ собой порядокъ съ протекціоннымъ — демократическимъ или же съ либеральнымъ — аристократическимъ оттѣнкомъ.

Напрасно, слѣдовательно, исторіозофія нашего времени утверждаетъ, что большая революція боролась за перевѣсъ демократіи, что современный строй французской республики — демократическій. Вовсе нѣтъ. Революцію начала аристократія, лишенная фактической почвы привилегій, и кончила ее тѣмъ, что, упразднивъ центростремительный элементъ государства, пустила корни въ дальнѣйшіе общественные слои. Политическая привилегія была съ тѣхъ поръ распространена и принадлежитъ не цензу потомственныхъ заслугъ, а цензу заслугъ личныхъ, потомъ имущественному, а наконецъ совершеннолѣтнимъ гражданамъ. На женщину привилегія эта до сихъ поръ еще не распространена. Слѣдовательно, борьба съ демократіею и ея органомъ была выиграна, а власть очутилась въ рукахъ верхняго слоя, руководящаго обще-

ственною волею, а слѣдовательно — въ рукахъ аристократіи. Не президентъ, а палаты пользуются тамъ рѣшающимъ голосомъ; не президентъ, а выборы рѣшаютъ, главнымъ образомъ, о назначеніи правительственныхъ должностныхъ лицъ; власть, слѣдовательно, исходитъ тамъ изъ руководящаго слоя. Нижній же слой принимаетъ пассивное участіе въ управленіи, т. е., лишенный правительственнаго органа, работаетъ въ руку аристократіи — конечно, имущественной.—То же самое можно сказать о федеральной и о кантональныхъ конституціяхъ Швейцаріи, а равнымъ образомъ, о фактическомъ (не юридическомъ) строѣ Великобританіи.

Защитники демократіи — расширеніемъ политической привилегіи, т. е. выборнаго права — введены въ заблужденіе. Юридическое участіе не даетъ доли дѣйствительнаго вліянія. Если бы цензъ расширить не только на всѣхъ гражданъ, но даже на всѣхъ гражданокъ, если бы, кромѣ того, допустить только непосредственное выраженіе воли всего народа, то, и въ такомъ случаѣ, воля эта исходила бы, фактически, изъ руководящаго слоя, т. е. отъ аристократіи — сильнѣйшихъ. И на выборахъ, и въ совѣщаніяхъ, непремѣнно, беретъ верхъ интеллигенція, богатство, вліяніе, и т. д., а ими, сравнительно, слабѣйшій слой не распоряжается. Такимъ то образомъ, въ обществахъ, помѣшанныхъ на верховенствѣ народной воли, вся пра-

вительственная власть — въ рукахъ аристократіи. Борются тамъ между собою оттѣнки одного и того же индивидуалистическаго міровоззрѣнія, или же вообще люди убѣжденій съ людьми отрицанія, но не демократія съ аристократіей, потому что первая тамъ безгласна.

Вотъ какое qui pro quo выдается за торжество слабѣйшаго человѣка! Не споримъ, что расширеніе политической привилегіи и права большинства подорвали нѣсколько юридическую почву сильнѣйшаго слоя, но только для того, чтобы усилить его почву фактическую; совершенно какъ расширеніе на всѣхъ привилегіи свободнаго участія въ дѣлахъ экономическаго порядка; уничтоженіе цеховъ, правительственныхъ указаній и ограниченій и, вообще, невмѣшательство власти въ отношенія работодателя съ труженикомъ, банкира съ должникомъ, купца съ покупателемъ и т. д. лишило юридической поддержки обѣ стороны, но этимъ самымъ дало фактическую поддержку сторонѣ сильнѣйшей.

И такъ, будь просторъ происхожденія представительнаго элемента самый тѣсный, т. е. будь онъ ограниченъ средою духовенства, и будь онъ самый широкій, т. е. при расширеніи избирательнаго права на всѣхъ гражданъ и гражданокъ, то, въ обоихъ этихъ случаяхъ, если автократическій элементъ власти нейтрализированъ,—демократія остается à discretion аристократіи.

Понятно, что расширеніе избирательнаго права (активнаго) на всѣхъ самостоятельныхъ гражданъ и гражданокъ — желательно. Никакія убѣжденія не заставятъ насъ любить науку, искусства, трудъ, истину въ жизни, никакія доказательства не научатъ насъ служить семейному, народному и общечеловѣческому дѣлу. Все это нужно прочувствовать жизненнымъ опытомъ, и тогда только найдутся въ насъ самостоятельные мотивы хорошихъ поступковъ. Вотъ почему общество, принимая участіе въ правительственномъ дѣлѣ, должно путемъ опыта, изучать гражданственность; оно, тѣмъ же путемъ, проникается любовью къ общимъ преуспѣяніямъ народа и человѣчества. Внѣ этого пути, также трудно быть дѣйствительно-преданнымъ родинѣ гражданиномъ, какъ трудно, воспитанному въ пріютѣ, понять и оцѣнить вѣсъ родственнаго права. Но это участіе слабѣйшаго слоя въ роляхъ аристократіи не исключаетъ необходимости имѣть собственный правительственный органъ, который пріучаетъ аристократію выступать въ роляхъ демократіи.

Что указанные нами строи дѣйствительно аристократическаго порядка, это, между прочимъ, можно доказать, ссылаясь на характеръ оппозиціи, не имѣющій тамъ юридической почвы. Оппозицію такую ведетъ тамъ комунаризмъ т. е. защита, хотя и неумѣлая, но, все-таки, не сильнѣйшаго, а слабѣйшаго человѣка.

Въ Россіи же, напротивъ, соціалистическая дѣятельность впала въ совершенную немощность, а это потому, что власть здѣсь въ рукахъ массы, а не интеллигенціи. Опека дѣлаетъ здѣсь все возможное для выручки труженика. — Соціалисты, слѣдовательно, остаются безъ почвы. Точно такимъ же образомъ въ сѣверо-американскихъ штатахъ, гдѣ президентъ располагаетъ абсолютнымъ veto, вовсе не соціалисты, а либералы ищутъ болѣе достойнаго государственнаго исхода.

Обыкновенно-же различаютъ смѣшанные строи, парламентарные и конституціонные. Въ первыхъ, законодательная власть принадлежитъ сейму, а исполнительная — опекѣ; во вторыхъ же, законодательная принадлежитъ опекѣ, а сеймъ пользуется совѣщательнымъ голосомъ. Но это—смѣшеніе понятій. Отдѣлить постановленіе отъ исполненія невозможно, если власть должна остаться одна и та же. Раздѣливши-же, имѣемъ уже не одну, а двѣ власти, потому что на практикѣ не бываетъ тѣхъ исполненій, въ которыхъ нѣтъ постановляющаго — законодательнаго отправленія. Вотъ почему, въ абсолютномъ характерѣ приводимое раздѣленіе власти ведетъ за собою анархію, т. е. то состояніе, въ которомъ отправленія власти взаимно себя нейтрализируютъ.

Ни административная, ни полицейская, ни судебная дѣятельность невозможны, какъ изолированное

постановленіе или исполненіе. Въ каждомъ актѣ человѣческой дѣятельности есть оба отправленія. Законодательство, исходитъ изъ сейма, а исполненіе — изъ опеки; это — два юридически и фактически-несовмѣстимые фактора, это — несообразность, нейтрализующая нетолько правомѣрность государственной дѣятельности, но даже прерывающая, и именно въ самыхъ важныхъ случаяхъ, вообще государственное отправленіе.

И законодательство, и исполненіе, равнымъ образомъ, слагаются изъ правилъ и личнаго разумѣнія, вслѣдствіе чего и происходить должны не отъ одного государственнаго элемента, а отъ обоихъ, т. е. отъ даннаго ихъ соглашенія.

И такъ, мы сказали, что государственные типы могутъ быть крайностные, не только въ значеніи первобытной культуры, но, что возможны типы намѣренно-крайностные, т. е. опирающіеся на данныя теоріи и временныя необходимости. Это, такъ сказать, утопіи, которымъ довѣряются данныя общества обдуманно, сживаются съ ними и поддерживаютъ равновѣсіе государственной жизни съ помощію естественнаго, т. е. юридически-непризнаннаго вліянія одного изъ элементовъ. Эти типы государства, въ границахъ времени, могутъ быть точно также устойчивы, какъ и всѣ другіе, потому что государственная жизнь падаетъ только вслѣдствіе окончательно-нарушеннаго взаимодѣйствія воли престола и воли народа, а не вслѣд-

ствіе того, что одинъ изъ элементовъ вліяетъ на ходъ государственной жизни только фактическимъ путемъ.

Одну изъ этихъ крайностей мы прослѣдили, разсматривая до-раздѣльный періодъ отношеній Руси и Польши. Представительный элементъ одержалъ тамъ верхъ надъ элементомъ бюрократическимъ. Воля правительственная распредѣлена тамъ между всѣми общественно-развитыми гражданами, а не въ рукахъ одного уполномоченнаго гражданина.

Мы уже выяснили тѣ историческія причины, которыя сложились въ бывшей Польшѣ, указали на окончательное торжество центробѣжнаго элемента государственности, и не отвергаемъ и причинъ естественнаго порядка. Опека—какъ юридически-самостоятельный органъ—замѣнялась тамъ нравственнымъ вліяніемъ трона и фактическою поддержкою русинской народности, стоявшей за автократизмъ. Но какъ скоро это обаяніе трона, вслѣдствіе оплошныхъ избраній, пало, а Русь отложилась,—равновѣсіе государственнаго отправленія собирательной воли было нарушено окончательно, наступило, затѣмъ, разложеніе государства и торжество внѣшняго монархизма.

Въ свое время, пока королевская власть — въ смыслѣ охранительницы верховенства сейма — угрожала гражданственнымъ гарантіямъ и развитію польской національности, пока, съ другой стороны, власть эта

имѣла поддержку въ самостоятельномъ организмѣ казачества, ревнители народной воли могли себя считать добрыми гражданами; а затѣмъ, доблести сеймовыя, военныя, административныя и т. п., не были рѣдкостью; но какъ скоро опасность миновала, какъ скоро нужны были именно сторонники указа, порядка и формы, а не сторонники закона, протеста и добровольнаго соглашенія,—защитники верховенства самоуправленія потеряли почву общественнаго блага, и превратились въ аферистовъ, защищающихъ государственныя права личности изъ-за хвастовства. Каждый отстаивалъ здѣсь не тѣ цѣли, которыя казались ему-же надлежащими, и не достоинство человѣческое и гражданское, а тщеславныя прихоти и легальные шансы, ограждающіе слѣпое и капризное „я“.

Наконецъ, возможна и противоположная крайность, т. е. возможно намѣренное верховенство опеки. Здѣсь, складъ историческихъ событій и внутреннія междунаціональныя отношенія заставляютъ насъ искать прежде всего власти упругой, рѣшительной и скорой, а слѣдовательно, власти, способной поддержать единство и дать перевѣсъ одной народности надъ другой, съ нею соперничающей. Качествами этими обладаетъ конечно центростремительный элементъ государственной воли, крайностное развитіе котораго тоже возможно, но только въ такомъ случаѣ, если об-

щественная воля имѣетъ, вмѣсто юридическаго, хотя бы нравственный просторъ, и если государству дѣйствительно угрожаетъ распаденіе и соперничество другой національности. Но какъ скоро, вслѣдствіе измѣненія культурныхъ отношеній, объ эти опасности минуютъ, или какъ скоро народная воля очутится отрѣзанною отъ всякаго вліянія на ходъ государственнаго дѣла, то крайность дѣлается неумѣстною, а ревнители верховенства опеки теряютъ подъ собою почву общественнаго блага, превращаясь, вслѣдствіе этого, изъ честныхъ демократовъ въ демократовъ отрицательнаго порядка, т. е. въ нигилистовъ. Вмѣсто поддержки правды и прогресса въ обществѣ, они начинаютъ помышлять о преслѣдованіи нравственнаго мужества, науки и гражданственности — изъ-за личныхъ выгодъ.

Вотъ тѣ печальныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ запоздалое торжество котораго-нибудь изъ элементовъ государственнаго отправленія собирательной воли.

Въ виду этого, должны призадуматься тѣ органы личныхъ, общественныхъ и печатныхъ мнѣній, которые постоянно твердятъ объ исключаемости воли престола и воли общества, и о невозможности сочетанія этихъ элементовъ.

Конечно, легко не додуматься *до тѣхъ всеобщихъ основъ міроваго строенія, въ которыхъ кажущіяся про-*

тивоположности составляютъ только двѣ стороны, сочетающіяся въ точкѣ опоры развитія данныхъ индивидуумовъ одного и того же творчества; легко также раздѣлиться на консерваторовъ и либераловъ, и даже—чего добраго—на ревнителей и гонителей правды; легко вслѣдствіе этого уронить авторитетъ науки, печати и общественнаго мнѣнія, но трудно испытывать послѣдствія запоздалыхъ крайностей государственнаго хода. Легко, наконецъ, упрямо выжидать кризисовъ, естественной стороны историческаго поворота, и плодить того или другаго порядка отрицателей, но трудно потомъ раздѣлываться съ событіями, нетерпящими человѣческаго безумія.

Вопросъ, почему человѣческія общества вмѣсто того, чтобы идти правильнымъ путемъ постепенно умаляющейся крайностности и уклоненій государственной жизни и постепенно увеличивающагося единенія воли престола съ волею общества— одни остановились на первобытныхъ крайностяхъ, другія, то вдаются въ тѣ или другіе компромиссы, то предоставляютъ государственную жизнь естественному ходу; почему, наконецъ, третьи, намѣренно, стоятъ за одинъ изъ элементовъ государства — здѣсь неваженъ.

Государственный строй не долженъ давать окраски ни демократической и консервативно-соціальной ни аристократическо-либеральной — индивидуальной,

но долженъ быть, несомнѣнно, органомъ сочетающей эти элементы жизненной истины.

Для насъ, слѣдовательно, прежде всего важно отыскать эквивалентное строеніе государства, строеніе, котораго данныя степени могли бы составлять надлежащую государственную норму для относительной зрѣлости обществъ.

Наконецъ, типы государственныхъ строеній можно различать, не только подмѣчая относительный вѣсъ обоихъ элементовъ государственной воли, но, равнымъ образомъ, ту почву на которой отбываются отношенія этихъ элементовъ.

И такъ, неоспоримо, что и верховенство науки, и верховенство событій имѣютъ свои границы въ дѣлѣ устроенія государства, и что, вслѣдствіе этого, единеніе опеки съ сеймомъ не можетъ быть замкнуто въ однѣхъ только искуственныхъ нормахъ того или другаго государственнаго статута, и что, точно также, единеніе естественное, исключающее всякій вѣсъ статута — неправильно. Въ первомъ случаѣ, возможные промахи науки царили бы надъ государственною жизнью, избѣгая контроля естественнаго воздѣйствія государственныхъ элементовъ, во второмъ-же, — тѣ или другія отношенія этихъ элементовъ не были бы гарантированы ни чѣмъ внѣшнимъ — формальнымъ, устойчивымъ.

Статуты, слѣдовательно, государственнаго строенія,

не только должны отвѣчать степени зрѣлости общества, потому что нормы сочетанія элементовъ государства, пригодныя для низшихъ цивилизацій, не пригодны для высшихъ; но, одновременно, вѣсъ ихъ не долженъ поглощать вѣса единенія естественнаго. Всякое ограниченіе, обезпеченіе, принужденіе, исключающее возможность отношеній по свободно принимаемому долгу, исключающее, однимъ словомъ, возможность заслуги, а слѣдовательно, и дѣйствительно человѣческой любви—пагубно на всѣхъ поприщахъ междучеловѣческихъ отношеній, а тѣмъ болѣе, гибельно въ отношеніяхъ вождя и штаба государственнаго дѣла.

Верховенство статутовъ также пагубно для государственной жизни, какъ верховенство законовъ—для жизни общественной. Послѣднее дѣлаетъ гражданина и чиновника автоматами; а первое превращаетъ въ автоматовъ опеку и представительство. Тамъ, живое отношеніе гражданина къ власти а здѣсь живое отношеніе элементовъ власти, между собою, посвящается нормамъ отношеній искуственныхъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что голосъ науки и устанавливаемая, подъ его верховенствомъ, искусственная почва единенія—маловажны. Нѣтъ, вся задача времени, именно, въ томъ только и состоитъ, чтобы устроить эту почву, и отвоевать для науки долю верховенства у естественнаго хода событій, на всѣхъ по-

прищахъ человѣческой жизни; но мы старались обратить вниманіе читателя на то, что, не только въ отношеніяхъ гражданъ къ власти, т. е. въ отношеніяхъ правительственныхъ, но что, равнымъ образомъ, и въ отношеніяхъ элементовъ власти между собою, т. е. государственныхъ, —есть два типа. Одинъ, въ которомъ приписывается главенство статуту, и это будетъ явнымъ признакомъ перевѣса аристократіи, а слѣдовательно и представительства; и другой, въ которомъ верховенство оставляютъ за естественнымъ единеніемъ, и это будетъ указывать на строй демократическій и перевѣсъ опеки—автократизма. *Дѣло же, очевидно, заключается въ томъ, чтобы единеніе отбывалось на почвѣ человѣческой, т. е. и естественной, и искусственной. Суть и обезпеченіе должны пополнять и выручать другъ-друга.*

И такъ, перевѣсъ автократическаго элемента всегда ведетъ къ умаленію вѣса государственныхъ статутовъ. Они перестаютъ служить внѣшнимъ критеріемъ, разрѣшающимъ отношенія государственныхъ элементовъ, а нисходятъ на степень лишнихъ или призрачныхъ обезпеченій, которыя прежде могутъ быть обойдены, нежели отмѣнены. Строй-же, давшій перевѣсъ элементу сейма, подчиняетъ, почти всецѣло, государственныя отношенія статутамъ, которые являются въ роли какихъ-то святынь, которыхъ не осмѣливаются обойти даже въ виду явныхъ жизненныхъ противо-

рѣчій. Не только общій духъ статутовъ, но даже ихъ частности считаются здѣсь верховнымъ правомъ, которому слѣдуетъ всецѣло подчиняться, и внѣ которыхъ, отношенія опеки съ представительствомъ не имѣютъ юридическаго значенія.

Отсутствіе государственныхъ законовъ, т. е. статутовъ (конституціонныхъ гарантій), предполагающее верховенство естественнаго единенія воли престола съ народною волею, хотя и можетъ, въ частныхъ случаяхъ, обезпечивать правильный ходъ государственной жизни, но общій ея ходъ остается необезпеченнымъ; отсутствуетъ внѣшній устойчивый критерій правильности и окончательности тѣхъ или другихъ проявленій власти.

Верховенство же статутовъ, т. е. слѣпое подчиненіе хода государственнаго дѣла велѣніямъ конституціонныхъ правилъ, имѣетъ, впрочемъ, въ виду обосновать общій ходъ государственной жизни, но, какъ скоро онъ поглощаетъ всѣ частности государственнаго дѣла, какъ скоро отказываетъ въ юридической санкціи естественнымъ соглашеніямъ обоихъ началъ, то, этимъ самымъ, насилуются моменты государственныхъ отправленій, несовмѣстимые съ нормами статутовъ, и вносится искуственный легализмъ въ тѣ самыя близкія жизни сферы, въ которыхъ, не приличія, а личное разумѣніе, а затѣмъ и независимое соглашеніе должны рѣшать дѣло.

Въ первомъ случаѣ государственная жизнь неустойчива, необезпеченна, престолъ за все отвѣтственъ, потому что отъ него все исходитъ; народъ апатиченъ, потому что государственные законы, на основаніи которыхъ онъ могъ-бы, въ данномъ случаѣ, отстаивать долю присущей ему самостоятельности, здѣсь не существуютъ; во второмъ же, государственная жизнь совершенно автоматична; правила расправляются съ государственною жизнію безапеляціонно, и нѣтъ того луча разума и совѣсти, который могъ бы вдохнуть въ эти правила человѣческую суть, исторгая изъ-подъ ихъ авторитета явныя невозможности частныхъ случаевъ.

Послѣ сказаннаго несомнѣнно, что отношеніе воли престола и воли народа — установленныя и съ естественной, и съ искуственной стороны такимъ образомъ, что незамѣтно окраски ни верхняго слоя и законовъ, ни нижняго слоя и указовъ, ни наконецъ окраски искуственнаго единенія, т. е. статутовъ, ни естественнаго, т. е. усмотрѣнія — составляютъ идеалъ государственнаго строенія, т. е. тотъ порядокъ, который истекаетъ отъ велѣній жизненно-надлежащаго; и что, слѣдовательно, возможенъ только одинъ типъ — дѣйствительно-научнаго государственнаго строенія: типъ основной. Развитіе же этого типа, до той или другой степени, условливаетъ его примѣнимость, къ обществамъ той или другой культурной зрѣлости.

VIII.

ГРАНИЦЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Прежде, нежели начнемъ обсуждать нормы совмѣстной дѣятельности обоихъ элементовъ государственной власти, слѣдовало-бы рѣшить вопросъ о просторѣ правительственной дѣятельности вообще, т. е. вопросъ о границѣ, раздѣляющей принудительную сферу собирательной воли отъ свободной.

Разногласія статистиковъ, по этому вопросу, также рѣзки, какъ и по остальнымъ вопросамъ, касающимся правильнаго хода общественныхъ отправленій.

И такъ, по теоріи, исходящей отъ верховенства личныхъ разумѣній, желаній, убѣжденій и вѣрованій, элементъ принудительной воли безправенъ. Здѣсь, не только то, что въ данной личности правомѣрно, но человѣкъ, каковъ онъ есть, вмѣстѣ съ его невѣденіемъ, безсиліемъ и несамостоятельностію, считается неприкосновеннымъ и верховнымъ правомъ, что конечно

безсмысленно, потому что отсутствіе честности, силы и умѣлости не можетъ быть принимаемо за самую честность, силу и умѣлость. Слѣдовательно, если зрѣлой сторонѣ развитія присуща свободная автономія, уступающая только передъ доказательствомъ научнымъ, то сторонѣ незрѣлой должна быть присуща такъ называемая школьная автономія, подверженная руководительству принудительному. А этого порядка собирательное руководительство и есть государство.

Далѣе, истина познается не только научнымъ доводомъ, но равнымъ образомъ и собирательнымъ соглашеніемъ. Личность можетъ быть безчестна и безсмысленна; доказательства могутъ быть совершенно ошибочны; цѣли же, преслѣдуемыя данною общностью — собирательностью, всегда имѣютъ долю истины, т. е. долю смысла и благихъ стремленій: иначе-бы она не состоялась. И вотъ почему, тѣ цѣли, которыя данное общество рѣшается поддерживать совокупно и насильно, выступаютъ въ характерѣ противувѣса тѣмъ единичнымъ стремленіямъ, для которыхъ надлежащность мотивовъ, цѣлей и средствъ или безразлична, или недоступна. Наконецъ, не всегда убѣдить можно въ данныхъ, не терпящихъ проволочки, случаяхъ, а между тѣмъ дѣйствовать нужно безотлагательно: — свободная собирательность здѣсь безсильна, и вотъ правительственная дѣятельность восполняетъ собою эту незрѣлость свободной иниціативы.

Теперь обратимся къ другой теоріи, исходящей отъ признанія верховенства животной стороны жизни. По этой теоріи зависимая польза, т. е. польза неосвященная жизненною истиною, составляетъ руководящее начало человѣческихъ стремленій вообще, и междучеловѣческихъ отношеній въ частности. Продуктъ надлежащаго сочетанія внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ жизни, т. е. нравственная, самозависящая сторона дѣятельности ставится здѣсь ни во что; а всѣ мотивы, цѣли и пути, указываемыя велѣніями научныхъ рѣшеній, открывающихъ жизненно-истинное, выдаются здѣсь за мечтанія и пустяки. На этой почвѣ, очевидно, не осталось-бы никакой сферы для свободы — для дѣятельности самозависящей, регулируемой убѣжденіемъ; дѣятельность-же по внѣшнему разсчету, въ виду исключаемости животнаго порядка интересовъ, дѣлаетъ невозможнымъ соглашеніе—общность добровольную: и вотъ *коммуна принудительная*, т. е. абсолютизмъ государства, является здѣсь идеаломъ. О границахъ государства не было-бы рѣчи, потому что, кромѣ государства, ничего-бы не было. На право личности ссылаться было-бы невозможно, потому что элементы этого права оказались-бы поглощенными: одинъ матеріалистическимъ порядкомъ міровоззрѣнія, а другой—перевѣсомъ государства. Впрочемъ, политическая теорія, основанная на отрицаніи самозависящаго права личности, несостоятельна и въ отношеніи жи-

вотнаго міра, потому что и тамъ, если право это и не сознается, то все-таки оберегается естественнымъ путемъ.

И такъ, о теоріяхъ, изъ которыхъ одна принимаетъ человѣка за верховный законъ, не принимая во вниманіе степени зрѣлости личности, что ведетъ къ отрицанію государства; другая-же считаетъ человѣческую личность автоматомъ корысти, что ведетъ за собою абсолютное верховенство государства; объ этихъ обѣихъ теоріяхъ распространяться, говоримъ, не стоитъ.

Человѣческая личность правомѣрна только въ извѣстной степени; она представляетъ собою не только естественную, но и нравственную жизнь. А такъ какъ права обѣихъ этихъ жизней уравновѣшиваются въ точкѣ опоры зрѣлости личности, то, вслѣдствіе этого, тамъ-же долженъ уравновѣшиваться естественный порядокъ собирательности, т. е. государство, и нравственный ея порядокъ, т. е. товарищество.

Далѣе, имѣемъ другія двѣ теоріи, которыя согласуются съ условностію права личности; но одна изъ нихъ переноситъ это право на элементъ опеки, вслѣдствіе чего эта послѣдняя является, хотя и не самозваннымъ, но зато абсолютнымъ распорядителемъ дѣятельности общества. Бюрократія вникаетъ здѣсь или же не вникаетъ въ частную жизнь, ограничиваетъ ее или поддерживаетъ по собственному, ничѣмъ не стѣснен-

ному разумѣнію. Другая же теорія, это — условное верховенство личности, переноситъ на общественное мнѣніе, а затѣмъ на верховенство представительнаго элемента власти.

Предполагается въ обоихъ случаяхъ, что участіе народа въ дѣлѣ государственномъ, выраженное въ солидарности съ тономъ или сеймомъ, дѣлаетъ гражданъ свободными. Но это заблужденіе. Участіе въ дѣлѣ государства одно дѣло, а свобода — другое.

Конечно, мы не встрѣчаемъ здѣсь заблужденій предъидущихъ теорій, т. е. власть не исходитъ здѣсь ни изъ борьбы и права побѣдоносныхъ личностей (гамбеттизмъ), ни отъ той-же борьбы и побѣдоноснаго государства (рошфоризмъ); предполагается не насильственное подчиненіе, а солидарность общества съ властію; но соціальный промахъ этихъ теорій заключается въ томъ, что хотя въ нихъ и не игнорируютъ дѣйствительной свободы, какъ въ предъидущихъ типахъ, но напрасно ищутъ ея въ солидарности общества съ властію. Единеніе общества съ тономъ (русинизмъ) или съ сеймомъ (полонизмъ) другое дѣло; а сфера независимости общества отъ государства — опять иное.

И такъ, мы уже доказали, что личность авторитетна только тамъ, гдѣ она и права, и состоятельна. Въ этой сферѣ ея воля также свята, какъ міровое право. Мнѣніе, желаніе и могущество всего міра ниже

такого ея права. Но если она авторитетна только тамъ, гдѣ и права, и состоятельна, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія компетентную сторону личной воли замѣнять другою волею, дѣйствующею хотя-бы и въ томъ же направленіи, но принудительно. *То хорошее, чего мы можемъ при данной зрѣлости и добровольно достигнуть, будетъ нами очевидно достигнуто безъ всякихъ уполномочиваній принудительной собирательности. А эта-то дѣятельность и составляетъ сферу присущей гражданину свободы*, сферу, отрѣшаться отъ которой въ пользу-ли трона, въ пользу-ли сейма, или обоихъ вмѣстѣ взятыхъ, не имѣемъ не только повода, но даже ни малѣйшаго права. Человѣкъ, не выполняющій добровольно того хорошаго, что выполнить можетъ и долженъ, и сваливающій это дѣло на кого-бы то ни было — не правъ.

Достигнутое безъ нашихъ личныхъ, невынужденныхъ усилій и тревогъ — не наше; это еще не мы, не та плоть нравственной жизни въ оболочкѣ, въ которой явимся въ лучшемъ мірѣ. Все, исходящее не отъ сознательнаго и самозависящаго стремленія къ истинѣ, а отъ принужденія, тождественно въ сущности съ тою почвой, которую составляетъ для насъ организмъ и природа. Государство и церковь, наравнѣ съ этими агентами, даетъ намъ только условія для личныхъ нашихъ побѣдъ, а не причину этихъ побѣдъ: мы можемъ здѣсь отсутствовать. Если-бы въ распоряженіи

человѣкабыли самыя великолѣпныя способности; еслибы жизнь его проходила въ самыхъ благопріятныхъ для проявленія разумной правдивости условіяхъ, то во всякомъ случаѣ, какъ скоро его объективно-хорошая дѣятельность составляетъ лишь слѣдствіе условій, какъ скоро она вызвана только боязнью, приманками и привычками, то она, помимо всей объективной надлежащности, не перестаетъ быть автоматичной. Нравственное „я“ здѣсь мертво.

Личность этого порядка можетъ быть естественною прелестью, а слѣдовательно прелестью зависящею, а не тою другою, непоколебимою прелестію, которая отъ себя зависитъ, и на которую, поэтому, полагаемся всецѣло, при всякихъ условіяхъ, какъ на самаго себя.

Такимъ-то образомъ, на даровыя побѣды полагаться нечего. Даровое отъ добровольныхъ нашихъ усилій и тревогъ не исходитъ, и не обращается намъ на пользу. Ребенокъ, поступающій найлучшимъ образомъ, но подъ авторитетомъ семьи, привычекъ и т. п. все-таки ребенокъ; но начни онъ проводить истину въ жизни самостоятельно, т. е. ради ея самой, начни онъ прибѣгать къ авторитету семьи только въ такихъ случаяхъ, когда не увѣренъ и не самостоятеленъ, то превращается въ личность семейную, которая не пренебрегаетъ ни авторитетомъ семьи, съ одной стороны, ни самозависимостью съ другой.

Дикій человѣкъ непремѣнно даетъ себя поглотить или велѣніямъ, или правиламъ, или материнскому, или отеческому авторитету общества, но онъ на то ребенокъ: ему и съ этимъ хорошо. Онъ и съ этими крайностями очутится въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ, которыя для него необходимы, какъ противувѣсъ такихъ же крайностныхъ страстей и помысловъ личныхъ. Въ подчиненіи авторитету принудительнаго теченія собирательной воли, онъ найдетъ ту школу, которая дозволитъ развиться въ немъ нравственному мужеству. Онъ, слѣдовательно, не сдѣлается ни животнымъ, ни сумасшедшимъ, а встрѣтитъ именно ту почву которая дозволитъ нравственной его жизни сдѣлать первый шагъ. Но то же самое отреченіе отъ единичной и собирательной свободы, сдѣланное въ пользу государства обществомъ, стоящимъ на извѣстной культурной высотѣ — пагубно. Сдавая защиту личности и прогресса всецѣло на отвѣтственность государства, даже въ случаѣ солидарности съ властію, мы выступаемъ въ роли рабовъ, а добровольная запроданность не лучше насильственной зависимости. Въ этихъ-то условіяхъ выростаетъ презрѣніе тѣхъ качествъ, которыя гарантируютъ возможность довѣрія и дѣйствительно-человѣческаго достоинства.

И такъ, самоотреченіе общества отъ добровольной личной и собирательной дѣятельности на поприщахъ экономическомъ, нравственномъ и политическомъ—въ

пользу-ли опеки-указовъ, въ пользу-ли представительства-законовъ—приводитъ къ разложенію характеровъ; точно такимъ-же образомъ, какъ присваиваніе свободы, не соотвѣтствующей зрѣлости общества, и отрицаніе на этой почвѣ авторитета, приводитъ къ торжеству насилія — будетъ-ли это борьба или коммуна?

Безъ соотвѣтственнаго давленія мы не можемъ ожидать работы отъ даннаго механизма и точно также безъ государства, *данное общество*, т. е. зрѣлое только въ извѣстной степени, не прогрессируетъ: свободы еще тамъ не хватаетъ на все общественное дѣло.

И такъ, невозможно, безъ тѣхъ приспособленій и средствъ, какія доставляетъ принудительное отправленіе собирательности, успѣвать на аренѣ борьбы съ тайной и ея выраженіями въ организмѣ, природѣ и обществѣ.

И тоже самое, невозможно, опираясь постоянно на тотъ или другой элементъ правительственной собирательности, успѣвать съ нравственною зависимостью человѣческаго духа.

И такъ, старые общественные строи всецѣло подчинялись тому или другому правительственному элементу: свобода имъ была неизвѣстна. Послѣ-революціонные надѣются на абсолютный перевѣсъ свободы надъ государствомъ, забывая о качествѣ и устроеніи этой свободы. Славянскія же цивилизаціи усиливаются воплотить свободу въ тотъ или другой элементъ го-

сударства, но какъ разъяснено выше, дѣло доброй воли не можетъ быть смѣшиваемо съ дѣломъ принужденія.

Остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ безчисленныхъ теоріяхъ компромисса, которыя не отвергаютъ ни сферы дѣятельности государства, ни сферы дѣятельности свободы, но которыя ищутъ между этими факторами незыблемыхъ границъ.

Казалось-бы—что проще, какъ, признавъ неотложность обоихъ факторовъ общественнаго совершенствованія т. е. и воли, проводящей себя принудительно, и другой, заставляющей уважать себя нравственнымъ путемъ — отыскать границу, раздѣляющую сферы ихъ дѣятельности. Къ несчастію, однако, не только рѣшенія, основанныя на призрачномъ отношеніи данныхъ, но равнымъ образомъ и вопросы, поставленные на призрачныхъ основаніяхъ, не состоятельны.

Но обратимся къ фактамъ. Труды искателей границъ между принудительнымъ и свободнымъ характеромъ отношеній между людьми, а затѣмъ между государствомъ и товариществомъ — лучше всего сведены въ сочиненіяхъ Д. С. Милля и Этвеша, хотя конечно ни одинъ изъ нихъ не различаетъ вообще авторитетныхъ и свободныхъ отношеній людей. Для нихъ авторитетъ, внѣ государства, не существуетъ. Для насъ же, какъ свободныя отношенія внѣ сферы церкви, такъ и авторитетныя, внѣ сферы государства — и возможны, и необходимы. Несмотря на эту узкость взгляда, мы

избрали за образецъ труды этихъ мыслителей не только потому, что въ трудахъ этихъ слышится голосъ честнаго убѣжденія, глубоко вѣрящаго въ возможность побѣдъ науки, но и потому, что каждый изъ нихъ задается отысканіемъ границъ, раздѣляющихъ авторитетъ отъ свободы въ другихъ цѣляхъ.

Въ глазахъ Милля цивилизаціи угрожаетъ соціализмъ — торжество государства надъ личностію, принужденія надъ убѣжденіемъ. По мнѣнію же Этвеша ей угрожаетъ анархія и подчиненіе, или лучше сказать, порабощеніе слабѣйшаго человѣка.

Выходя изъ этихъ противоположныхъ взглядовъ, они все-таки, по вопросу о границахъ государства, приходятъ къ одному и тому-же рѣшенію. Уже одно это казалось-бы ручается за правильность сдѣланныхъ ими выводовъ. Однако, случаи совпаденія заключеній, исходящихъ изъ исключающихъ себя точекъ отправленія, ничего не доказываютъ, если обѣ стороны повторяютъ въ изслѣдованіи однѣ и тѣ-же ошибки. Эта тождественность ошибокъ ведетъ за собою совпаденіе выводовъ.

И такъ, по мнѣнію Милля, въ цивилизованномъ (?) обществѣ, государство можетъ вмѣшиваться въ жизнь индивидуума только для того, чтобы воспрепятствовать ему вредить (?) другимъ. На вопросъ, имѣетъ-ли общество и внѣ этой сферы какое-нибудь право надъ отдѣльною личностью, Милль отвѣчаетъ: „нѣтъ, все

что касается только насъ самихъ (?), подлежитъ нашей собственной юрисдикціи". Вотъ и рѣшеніе; но рѣшеніе такъ сказать безсодержательное; а безсодержательное потому, что оба автора не позаботились о критеріѣ безвредныхъ поступковъ, или тѣхъ поступковъ, которые касаются только насъ самихъ. Отвѣтъ Милля, на сколько онъ касается насъ самихъ — всѣхъ индивидуальныхъ отправленій мысли, слова, совѣсти, дѣла и т. п., уклончивъ и тождественъ съ вопросомъ. Сказать ли индивидуальныя отправленія, или-же сказать: отправленія, касающіяся только насъ лично — все равно. Вотъ почему всѣ дальнѣйшія разсужденія обоихъ мыслителей о свободѣ совѣсти, мысли, слова, печати и т. п. не бросаютъ ни малѣйшаго свѣта на защищаемое ими положеніе.

Совсѣмъ не въ томъ дѣло, какія отправленія индивидуальны, а какія не индивидуальны. Они всѣ — и личны и общественны, т. е. всѣ безъ исключенія касаются, хотя въ различной мѣрѣ, и насъ, и другихъ. Корень же вопроса въ томъ: компетентны-ли мы, чтобы надлежащимъ образомъ руководить своими дѣлами, или же нѣтъ. Въ первомъ случаѣ имѣемъ передъ собою сферу принадлежащей намъ свободы; во второмъ — подчиненія личнымъ и собирательнымъ авторитетамъ.

И такъ, вопросъ о границахъ, раздѣляющихъ авторитетъ и свободу, сводится къ задачѣ о степени нашего развитія. Чѣмъ данное общество зрѣлѣе, тѣмъ

большая и важнѣйшая (болѣе затрогивающая другихъ людей) сфера дѣятельности можетъ оставаться на ихъ собственной отвѣтственности и не подлежитъ принудительному вмѣшательству авторитета; а чѣмъ общество менѣе зрѣло, тѣмъ болѣе вникаетъ авторитетъ въ личныя отправленія.

Отсюда ясно, что раздѣлять поступки на подвѣдомственные государству и свободѣ—безсмысленно. Пора-бы догадаться, что оба эти элемента общественности должны найтись у всякаго общественнаго дѣла; точно также, какъ оба элемента государства не исключены ни въ одной отрасли государственной дѣятельности, и что *критерій зрѣлости общества измѣняетъ и нормы строеній государства и свободы, и нормы сочетаній государства и свободы.*

Очень понятно, что государство устраиваетъ и контролируетъ не только политическую, нравственную, экономическую, но даже гигіеническую жизнь дикаря, и на столько-же понятно, что по мѣрѣ поднятія уровня общественной зрѣлости, государственное вмѣшательство оставляетъ сферу, на которой свобода посильна, а переходитъ на болѣе передовыя, и слѣдовательно, менѣе доступныя нравственному соглашенію задачи.

И такъ, исканія абсолютныхъ и неподвижныхъ границъ—неумѣстны. Раздѣлить отправленія на индивидуальныя и общественныя—невозможно. Даже личное

наше существованіе рѣзче затрогиваетъ общій интересъ, и тѣмъ болѣе затрогиваетъ его та или другая дѣятельность личности. Ни по чему нельзя быть увѣреннымъ, что нашъ поступокъ найболѣе личнаго характера не отразится тѣми или другими путями на нравственной или естественной судьбѣ другихъ людей.

Можно, слѣдовательно, подобрать цѣлые томы запутанныхъ и краснорѣчивыхъ фразъ о томъ, что абсолютная свобода совѣсти, мысли, слова, печати, ученія, ассоціаціи, договора и т. п. спасительна; и можно также точно сочинить великолѣпную апологію правительственному вмѣшательству во все это. Можно наконецъ утверждать, что государство должно быть только стражемъ порядка и безопасности; но въ такомъ случаѣ останется разрѣшить вопросъ о тѣхъ общественныхъ условіяхъ, при которыхъ ни личностямъ, ни обществу ничто не угрожаетъ.

Изъ всей этой путаницы фразъ, истекающей изъ ложно-поставленной задачи о границахъ, раздѣляющихъ поступки, подлежащіе вѣдѣнію авторитета, отъ другихъ, подлежащихъ личной юрисдикціи, избавляетъ насъ критерій общественнаго развитія.

Онъ то и указываетъ намъ, что относительный вѣсъ авторитета и свободы на тѣхъ или другихъ поприщахъ человѣческой дѣятельности измѣняется параллельно съ измѣненіемъ зрѣлости общества. Тамъ, гдѣ общество руководствуется только влеченіями и

корыстью безъ всякаго на нихъ воздѣйствія стремленія къ долгу; тамъ, гдѣ не имѣется въ распоряженіи научнаго добытка, съ помощью котораго можно-бы было различить мотивы, цѣли и пути полезные отъ вредныхъ—несомнѣнно желателенъ не только перевѣсъ, но даже верховенство государства. А это потому, что положенія, которыя все общество готово проводить и отстаивать силою, имѣютъ все-таки долю честности и разумности въ то время, когда единичная воля, не распоряжающаяся личными гарантіями стремленія къ жизненно-надлежащему — всегда или безсмысленна, или неустойчива.

Посмотримъ, какимъ образомъ частный авторитетъ, напр. родительскій, вмѣшивается въ тотъ путь, по которому совершается нравственное, естественное и общественное совершенствованіе ребенка, и въ какомъ характерѣ измѣняется это вмѣшательство по мѣрѣ развитія. Измѣненія эти будутъ совершенно аналогичны съ тѣми фазисами, какіе проходитъ государство при различной зрѣлости обществъ.

И такъ, несомнѣнно, что ребенка мы не считаемъ за самостоятельную личность; мы не вправѣ, оставляя ему всю свободу дѣйствія, подвергать его тѣмъ самымъ опасностямъ, какихъ мы, по опыту и наукѣ, научились избѣгать. Вотъ почему, собственною, исходящею отъ служенія истинѣ, властью мы стараемся направить его мысль, слово, совѣсть, дѣятельность

и т. д. Конечно, цѣль наша состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы заглушить возможную самостоятельность ребенка, а въ томъ только, чтобы ее выростить и обработать; но пока и на сколько этой нравственной самостоятельности, т. е. готовности защищать истину, и естественной, т. е. умѣнья защищать ее—въ ребенкѣ нѣтъ, до тѣхъ поръ и по праву, и по долгу направляемъ его совѣсть и силу. Вопросъ объ абсолютномъ разграниченіи сферъ, подвѣдомственныхъ ребенку, очевидно немыслимъ, потому что его развитіе совершенствуется, вслѣдствіе чего, тѣ самыя отправленія, которыя еще вчера должны были оставаться подъ родительскимъ и семейнымъ авторитетомъ, сегодня находятъ должную, регулирующую ихъ силу въ самомъ ребенкѣ.

И вообще, слѣдовательно, чѣмъ менѣе мы становимся солидарны съ успѣхами науки, искусства и общественности, тѣмъ большій оставляемъ просторъ воздѣйствію на насъ частнаго и правительственнаго авторитета; по мѣрѣ же развитія, поприще этого послѣдняго отодвигается на высшія и высшія задачи жизни, на тѣ задачи, которыя превышаютъ самостоятельность силъ личности.

Что степень развитія вліяетъ на границу, раздѣляющую государство отъ свободы, это извѣстно уже тысячи лѣтъ. Къ несчастію, научная мысль остановилась на посылкѣ, дѣлаемой въ данныхъ случаяхъ на степень общественнаго развитія, и не догадалась

сдѣлать послѣдній шагъ, т. е. уразумѣть, что это не посылка, а причина, руководящая измѣненіемъ сферы авторитета и свободы. Для совершенствованія существуетъ все, и вотъ степень этого совершенствованія управляетъ всѣмъ: она критерій и руководящее начало не только соціозофической, но и вообще антропозофической мысли.

Этотъ-то послѣдній шагъ удерживало, заграждало раболѣпное поклоненіе ошибкамъ жизни и мысли.

И такъ, нѣкоторые мыслители прямо утверждаютъ, что даже ссылаться на уровень общественнаго развитія невозможно, потому что при такой постановкѣ общественной задачи, государство, какимъ оно есть, подъ предлогомъ незрѣлости общества, заглушитъ свободу. Подумаемъ однако, что какъ скоро поведемъ научныя изслѣдованія, опираясь на настоящее руководящее начало, то государство не будетъ такимъ, какимъ оно есть, а какимъ должно быть, и что, вслѣдствіе этого, побѣды науки свободѣ не угрожаютъ.

Конечно, въ виду напримѣръ верховенства большинства и вообще въ виду неразрѣшенности вопроса о нормахъ сочетанія трона съ сеймомъ, на всѣхъ общихъ и частныхъ постахъ правительственной дѣятельности нечего было прибѣгать къ критерію развитія въ разрѣшеніи спора между авторитетомъ и свободой, потому что, руководствуясь въ отправленіи государственнымъ однимъ началомъ, а въ отношеніяхъ государ-

ства къ свободѣ—другимъ, мы бы отдали человѣческую личность въ безконтрольные тиски авторитета; но какъ скоро поведемъ съ надлежащаго критерія рѣшеніе всѣхъ общественныхъ задачъ, то окажется, что ни свободѣ, ни авторитету не угрожаетъ никакая опасность. Научно-устроенныя государства и свобода споспѣшествовать другъ другу могутъ и должны.

Не додумавшись до всего этого, пытались защищать свободу, рѣзко раздѣляя общественое поприще на двѣ сферы, изъ которыхъ въ одной верховенство принадлежало-бы авторитету, въ другой-же — свободѣ. Старались, слѣдовательно, съ помощью паліативныхъ средствъ, устранить общественныя печали. Но это невозможно. Гарантіи побѣдъ общественной истины находятся не въ спутываніи и противопоставленіи обоихъ общественныхъ элементовъ, а въ надлежащемъ устроеніи и элементовъ свободы, и элементовъ авторитета, а потомъ еще въ такомъ же научномъ сочетаніи элементовъ общественности, т. е. свободы и государствъ между собою.

Раздѣленіе же поприщъ общественнаго дѣла между этими элементами, проведенное абсолютно, невозможно, не только потому, что жизнь прогрессируетъ, но равнымъ образомъ и потому, что нѣтъ того жизненнаго поприща, на которомъ свобода не требуетъ опоры въ авторитетѣ, или-же авторитетъ не обязанъ выдѣлить мѣсто свободѣ. Общества нельзя считать ни ново-

рожденнымъ, ни идеальнымъ, и вотъ почему во всемъ, чѣмъ оно задается, должно быть мѣсто и авторитету, и самостоятельности.

Наконецъ, старались выгородить свободу слова, печати, школы, асоціяціи, совѣсти, и т. д. нетолько потому, что свобода дорога человѣческой личности, но еще и потому, что, въ виду неразрѣшенной философской задачи, касающейся бытія, природы и человѣка, верховенство того или другаго авторитета угрожало вѣчною немощностью человѣческой мысли. Верховенство это повело бы къ торжеству ошибокъ и гоненію тѣхъ попытокъ, съ помощью которыхъ жизнь и мысль стараются отыскать почву жизненно-истиннаго. Возможно-широкая терпимость мнѣній и поступковъ являлась здѣсь единственнымъ залогомъ той свѣтлой будущности, въ которой основныя ошибки перестанутъ составлять источникъ человѣческихъ бѣдствій. Оберегая эту будущность, мыслители послѣдняго времени постоянно ратуютъ за расширеніе свободы личности, но какъ выше нами указано, не идутъ къ намѣченной цѣли основнымъ путемъ т. е. путемъ, исходящимъ отъ руководящаго рѣшеніемъ жизненныхъ задачъ начала. Они жертвуютъ этимъ окончательнымъ освѣщеніемъ вопросовъ жизни, добиваясь паліятивныхъ гарантій, обезпечивающихъ побѣды человѣческаго ума. Они отказываются отъ побѣды, лишь бы отстоять ея возможность въ будущемъ. Конечно, отказъ этотъ без-

сознательный, но человѣчеству отъ этого ни сколь не легче.

Такимъ-то образомъ, задача о границахъ государства поставлена была невѣрно, изъ-за двойнаго недоразумѣнія. Во 1-хъ, не понималось, что оцѣнка личности вовсе не посылка, а всеобщій антропозофическій критерій, и во 2-хъ, избѣгали даже посылки на уровень развитія общества, опасаясь торжества авторитета.

Прошедшее фанатически предано задачѣ отысканія обсолютныхъ нормъ хорошаго и дурнаго, добра и зла; оно пріучило человѣческую мысль посвящать этой нелѣпости все стоящее съ нею въ разрѣзъ. Оказывается же, напротивъ, что все, стоящее съ этою задачей въ основномъ противорѣчіи—жизненно-истинно.

Не станемъ же отыскивать нормы паденія всѣхъ тѣлъ вообще, потому что возможна только физическая формула, въ которую вводимъ относительныя данныя; норму же можемъ отыскать только по отношенію къ этимъ даннымъ. И точно также ни къ чему привести не могутъ разсужденія о нормѣ побужденій, путей и цѣлей, пригодной для всѣхъ обществъ. Мы должны непремѣнно знать—по отношенію къ какому уровню развитія рѣшаемъ данную соціозофическую задачу, потому, что ея рѣшеніемъ именно руководитъ этотъ уровень.

Вотъ тотъ хаосъ, на которомъ остановилась науч-

ная мысль. Хаосъ этотъ, по отношенію занимающаго насъ вопроса о границахъ государства и свободы, увеличивается еще тѣмъ, что, очень часто, политическая наука принимаетъ за элементъ свободы — народное представительство, а такое смѣшеніе общественныхъ факторовъ доводитъ путаницу мнѣній до границы невозможнаго.

Представительный элементъ государства въ краевомъ и мѣстныхъ кругахъ администраціи, полиціи и суда—это еще не свобода, а принудительная дѣятельность общественной собирательности, исходящая отъ центробѣжной стороны общественныхъ силъ. Можно не только умалить значеніе опеки, но, даже, вовсе ее упразднить, и, все таки, окажется, что дѣло свободы отъ этого не выигрываетъ, а напротивъ, торжествуетъ насиліе сильнѣйшихъ и въ государственной, и въ частной жизни.

И такъ, есть авторитетъ личности и собирательности, и есть въ свою очередь свобода личности и собирательности.

Вопросъ объ абсолютныхъ границахъ государственной и частной иниціативы — немыслимъ.

Отношенія государства и свободы зависятъ отъ степени зрѣлости общества.

Вопросъ, слѣдовательно, о строеніи общественнаго организма—это вопросъ о нормахъ сочетанія авторитета и свободы, совершенно, какъ вопросъ о строеніи

государства—это вопросъ о нормахъ сочетанія трона съ сеймомъ и т. д.

Въ задачѣ о научномъ строеніи государства, мы вынуждены преждо изучить строеніе его элементовъ, т. е. изслѣдовать просторъ, происхожденіе и форму отправленій бюрократіи и представительства, и тогда только возможно задаваться вопросомъ о соотвѣтствующихъ зрѣлости общества нормахъ сочетанія элементовъ государства.

И точно также, прежде нежели задаемся вопросомъ о нормахъ сочетанія авторитета и свободы, нужно изучить не только научное строеніе государства, но равнымъ образомъ и строеніе свободы.

Мы, въ настоящемъ трудѣ, задаемся только государственнымъ вопросомъ; а такъ какъ задача о строеніи свободы, равнымъ образомъ, научно обсуждаема еще не была, то, вслѣдствіе этого, пока мы или кто-нибудь другой—не разрѣшимъ вопроса объ элементахъ свободы и о нормахъ сочетанія этихъ элементовъ, до тѣхъ поръ *считаемъ себя не въ правѣ подымать окончательный соціозофическій вопросъ, касающійся нормъ надлежащаго сочетанія раздѣльнаго и собирательнаго авторитета съ раздѣльною и собирательною свободою нормъ, которыя составляютъ почву такъ называемой общественности.*

Для насъ достаточно было указать, что исходами надлежащихъ сочетаній авторитета и свободы руко-

водитъ степень зрѣлости общества, и что внѣ этого критерія вопросъ нерѣшимъ.

Обезпечить свободу, не роняя государства, обезпечить прогресъ, не роняя человѣчности, обезпечить внѣшнихъ агентовъ цивилизаціи, не роняя—внутреннихъ, и обезпечить силу, не роняя правдивости, вотъ великая задача всѣхъ временъ, основное разрѣшеніе которой выводитъ человѣчество изъ зависящаго, въ отношеніи къ событіямъ, положенія на путь тождественный съ велѣніями жизненной истины.

IX.

НЕИСКЛЮЧАЕМОСТЬ ОПЕКИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМЪ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОМЪ ПОПРИЩАХЪ АДМИНИСТРАЦІИ, ПОЛИЦІИ И СУДА.

До сихъ поръ мы, надѣемся, успѣли доказать, что принудительное начало собирательной воли — составное, и, что, вслѣдствіе этого, строить государственныя отправленія на одномъ изъ элементовъ правительственной власти — невозможно.

Внутренній и внѣшній — центростремительный и центробѣжный — процессы человѣческихъ способностей и силъ—вотъ два естественные фактора человѣческой природы, и точно также: тронъ и сеймъ, опирающіеся на относительныя учрежденія — вотъ два неисключимые элемента власти.

Остается, слѣдовательно, приблизиться нѣсколько къ фактической сторонѣ этого предмета и прослѣдить неотложность взаимодѣйственнаго и совмѣстнаго функ-

ціонированія обоихъ этихъ элементовъ, на всѣхъ поприщахъ государственнаго дѣла.

Отправленія правительственной власти раздѣляютъ обыкновенно на: 1) законодательное, 2) административное, 3) полицейское и 4) судебное.

Раздѣленіе это не имѣетъ никакихъ научныхъ основаній, вслѣдствіе чего и неприложимо къ жизни. На почвѣ этого-то дѣленія рождается споръ о первенствѣ того или другаго правительственнаго отправленія, и весьма неудачное отождествленіе опеки съ исполнительною, а представительства съ законодательною стороною власти. Но опека — тронъ, престолъ, не принимающій самостоятельнаго участія въ законодательствѣ, очутился-бы не въ роли власти, а въ роли исполнителя велѣній сейма. Представительство же, не принимающее участія въ дѣлѣ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, т. е. въ силѣ проведенія — исполненія постановленій, было бы на практикѣ этому исполненію совершенно подчинено, т. е. теряло бы, на дѣлѣ, ту самую долю власти, какою пользовалось на поприщѣ законодательномъ. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что насколько законодательство предполагаетъ въ себѣ долю исполненія, настолько же исполненіе невозможно безъ доли законодательства. А если это вѣрно, то непремѣннымъ послѣдствіемъ предоставленія законодательства сейму, а исполненія опекѣ, было бы то, что вмѣсто одной, общество имѣла-бы двѣ, занятыя не

государственнымъ дѣломъ, а соперничествомъ, власти. А этотъ дорогой турниръ конечно, обществу не нуженъ.

И такъ, предлагаемое государственною наукою дѣленіе приводитъ насъ къ путаницѣ, уродующей государственную жизнь и невозможной для дальнѣйшаго научнаго изслѣдованія. Задача человѣческой мысли состоитъ не въ томъ, чтобы нейтрализировать государство, устраивая соперничество двухъ элементовъ одной и той-же, власти, а въ томъ, чтобы государственное отправленіе исходило отъ обоихъ элементовъ.

Дѣло дѣленія государственныхъ отправленій, основанное на началахъ человѣческой природы, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Правительственная дѣятельность можетъ быть только: 1) постановляющая (законодательная) и 2) проводящая (исполнительная). Въ первомъ случаѣ, имѣемъ передъ собою рѣшенія собирательной воли; во второмъ же — отправленія мѣстныхъ ея органовъ, проводящихъ на дѣлѣ эти рѣшенія.

Дѣленіе это основано на томъ неоспоримомъ фактѣ, что, въ дѣятельности организма, тоже, различаемъ центры нашей рѣшимости отъ проводящихъ эти рѣшенія органовъ. Если мы трудимся, чувствуемъ, движемся, мыслимъ и т. д., то или потому, что внутренніе или внѣшніе стимулы заставляютъ насъ это дѣлать, или-же потому, что самостоятельно приняли

рѣшеніе—двигаться, думать и т. д. Въ этихъ, слѣдовательно, случаяхъ имѣемъ дѣло съ естественными и нравственными центрами нашей воли; а, затѣмъ уже, наступаетъ другая сторона нашей жизненной дѣятельности, проводящая въ жизнь, т. е., исполняющая, принятыя нами сознательно или безсознательно, зависимо или независимо — рѣшенія.

Несомнѣнно, что данная дѣятельность организма можетъ быть причиною сознательныхъ и безсознательныхъ нашихъ рѣшеній, и что, въ свою очередь, дѣятельность эта можетъ истекать отъ рѣшеній, присущаго организму, естественнаго и нравственнаго, тяготѣнія. Взаимность эта не исключаетъ, однако, разницы дѣятельности организма, постановляющей и проводящей. Отправленія машины — одно дѣло, а управляющая ею воля — другое, хотя обѣ взаимно замѣняютъ и вызываютъ другъ друга.

И такъ, власть можетъ быть только: 1) постановляющая (законодательная) и 2) проводящая (исполнительная).—Кромѣ этихъ двухъ сторонъ возможенъ только относительный контроль. Ихъ только двѣ; и какъ организмъ естественный не возможенъ безъ отправленій центровъ воли, т. е. тяготѣнія нашихъ способностей и центровъ исполненія, т. е. органовъ, также точно власть невозможна внѣ постановленій и исполненій. Собирательная дѣятельность, которая ограничивается однимъ только законодательствомъ или однимъ только

исполненіемъ, это — жизненная невозможность, абстракція, о которой, въ жизненной практикѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Теперь прослѣдимъ различія правительственной власти не по отношенію къ ней самой, къ ея природѣ, а по отношенію къ тѣмъ поприщамъ, на которыхъ отбывается ея дѣятельность.

Все это въ политическихъ наукахъ перемѣшано: перепутана разница въ природѣ власти съ разными поприщами ея отправленія.

Поприщъ этихъ три: 1) полицейское, 2) хозяйственное и 3) судебное.

Дѣленіе это основано на томъ неоспоримомъ жизненномъ отношеніи, что правительственная дѣятельность можетъ 1) предупреждать жизненные факты, 2) идти съ ними наравнѣ и 3) происходить послѣ фактовъ. Предупреждая жизненные факты, мы очевидно, постановляемъ или проводимъ жизненныя отношенія, которыя касаются фактовъ, еще не совершавшихся.— Это и будетъ дѣятельность полицейская.

Дѣятельность эта можетъ относиться нетолько къ предупредительному огражденію правовыхъ, но равнымъ образомъ естественныхъ и нравственныхъ опасностей.

Далѣе, находясь въ самомъ теченіи жизненныхъ фактовъ, постановляющая и проводящая правительственная дѣятельность имѣетъ дѣло съ регулирова-

ніемъ нравственнаго, естественнаго (экономическаго) и юридическаго порядка фактовъ, въ данномъ ихъ ходѣ, а это и будетъ, касающаяся нравственности, могущества и права, дѣятельность правительства хозяйственная.

Наконецъ, законодательство и исполненіе, касающееся фактовъ уже совершившихся, имѣетъ значеніе исправляющее эти факты, стремится здѣсь возстановить жизненную истину, а это и будетъ дѣятельность государства судебная.

Дѣятельности эти, точно также какъ обѣ предъидущія, могутъ относиться къ фактамъ естественнаго, нравственнаго и правоваго порядка, т. е. дѣло судебное можетъ касаться возстановленія собственности, достоинства и права.

Кромѣ того, принудительное начало собирательной воли можетъ имѣть въ виду: 1) частныя отношенія гражданъ — это дѣятельность власти правительственная, 2) отношенія гражданъ по государству—это дѣятельность ея государственная и 3) отношенія народовъ между собою, а это будетъ дѣятельность власти политическая. Отсюда законы и учрежденія правительственные, государственные и политическіе.

Рѣшивъ, такимъ образомъ, вопросъ о различныхъ видахъ власти по отношенію къ свойствамъ ея отправленій и по отношенію къ кругамъ ея дѣятельности, мы имѣемъ уже строго научную почву, на

которой постараемся выяснить, что элементы власти, т. е. бюрократія и представительство, неисключимы ни на одномъ изъ поприщъ правительственнаго, государственнаго и политическаго ея отправленія.

И такъ, мы коснемся сперва международной, т. е. политической дѣятельности власти и постараемся доказать, что, даже здѣсь, верховенство трона или сейма, и, вообще ненадлежащее ихъ отношеніе составляетъ аномалію, которой человѣчество обязано значительною долей своихъ международныхъ бѣдствій. Мы, конечно, будемъ кратки. Наше дѣло провести въ этомъ трудѣ рѣшеніе государственной задачи такимъ образомъ, чтобы вызвать поддержку и дальнѣйшую разработку нашихъ положеній; а не такимъ, который-бы претендовалъ на окончательную разработку частностей.

Главные моменты международныхъ отношеній представляются слѣдующимъ образомъ.

На первобытной ступени развитія человѣкъ смотритъ на все дальнее, незнакомое, неродственное, какъ на враждебное. Было, слѣдовательно, время, когда сперва каждая семья, потомъ каждое племя, народъ относились другъ къ другу безучастно, и только нравственныя, естественныя и общественныя совершенствованія выводятъ человѣчество на широкій путь взаимнаго участія и общенія родовъ, племенъ, народовъ и т. п. Переворотъ этотъ, который легко прослѣдитъ въ исторіи человѣческихъ отношеній, припи-

сываютъ, обыкновенно, развитію чувствъ альтрюитическихъ, а упадокъ его — развитію чувствъ эгоистическихъ. Но толкованіе это совершенно безсмысленно, потому что, какъ существуетъ одинъ только разумъ, также точно существуетъ одно только чувство, соглашающееся съ тѣмъ, что кажется намъ истиннымъ, благимъ, и протестующее противъ того, что кажется намъ ложью и зломъ. Самихъ же по себѣ альтрюитическихъ и эгоистическихъ чувствъ вовсе нѣтъ. И въ себѣ, и въ людяхъ любимъ и уважаемъ то, что или по свойству нашихъ психофизическихъ силъ, или же, по нашему мнѣнію и разумѣнію, согласно съ нашимъ стремленіемъ къ благу; а ненавидимъ, презираемъ и т. д., все противоположное. Есть, слѣдовательно, одно только чувство, которое, къ однимъ нравственнымъ, естественнымъ и общественнымъ фактамъ относится съ участіемъ, любовью, и т. п.; къ другимъ-же — съ омерзеніемъ, враждою и т. д. Вотъ почему, сегодня можемъ съ любовью и уваженіемъ встрѣчать то самое, что въ былое время возбуждало въ насъ ненависть, страхъ и т. п. — Чувство наше осталось того-же самого, что и прежде, характера; его логика не перемѣнилась; но оно могло обработаться, вслѣдствіе чего, способно тамъ открывать, пріятное ему, гдѣ прежде открыть его не было въ состояніи. Замѣтимъ, что огромную услугу оказываетъ намъ, въ этомъ отношеніи, совершенствованіе разума, совершенствованіе, которое, въ свою очередь, открываетъ

передъ нами цѣлые міры благъ, именно тамъ, гдѣ, кромѣ лжи, насилія и низости, мы не въ состояніи были ничего болѣе замѣнить.

Вотъ почему, чѣмъ ниже степень развитія личности, тѣмъ труднѣе ея чувству и пониманію открывать въ себѣ, людяхъ и природѣ, тѣ самыя качества, которыя она всегда встрѣчаетъ любовью, участіемъ и т. п., а затѣмъ, чаще вслѣдствіе неразвитости ума и чувства, видимъ другія качества, которыя человѣческая природа, всегда, встрѣчаетъ съ ужасомъ, ненавистью, презрѣніемъ и т. п.

И такъ, по мѣрѣ развитія, наша психофизическая природа дѣлается болѣе чуткою и разборчивою, съ одной стороны, а разумъ представляетъ намъ всѣ болѣе и болѣе средствъ надлежащей оцѣнки всего, попадающаго въ наше сознаніе, — съ другой.

Вражда, слѣдовательно, между людьми, племенами и народами уступаетъ мѣсто дружественнымъ отношеніямъ, потому что убѣждаемся все болѣе и болѣе, что тѣми самыми качествами, которыя любимъ, цѣнимъ и уважаемъ, въ себѣ и своихъ, напр., родственникахъ, обладаютъ и дальнѣйшіе родственники, т. е. наше племя, потомъ еще дальнѣйшіе—это уже нашъ народъ, а наконецъ еще дальнѣйшіе, это — человѣчество. Конечно, въ этомъ направленіи можно идти и далѣе, и дѣйствительно идемъ далѣе, чѣмъ лучше познаемъ и понимаемъ окружающее.

На вопросъ-же, какія это качества человѣческая природа встрѣчаетъ чувствомъ соглашенія — любви, уваженія? отвѣтъ ясенъ: — тѣ, которые составляютъ причину того, что, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, относимся иначе къ одному человѣку, нежели къ другому. Качества эти выражаютъ, очевидно, ту или другую правовую оцѣнку людей.— Вотъ эту-то оцѣнку, человѣкъ, по мѣрѣ своего совершенствованія, дѣлается все болѣе и болѣе способнымъ открыть въ себѣ и окружающемъ; онъ убѣждается, что это единственно-цѣнимое находиться можетъ не только въ средѣ родственныхъ ему людей, но, равнымъ образомъ, и во всемъ человѣчествѣ.—*Онъ, вслѣдствіе этого, начинаетъ опасаться, чтобы это единственно-цѣнимое не было поругано въ немъ или въ другомъ человѣкѣ.*—Отношенія его, нетолько къ окружающей средѣ, но даже къ самому себѣ, слѣдовательно, измѣняются.—И здѣсь, и тамъ онъ начинаетъ видѣть ту святость, которая ему единственно дорога, и ради защиты которой, а, слѣдовательно, ради защиты человѣческаго права вообще, онъ готовъ жертвовать своими силами, борясь съ велѣніями организма, природы и общественнымъ насиліемъ, именно, за эту святость. Человѣческая оцѣнка — эквивалентъ могущества и правдивости данной личности — это субъектъ жизненной истины. И вотъ почему, открывая этотъ субъектъ въ другихъ,

по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, дѣлаемся все болѣе и болѣе человѣчными.

Но не станемъ болѣе распространяться объ этомъ основномъ вопросѣ антропозофической науки. Сказаннаго, уже, достаточно, чтобы уразумѣть, что измѣненіе международныхъ отношеній вовсе не зависитъ отъ развитія альтрюическихъ и стушевыванія эгоистическихъ чувствъ, потому что чувство человѣческое только одно, а всецѣло является слѣдствіемъ все большей и большей возможности открывать въ окружающемъ единственно человѣкомъ цѣнимое.

И такъ, на самой низкой ступени развитія, все окружающее незнакомо ни уму, ни чувству человѣка, вслѣдствіе чего, народы относятся къ себѣ враждебно. Далѣе, является, не только естественное, но и нравственное наше знакомство съ окружающимъ, т. е. мы начинаемъ, все болѣе и болѣе относиться къ нему съ любовью, не только по естественной склонности, но равнымъ образомъ и по долгу.—Мы открываемъ въ себѣ и въ людяхъ не только тѣ качества, которыя намъ пріятно отстаивать, но и другія—нравственныя качества, которыя зависятъ отъ самой же личности, которыя, вслѣдствіе этого, защищаемъ въ себѣ и въ людяхъ, не только потому, что это намъ нравится, но и по долгу. Здѣсь начинаетъ сознаваться что-то хорошее, которое субъективно, отъ себя зависитъ, которое самостоятельно опирается на стремленіи

къ жизненной истинѣ, не можетъ зависѣть отъ нашего каприза, а должно быть оберегаемо по долгу.

Такимъ образомъ, убѣждаясь, что не только члены семьи, рода, племени, и т. д., но и вообще все человѣчество, оберегаетъ святыни субъективно истиннаго, что все оно разрѣшаетъ однѣ и тѣже задачи совершенствованія, въ однихъ и тѣхъ же цѣляхъ, путяхъ и мотивахъ видитъ благо, наконецъ, уразумѣвъ, что подъ различіемъ расъ, языковъ, вѣроисповѣданій, обычаевъ, законовъ, учрежденій скрывается общее всему человѣчеству стремленіе, борьба и ненависть уступаетъ мѣсто солидарности и дружбѣ, а отношенія естественныя — по влеченію, уступаютъ мѣсто отношеніямъ правовымъ — по долгу.

Критерій этихъ отношеній (т. е. дѣйствительная человѣческая оцѣнка) бралъ все большій верхъ надъ тѣми безчисленными критеріями, какіе человѣчество находило въ тѣхъ или другихъ, религіозныхъ, естественныхъ и общественныхъ особенностяхъ. А по мѣрѣ этой побѣды, — единство критерія вызывало солидарность, а искуственное — *обезпеченное патріархальное отношеніе между народами брало верхъ надъ отношеніями фантастическими, отрицательными.*

Но если это вѣрно, если дѣйствительно совершенствованіе международныхъ отношеній выражается побѣдою дѣйствительнаго ихъ критерія и въ естествен-

ныхъ, и въ нравственныхъ стремленіяхъ народовъ, если, слѣдовательно, человѣческая стоимость выступаетъ въ роли всесильнѣйшаго реагента, замѣняя собою различія случайнаго и несущественнаго характера естественныя, политическія и религіозныя, то такъ какъ оцѣнка человѣческой, а тѣмъ самимъ и международной правовой стоимости доступна только взаимодѣйствію внутреннихъ, общихъ и внѣшнихъ мѣстныхъ способностей, и такъ какъ элементъ народной воли представляетъ собою манифестацію внѣшнихъ, а элементъ воли престола — внутреннихъ способностей, то отсюда имѣемъ право вывести неоспоримое заключеніе, что насколько въ государственномъ строѣ застаемъ или преобладаніе котораго-нибудь изъ элементовъ власти, или же не отвѣчающее зрѣлости общества ихъ отношеніе, настолько ходъ политическихъ его отправленій не можетъ быть правильнымъ.

Тотъ-же ненадлежащій ходъ политической жизни народа истекаетъ неминуемо изъ неправильныхъ отношеній власти и свободы, и тоже потому, что для оцѣнки международнаго права нужно не только надлежащее взаимодѣйствіе внутреннихъ и внѣшнихъ способностей на государственномъ поприщѣ, но необходимо также надлежащее взаимодѣйствіе двухъ міровъ, естественнаго и нравственнаго, изъ которыхъ первый находитъ себѣ представителя въ дѣятельности

государственной, другой-же въ дѣятельности свободной даннаго общества.

Вотъ почему ни крайности аристократіи, ни крайности демократіи, ни крайности защитниковъ государства — соціализмъ, ни крайности защитниковъ свободы—аферизмъ не гарантируютъ надлежащаго хода политическихъ отношеній.

Справедливость этихъ выводовъ можемъ оправдать индуктивнымъ путемъ, разсматривая различные типы государственныхъ строеній и международную политику, которой они дѣйствительно придерживаются.

И такъ, народы, остановившіеся на фанатической защитѣ ложныхъ сочетаній элементовъ власти, не прогрессируютъ не только въ общественной, но, равнымъ образомъ, и въ политической жизни. Они боятся свѣта, чувствуютъ свою безпомощность и чудовищность. Изолированность политическая кажется для нихъ единственнымъ спасеніемъ того строя, который они считаютъ себя призванными поддерживать. Народы, предоставившіе сочетаніе элементовъ власти борьбѣ, а слѣдовательно, давшіе верховный просторъ ничѣмъ нерегулируемой свободѣ, защищаютъ политическую программу „соперничества могуществомъ“. Народы же третьей группы, т. е. давшіе перевѣсъ или опекѣ, или представительству—первые защищаютъ слабѣйшаго въ обществѣ человѣка, а затѣмъ и въ международной политикѣ преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, идею чело-

вѣчности; вторые-же защищаютъ руководящій слой, и точно такимъ-же образомъ въ политикѣ международной преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, цѣли человѣческаго прогресса.

Конечно, главная причина того, что въ международныхъ отношеніяхъ человѣчество руководствуется не степенью развитія, а затѣмъ и правами данныхъ народовъ, а тѣми или другими единичными цѣлями, состояла въ томъ, что критерій этотъ не былъ научно проведенъ, вслѣдствіе чего, никто не предполагалъ, что критерій оцѣнки соглашаетъ и междучеловѣческія, и международныя отношенія но неоспоримо, что непосредственно-ложное направленіе политики исходитъ отъ ошибочныхъ государственныхъ строеній. И вотъ почему задача о научномъ строеніи государства не только по своей сущности тождественна съ задачей о строеніи международнаго авторитета, но, кромѣ того, косвеннымъ образомъ затрогиваетъ вопросъ о надлежащемъ ходѣ международныхъ отношеній.

Принявъ за основной принципъ, руководящій отношеніями людей — внѣшній перевѣсъ, а за основное начало надлежащаго общественнаго строя — борьбу его элементовъ между собою, руководимую тѣмъ же перевѣсомъ и веденную въ границахъ физическаго насилія, западные народы стараются внести тѣ-же начала въ международныя отношенія. Многіе международные акты послѣдняго времени основаны именно на „сопер-

ничествѣ могуществомъ". Въ случаяхъ международныхъ недоразумѣній взываютъ здѣсь къ разуму, котораго вся задача на политическомъ поприщѣ состоитъ якобы въ томъ, чтобы научать людей уступать внѣшнему перевѣсу безъ боя. Конечно, внѣшній перевѣсъ имѣетъ свои права, потому что въ общемъ, сила и мужество служатъ правотѣ. Но жизнь людей проходитъ не по общей, а по дѣйствительной тропинкѣ, на которой внѣшнее могущество на столько-же право въ международныхъ, какъ и въ частныхъ отношеніяхъ. Вовсе не въ томъ дѣло, находится-ли данная личность или народъ въ сферѣ могущества другой личности или народа... Мало-ли въ сферѣ чьего могущества мы находимся! А въ томъ дѣло, что сферы *взаимодѣйствія личностей и народовъ уравновѣшиваются въ точкѣ опоры исходовъ, соотвѣтствующихъ относительной ихъ стоимости.* Вотъ критерій или лучше сказать формула междучеловѣческихъ и международныхъ отношеній. Въ исходахъ этихъ не умаляется ни вѣсъ естественнаго, ни нравственнаго могущества человѣческой личности, а сводится только къ объектамъ дѣйствительнаго человѣческаго права. Люди и народы менѣе развитые, фанатически запутавшіеся въ ошибочныя понятія, привычки, учрежденія, обычаи, вѣрованія, теоріи и т. п. всегда учились и учатся, воспитывались и воспитываются, подчинялись и подчиняются другимъ, болѣе правдивымъ и умѣлымъ людямъ и народамъ.

Человѣческая природа здѣсь не насилуется. Ей противно только подчиненіе силѣ, не освященной истиной или же правдивости, честности, незнающей своего пути; но подчиняться или руководить, какъ этого требуетъ относительная правовая оцѣнка, также присуще человѣку на самыхъ единичныхъ, какъ и на самыхъ общихъ поприщахъ междучеловѣческихъ отношеній. Считаться-же сферами могущества, какъ критеріемъ взаимныхъ правъ, также преступно въ частной. какъ и въ политической жизни. Конечно, здѣсь надъ нами власть, т. е. указы и законы, въ значеніи внѣшняго—принудительнаго критерія „должнаго“; тамъ-же принудительное отправленіе международной воли не существуетъ; но какъ не всѣ честныя отношенія частной жизни истекаютъ отъ вѣса власти, также точно международныя ошибки не могутъ считаться правомѣрными изъ-за того единственно, что не существуетъ международный авторитетъ.

Единичная человѣческая личность часто безпомощна. И нравственное мужество, и сила бываютъ часто не на ея сторонѣ. Наконецъ, условія, въ которыхъ проходитъ ея жизнь, могутъ быть самыя тяжкія и опасныя. Вслѣдствіе всего этого, ей очень часто можно извинить сознательное злоупотребленіе силою; но народы не такъ шатки, они представляютъ собирательную личность, которая не бываетъ ни ребен-

комъ, ни нравственнымъ уродомъ. Они не подвержены тѣмъ крайнимъ опасностямъ, какія такъ часто угрожаютъ достоинству, счастію и жизни единичной личности. И вотъ почему, начавшая господствовать въ наше время политика соперничества могуществомъ — безнравственнѣе самаго низкаго поступка единичной личности. Ея вліяніе на умы гораздо болѣе развращаетъ общество, нежели всѣ самыя отчаянныя матеріалистическія теоріи и самые низкіе поступки единичныхъ людей. Что значитъ безцеремонное отношеніе какого-нибудь загнаннаго обществомъ или собственнымъ малодушіемъ негодяя, въ сравненіи съ презрительнымъ отношеніемъ цѣлыхъ народовъ къ святости человѣческаго права.

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ насиліяхъ прошедшаго, или даже настоящаго времени, которые вызваны ошибочными понятіями о народной чести, достоинствѣ, или служеніемъ могуществу, блеску, славѣ и т. п. родины; нѣтъ, такого рода насилія не развращаютъ общества, потому что его члены или поклоняются тѣмъ же кумирамъ, или-же, понимая въ чемъ дѣло, умѣютъ извинить человѣческія ошибки; но говоримъ о насиліи, прибѣгающемъ къ „соперничеству могуществомъ“, какъ къ критерію права, насилію, которое, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть отнесено къ той категоріи всеобщей проституціи, которая, какъ говоритъ посло-

вица „надѣвъ безстыдную шапку, торгуетъ правами народовъ“.

Понятно, что зависимость человѣка, пріобрѣтенная внѣ его на то соглашенія, и внѣ нашего на то права, не увеличиваетъ нашего блага, и идетъ въ разрѣзъ съ управляющимъ отношеніями началомъ, и что, слѣдовательно, она и безпочвенна, и безполезна; но она извинительна, на сколько истекаетъ не изъ отрицанія человѣческаго права, а изъ ошибочнаго пониманія руководящаго отношеніями начала. Но насиліе, *апелирующее къ могуществу*, не можетъ быть извиняемо, совершенно также, какъ не извинима человѣческая низость въ общемъ ходѣ событій.

Только, слѣдовательно, хорошо-понимаемыя культурныя различія разрѣшаютъ правильно въ сторону руководительства, подчиненія или договора, международныя отношенія; но въ этомъ случаѣ права сторонъ не только не нарушаются, но напротивъ, находятъ себѣ обезпеченіе въ дѣйствительно-человѣческой солидарности.

Достаточно присмотрѣться къ отношеніямъ личностей стоящихъ на различной культурной высотѣ или къ отношеніямъ сильнѣйшаго слоя къ слабѣйшему, дѣтскаго возраста къ зрѣлому, чтобы понять, что помимо различныхъ приличій, фанатическихъ вѣрованій, самолюбій и интересовъ, въ сущности человѣческая оцѣнка управляетъ характеромъ этихъ отношеній,

и что вслѣдствіе этого, если на столько же вѣрно, что то же самое начало руководитъ отношеніями народовъ въ общемъ ихъ ходѣ, то несомнѣнно, что касающаяся этого предмета, задача науки состоитъ именно въ томъ, чтобы возвести это начало на степень руководящаго отношеніями народовъ, сознательно принимаемыми за благо. Тогда только его вѣсъ будетъ гарантированъ, не только въ общемъ, но, равнымъ образомъ, и въ дѣйствительномъ ходѣ международныхъ отношеній. Вѣсъ человѣческой доблести и знанія не страшенъ ни на одномъ изъ поприщъ. Его знамя испоконъ защищаемо было событіями, и наука только тогда въ состояніи будетъ бороться съ тяжкими въ частномъ—дѣйствительномъ ходѣ ихъ — приговорами, когда успѣетъ стать защитникомъ того-же знамени. Да, вѣсъ нравственной и естественной силы непобѣдимъ; ея знамя будетъ девизомъ международныхъ отношеній, ея побѣдамъ обѣ стороны одинаково будутъ радоваться, а пораженія — считать общими несчастіями.

Распри и связи изъ-за бездѣлицы уступятъ мѣсто великой миссіи существеннаго объединенія народовъ, а слѣдовательно и надѣленія слабѣйшихъ познаніями, достаткомъ и нравственнымъ мужествомъ, наконецъ, тѣми учрежденіями, которыя гарантируютъ возможность правильнаго и побѣдоноснаго хода общественнаго дѣла. Борьба цивилизованныхъ народовъ съ че-

ловѣческими бѣдствіями, гдѣ-бы она ни происходила, займетъ мѣсто борьбы съ правами человѣчности и прогресса. Вотъ задачи международной политики будущаго.

Конечно, задача эта извѣстна всему міру; за осуществленія ея принимались не разъ тѣ или другіе могущественные народы и вліятельные личности; но добрыя намѣренія, не поддержанныя научнымъ пониманіемъ дѣла—безсильны. Не пойдемъ-же мы къ слабѣйшимъ народамъ вѣщать имъ великіе по безразсудству принципы послѣдняго времени, какъ-то: государственныя права большинства, цѣлительность двойственной и соперничающей власти, верховенство экономическаго насилія, презрѣніе къ самозависящей сторонѣ человѣческаго права, абсолютное равенство экономическихъ, государственныхъ, общественныхъ и тому подобныхъ правъ и т. д.; а не пойдемъ потому, что эти слабѣйшіе народы побѣдятъ насъ, но не скорострѣльнымъ оружіемъ, а искреннимъ и разумнымъ хохотомъ, и не чудовищными, не безсмысленными гарантіями въ нашемъ вкусѣ, а отсутствіемъ всякихъ гарантій нравственности, могущества и общественности. Да, они сильны своею искреннею слабостію и веселостію, совершенно также, какъ мы — безсильны нашимъ зловѣщимъ могуществомъ и мрачностью.

Наконецъ, незрѣлость общественной науки вообще, а государственной въ частности, заграждаетъ возмож-

ность выработки международнаго правительства, которое на столько желательно, на сколько важно — силами и средствами всего человѣчества защищать прогрессъ естественнаго, нравственнаго и общественнаго могущества людей.

Этотъ-то международный авторитетъ, вслѣдствіе низменнаго уровня общественной науки и не возможенъ, и не желателенъ. Война умнѣе неразумныхъ приговоровъ фальшивыхъ соціозофическихъ теорій, Не сила, а сила и доблесть, въ общемъ ходѣ, одерживаютъ здѣсь перевѣсъ; а этого только и нужно. Война— это, въ сущности, революціонное движеніе, направленное противъ тѣхъ или другихъ, status quo международныхъ отношеній. Движеніе это, не находя себѣ помѣхи въ международномъ правительствѣ, въ общемъ ходѣ, проводитъ все-таки надлежащую группировку международныхъ отношеній. Ея приговоры тяжелы въ пространствѣ и времени, но справедливы въ общемъ.

Допустивъ же верховенство международнаго авторитета, опирающагося на ложныя основы, — мы насилуемъ приговоры событій въ послѣднемъ свободномъ отъ нашего вмѣшательства ихъ кругѣ, а неоспоримо, что провозглашеніе войны международнымъ бунтомъ, а слѣдовательно и неоправдываемой уровнемъ общественныхъ знаній захватъ авторитета событій, отразился бы плачевнѣе на судьбѣ человѣчества, не-

жели это могли-бы сдѣлать самые жестокіе и упорные приговоры насильственной международной борьбы.

Самоуправство личности преслѣдуется государствомъ, но это не угрожаетъ будущности человѣчества даже и въ томъ случаѣ, если государство задается защитою ложныхъ принциповъ правительственныхъ, государственныхъ и политическихъ отношеній, а не угрожаетъ потому, что оставленъ свободно послѣдній, т. е. международный циклъ человѣческихъ отношеній. Въ этомъ циклѣ человѣческая личность, не руководимая авторитетомъ, дѣйствуетъ всѣми зависящими отъ нея мѣрами и по собственному разумѣнію. Здѣсь, слѣдовательно, она поражаетъ тѣ самые идеалы авторитета, съ которыми безвластна въ сферѣ государства. Ничье самоправное вмѣшательство не направляетъ ея побѣдъ и не нейтрализируетъ на этой аренѣ. Но разъ допустимъ вѣсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основную ошибочность международнаго правительства—пересѣкается протестъ личности въ послѣднемъ, т. е. въ международномъ кругѣ ея дѣла. Отсюда всеобщая безнадежность однихъ, и презрительное глумленіе другихъ народовъ. Съ ложно-направленнымъ международнымъ правительствомъ кто-же станетъ бороться? Кто-же станетъ, повторяемъ, вѣсу ложныхъ теорій противоставлять вѣсъ событій?

Разгромъ обхватывавшихъ почти все человѣчество древнихъ государствъ, учитъ насъ, что только нрав-

ственное разложеніе спасаетъ человѣчество отъ скороспѣлыхъ претензій международнаго авторитета. *Да, событія уступятъ верховенство наукѣ въ этомъ послѣднемъ своемъ кругѣ, но только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что мысль человѣческая станетъ защитникомъ того самаго знамени, которое и они носятъ.*

Такимъ-то образомъ, законы и указы, исходящіе отъ международнаго государства, желательны въ томъ будущемъ, когда дѣйствительныя начала общественной науки станутъ достояніемъ хотя-бы только ученаго міра; но теперь не желательны и не возможны.

Теперь желательно научное рѣшеніе антропозофической задачи, желателенъ собирательный трудъ ученаго міра, на этомъ поприщѣ, желательна, наконецъ, такъ называемая нравственная постановка международной воли, но немыслима еще постановка ея авторитетная.

Послѣдній кругъ своей, т. е. дикой свободы, послѣднее убѣжище авторитета событій, борющагося съ ошибками человѣческой мысли, человѣчество можетъ довѣрить голосу дѣйствительно научныхъ рѣшеній, а не велѣніямъ данныхъ мнѣній, симпатій и интересовъ.

И такъ, возвращаясь къ вопросу о вліяніи даннаго характера государственныхъ строевъ на ходъ политическихъ отношеній народовъ, утверждаемъ, что коль скоро законодательное и исполнительное госу-

дарственное отправленіе исходитъ отъ ложныхъ сочетаній государственныхъ элементовъ или отъ верховенства котораго-нибудь изъ нихъ, то непремѣннымъ послѣдствіемъ этого является ложное направленіе политической жизни народа, и что, слѣдовательно, даже посредствомъ посылки на характеръ международныхъ отношеній легко доказать неотложность совмѣстнаго и взаимодѣйственнаго отправленія государственной власти обоими ея элементами.

Теперь прослѣдимъ вѣрность того-же положенія по отношенію къ мѣстной — гражданской дѣятельности правительства.

Начнемъ съ предупредительнаго — полицейскаго отправленія власти.

На почвѣ нашей, основанной на научныхъ началахъ классификаціи характера, поприщъ и круговъ правительственной дѣятельности, ясно, что и постановленіе и проведеніе указовъ и законовъ относятся одинаково ко всѣмъ тремъ поприщамъ отправленій власти: хозяйственному, полицейскому и судебному. Если власть постановляетъ и проводитъ распоряженія и правила касающіяся: порядка, школы, печати, благотворительности, ассоціаціи и т. п. предупредительнаго характера, то это будетъ дѣятельность полицейская; если текущаго, то это будетъ дѣятельность административно-хозяйственная; если возстановляю-

щаго, то дѣятельность будетъ судебная. Но объ этомъ мы уже сказали нѣсколько словъ выше.

И такъ, разсмотримъ: возможенъ-ли надлежащій ходъ предупредительнаго отправленія власти въ виду окончательнаго перевѣса котораго-нибудь ея элементовъ.

Предупредительное отправленіе власти можно считать самымъ труднымъ и щекотливымъ. Другое дѣло руководить текущими фактами правоваго, естественнаго и нравственнаго порядка, или возстановлять нарушенное гражданское, экономическое и нравственное достоинство, а другое — предупреждать возможность правонарушенія.

Между тѣмъ, всѣ три порядка отправленій власти не только въ краевомъ государственномъ кругѣ, но равнымъ образомъ, въ мѣстныхъ, повидимому только исполнительнаго характера отправленіяхъ, всегда имѣютъ присущую себѣ долю не только проводящаго-исполнительнаго, но равнымъ образомъ и законодательно-постановляющаго характера. Невозможно придумать такого жизненнаго отправленія власти, которое могло-бы строго относиться къ рамкамъ тѣхъ или другихъ распоряженій и правилъ—указовъ, законовъ. Вслѣдствіе этого, не только полицейская, но равнымъ образомъ, административная и судебная единицы потеряли-бы значеніе органа власти, если-бы вынуждены были отправлять свою дѣятельность въ сферѣ однихъ

только предначертаній свыше. Это былъ-бы автоматъ совершенно бездѣйственный, потому что, какъ выше нами сказано, жизненныхъ фактовъ строго-относящихся къ даннымъ указаніямъ государственнаго круга власти, можетъ на практикѣ вовсе не случиться. И такъ, законы и указы, на практикѣ, должны быть восполняемы разумѣніемъ полицейской, административной и судебной единицы. Актъ этого восполненія и есть законодательный — постановляющій.

Такимъ-то образомъ, каждая мѣстная правительственная единица, будь это даже полицейское управленіе волости, распоряжается долею законодательства. Она проводитъ въ жизнь не только обще-государственную, но и свою личную власть. Это, слѣдовательно, не только автоматъ — органъ власти, но и она сама.

Пока все это, во всей полнотѣ, не представляется умственному нашему взору, пока, однимъ словомъ, мѣстную правительственную власть считаемъ только органомъ власти, пока не видимъ, что одни и тѣ-же распоряженія и правила, въ однихъ и тѣхъ-же жизненныхъ случаяхъ, находятъ себѣ совершенно-различное примѣненіе вслѣдствіе разницы въ толкованіи, и въ самихъ же этихъ фактахъ, и касающейся ихъ воли государства; до тѣхъ поръ можемъ беззаботно относиться къ составу, напр., полицейской единицы, а всего блага и зла ждемъ свыше; но какъ скоро на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое, какъ скоро это — вовсе не

автоматъ, а живая власть, не только руководимая государственною волею, но и восполняющая самостоятельно эту волю, то вопросъ объ элементахъ мѣстной единицы принимаетъ такое-же важное значеніе, какое постоянно приписывалось только государственной единицѣ.

Вотъ гдѣ самое сильное доказательство того положенія, что и полицейская, и административная, и судебная единица должна быть составная. Государство можетъ довѣрить исполненіе своей воли какой угодно правоспособной личности и контролировать затѣмъ эту личность; но довѣрить власть законодательную, полагаясь на контроль свыше—невозможно. Вотъ почему ищемъ обезпеченія закономѣрнаго отправленія мѣстныхъ единицъ нетолько въ ихъ извѣстной зависимости отъ однородныхъ единицъ высшаго порядка, но равнымъ образомъ, и въ такомъ ихъ составѣ, который-бы представлялъ самъ собою гарантію правомѣрной дѣятельности. Гарантія-же эта, какъ уже нами доказано, находится въ совмѣстности и надлежащемъ сочетаніи бюрократическаго и представительнаго элементовъ. Элементъ общегосударственный и мѣстный найдутся здѣсь въ положеніи восполняющемъ взаимныя силы и способности, и ограничивающемъ взаимныя слабости.

Если-же разсматривать вопросъ о составѣ правительственной единицы, по аналогіи съ государственною,

то неотложность совмѣстности обоихъ элементовъ власти представляется намъ еще рельефнѣе.

И такъ, извѣстно, что государственная власть, очень часто, юридически состоитъ только изъ одного элемента, и неоспоримо, что, въ извѣстныхъ границахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, государственныя отправленія, какъ изолированной опеки, такъ изолированнаго представительства, могутъ быть довольно успѣшны. Но, если сравнимъ тѣ шансы, которыми въ такомъ случаѣ пользуется тронъ или сеймъ, съ тѣми шансами, какими пользуется какая-нибудь административная или полицейская единица, то окажется, что хотя и легко предположить честное и умѣлое отношеніе къ задачамъ и судьбѣ общества, въ пользующемся огромными нравственными, естественными и общественными шансами сеймѣ или тронѣ, за то невозможно предположить такого же отношенія со стороны пользующагося можно сказать отрицательными шансами исправника, становаго, урядника и т. п.

Вотъ почему, если односторонность состава государственной единицы ранѣе или позже отзывается тяжкими внутренними и политическими осложненіями, то одностороній составъ правительственной единицы ведетъ за собою вредныя послѣдствія всечастно. Возможно-ли допустить умѣлое и честное отправленіе административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ дѣятелей, изъятыхъ или отъ вліянія и контроля государ-

ства, или же отъ вліянія и контроля общества. Возможно-ли, чтобы довѣренная имъ власть, въ виду шаткости и необезпеченности положенія, могла имъ внушить однѣ только благія намѣренія и дѣльные пріемы. Возможно-ли, однимъ словомъ, чтобы изолированный общій, или же изолированный частный элементъ власти могъ успѣшно вести цѣлостное ея дѣло, которое, очевидно, не въ томъ состоитъ, чтобы обрекать общее частному или обратно, а въ томъ, единственно, чтобы примирить—согласить интересъ даннаго круга съ обезпечивающими эти интересы требованіями общаго.

И такъ, имѣемъ научныя доказательства, которыя самымъ наглядным образомъ убѣждаютъ, что роль чиновника невыполнима, безъ воздѣйствія на него представителя, и что дѣло вовсе не въ томъ: отъ кого назначены мѣстные правительственные дѣятели—отъ короны-ли, отъ сейма-ли: — они должны быть назначаемы отъ государства, т. е. и отъ короны, и отъ сейма или точнѣе отъ государственной единицы — а дѣло, говоримъ, въ томъ, что полицейская административная и судебная единица должна состоять изъ чиновниковъ, назначаемыхъ государствомъ, и представителей, избираемыхъ, относительнаго района, гражданами.

О строеніи государственной и мѣстной единицы будемъ говорить послѣ.

Здѣсь позволимъ себѣ прибавить, что попытка

г. Баранова основать составную полицейскую единицу выше всякой похвалы. Но оставалось, конечно, разрѣшить задачу о внѣшней сторонѣ сочетанія воли бюрократіи съ волею представителей; а это — одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, внѣ научнаго разрѣшенія которыхъ самыя благія попытки неосуществимы.

Мы уже сказали, что полицейская дѣятельность— одна изъ самыхъ трудныхъ. Теперь знаемъ, что если правительственная дѣятельность, вообще, не выполнима безъ равноправнаго участія чиновниковъ и представителей, то, тѣмъ болѣе, немыслимо здоровое и благотворное теченіе предоставленной которому-нибудь изъ элементовъ полицейской дѣятельности.

Факты текущей дѣятельности администраціи и суда доступны наблюденію и провѣркѣ общества; здѣсь нѣтъ тѣхъ упругихъ и гадательныхъ ходовъ, къ какимъ, въ виду разныхъ опасностей, вынуждена прибѣгать полиція. Явность въ извѣстной степени можетъ служить гарантіею правильности администраціи и суда; въ виду-же дѣятельности полицейской, явность имѣетъ довольно узкія границы, вслѣдствіе чего, расчитывать на нее, какъ на серьезное обезпеченіе, не возможно.

Наконецъ, *явность* правительственныхъ отправленій *разрѣшаетъ* только *вопросъ о контролѣ* этой дѣятельности, *съ помощью мѣстныхъ общественныхъ элементовъ;* совершенно такимъ-же образомъ, какъ *под-*

вѣдомственность низшихъ судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ единицъ высшимъ *разрѣшаетъ*, въ свою очередь, *вопросъ о контролѣ со стороны государственнаго надзора.* А изъ этого очевидно, что вопроса о контролѣ, т. е. о внѣшнихъ гарантіяхъ правильности отправленій, данной правительственной дѣятельности, не можемъ смѣшивать съ вопросомъ о составѣ, напр., полицейской единицы. Контроль, исходящій отъ государства и общества, можетъ быть самый широкій и, несмотря на это, если въ полицейской единицѣ находимъ только элементъ мѣстный, то дѣятельность ея разобщена съ интересами всей страны, и, точно также, если находимъ въ ней одинъ только элементъ чиновничій, то страдаютъ отъ этого интересы мѣстные, хотя-бы явность, гласность и т. п. соблюдаемы были въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Смѣшеніе понятій объ общемъ и мѣстномъ *контролѣ*, съ понятіями объ *участіи* мѣстныхъ и общихъ —представительныхъ и бюрократическихъ — элементовъ въ правительственномъ дѣлѣ, составляетъ, неоспоримо одно изъ крупнѣйшихъ недоразумѣній, въ виду котораго, вопросъ о государственномъ, политическомъ и правительственномъ значеніи центробѣжнаго элемента государственности, ошибочно сводится къ вопросу о контролѣ опеки, съ помощію общества.

Оба элемента принудительнаго теченія собирательной воли должны имѣть непосредственное участіе,

а слѣдовательно, входитъ въ составъ каждаго органа власти, и, своимъ чередомъ, каждый органъ власти долженъ находиться подъ контролемъ государства и общества.

И такъ, контроль, *надзоръ общаго и мѣстнаго элемента надъ ходомъ власти одно дѣло, а участіе элемента общаго и мѣстнаго въ самой же власти, а слѣдовательно, въ ея составѣ — совершенно другое.*

Государственный, напр., контроль казенно-имущественнаго хозяйства возможенъ только въ виду существованія контрольныхъ учрежденій съ одной стороны, и подвѣдомственности низшихъ административныхъ единицъ, завѣдующихъ казеннымъ достояніемъ, единицамъ высшимъ — съ другой.

Но центрально-государственный надзоръ, это еще половина дѣйствительнаго контроля. Другую-же его половину находимъ въ явности и гласности хозяйственнаго дѣла съ одной стороны, и въ правѣ общества вникать и обсуждать, и устно, и печатно, дѣятельность администраціи — съ другой.

Вотъ два элемента контроля: общій и мѣстный. Контроль изолированно-бюрократическій, т. е. исходящій не отъ совмѣстной дѣятельности бюрократіи и представительства, а только отъ одной высшей бюрократіи, будетъ на столько-же недѣйствителенъ, какъ недѣйствителенъ мѣстный контроль, предоставленный, напр., аристократіи. Но, контролировать формальную,

документальную сторону дѣла, наблюдать за внѣшнею послѣдовательностью функцій — это еще не значитъ оберегать существенную правильность хозяйственнаго дѣла и быть самою же властью. И такъ, положимъ что контроль мѣстнаго элемента *и фактическій, и нравственный* существуетъ, положимъ, что контрольная единица составнаго характера и общественное мнѣніе имѣетъ право обсуждать дѣятельность администраціи.—Истекаетъ-ли отсюда, что при такой организаціи контроля, составъ административной единицы долженъ быть или чиновничій, или представительный? Выводъ, такого рода, былъ-бы, очевидно, ошибоченъ.

Контроль долженъ состоять изъ двухъ элементовъ, заявляющихъ себя юридическимъ и нравственнымъ путемъ, своимъ порядкомъ; администрація же, судъ и полиція должны состоять изъ тѣхъ же элементовъ, заявляющихъ себя и юридическимъ, и нравственнымъ путемъ, въ свою очередь.

Устранивъ смѣшеніе контроля съ центробѣжнымъ элементомъ государственной воли, мы попробуемъ, еще, индуктивнымъ путемъ, доказать, что не только центральная, но, что равнымъ образомъ, и мѣстныя государственныя единицы должны состоять изъ бюрократіи и представительства.

Для этой цѣли, мы коснемся тѣхъ промаховъ, въ какіе впадаетъ исходящее отъ котораго-нибудь изъ элементовъ власти полицейское отправленіе. — Это и

послужитъ намъ практическимъ доказательствомъ неотложной необходимости составныхъ, какъ полицейскихъ, такъ административныхъ и судебныхъ единицъ.

Всматриваясь въ характеристическія черты изолированной бюрократической полиціи, легко открываемъ въ ней, какъ-бы разсадникъ тѣхъ грубыхъ нравовъ и міровоззрѣній, какія свойственны, перешедшему въ отрицательное направленіе, демократизму. Мы не станемъ наводить краски на этотъ фонъ: каждый хорошо знаетъ, по наблюденію или по опыту, какую картину мы бы могли ему представить; здѣсь-же дѣло не въ картинахъ, а въ томъ, что въ сущности, полицейское отправленіе, исходящее отъ элемента опеки, составляетъ обособленную корпорацію, которая, по мѣткому выраженію одного публициста „самой себя поймать не можетъ".

Корпорація эта отрѣзана отъ общества, а надзоръ, исходящій отъ той же бюрократіи, не можетъ составлять контроля, въ дѣйствительномъ значеніи этой функціи. Не встрѣчаясь, по этому, въ составѣ полицейской единицы, съ другимъ, доказывающимъ элементомъ власти, полицейскій чиновникъ привыкаетъ къ совершенному абсолютизму, то есть, полагаясь на внѣшнюю порядковость своей дѣятельности, также мало стѣсняется руководящимъ началомъ государственной дѣятельности, какъ и существующими, для обезпеченія частныхъ случаевъ, законами. Вслѣдствіе всего

этого, ранѣе или позже, этотъ чиновникъ превращается въ отрицательный типъ, проводящій не законъ и законность, а тѣ или другія выгоды, истекающія изъ автократически обставленнаго своего положенія.

Конечно, мы сами готовы горячо защищать то положеніе, что всякая правительственная единица должна имѣть долю государственной самостоятельности, т. е., что ея дѣятельность должна отбываться, не только въ рамкахъ указовъ и законовъ, но равнымъ образомъ, и подъ руководствомъ личнаго убѣжденія съ одной стороны, а общественнаго мнѣнія — съ другой. Но дѣло въ томъ, что законы и указы именно существуютъ для огражденія правоваго порядка отъ шаткости и ошибочности личныхъ мнѣній, и что, слѣдовательно, условія, въ которыхъ должностное лицо въ состояніи, защищаясь формальностями, игнорировать и общіе принципы государственной жизни, и законы, составляющіе правила для рѣшенія частныхъ случаевъ, — ошибочны.

Безъ сомнѣнія, дѣятельность чиновника, которому возможно полагаться, въ данномъ сдучаѣ и въ извѣстной степени, на личное усмотрѣніе—демократично-жива. Мертвенныя правила и указанія власти встрѣчаются здѣсь съ живымъ разумѣніемъ личности; но какъ *демократизмъ хорошъ только въ границахъ правоспособности данной личности, переступая которыя, онъ дѣлается нигилизмомъ, также точно усмотрѣніе чинов-*

ника, переходя тѣ же самыя границы дѣлается произволомъ. Чиновникъ, этого порядка, надѣясь на данныя формы отчетности и исполнительности, освобождающія его отъ отвѣтственности, станетъ въ непріязненное отношеніе и къ обществу, и къ закону. Отсюда то грубое отношеніе ко всѣмъ пользующимся властью, гражданамъ, та глухая ненависть ко всему возвышенному, честному и прекрасному, ко всему однимъ словомъ, что, и помимо власти, обезпечивать должно любовь, уваженіе и почетъ къ человѣческой личности. Цѣлое это прискорбное направленіе характеровъ бюрократическихъ дѣятелей, это, ихъ умышленное отправленіе власти въ ущербъ внѣшней сторонѣ достоинства гражданъ, это пренебреженіе законовъ и видовъ государственныхъ по личнымъ соображеніямъ и желаніямъ, истекаетъ, не отъ злой воли данныхъ личностей, а отъ фальшивой правительственной почвы, на которую онѣ поставлены, т. е., отъ односторонняго состава той или другой правительственной единицы.

Въ частныхъ случаяхъ, личность можетъ бороться съ фальшивыми условіями, но, въ общемъ, они всегда берутъ верхъ.

Односторонній бюрократическій складъ правительственныхъ органовъ, не вдругъ проявляетъ тѣ печальныя послѣдствія, о которыхъ говоримъ, но только потому, и до тѣхъ поръ, пока другому мѣстному элементу власти, не отказано въ путяхъ нрав-

ственнаго воздѣйствія. Но какъ скоро общество начинаетъ трудиться *надъ проведеніемъ юридической почвы этого воздѣйствія*, какъ скоро, вслѣдствіе этого, наступаетъ нравственный разрывъ, то бюрократія, начиная явную борьбу съ обществомъ, переступаетъ и границу, раздѣляющую демократизмъ отъ нигилизма, а собственное усмотрѣніе отъ грубаго произвола. На этой почвѣ находимъ разсадникъ тѣхъ падшихъ характеровъ, для которыхъ нѣтъ почетнаго мѣста ни въ одномъ общественномъ слоѣ, тѣхъ, говоримъ, нигилистическаго типа людей, для которыхъ, кромѣ животнаго порядка наслажденій, нѣтъ другихъ цѣлей жизни.

Если-же имѣемъ передъ собою полицейскую, административную или судебную единицу, не бюрократическаго, а представительнаго порядка, то встрѣчаемся съ промахами и пороками противоположнаго характера. Полиція и т. д. выборная будетъ рабомъ общественнаго мнѣнія и законовъ. Голосъ собственнаго разумѣнія и общегосударственныхъ принциповъ не найдетъ здѣсь надлежащаго простора. Напротивъ, легко встрѣтимся съ увлеченіями, ненавистями, завистями, симпатіями, руководящими въ данный моментъ общественнымъ мнѣніемъ. Противовѣсъ личнаго разумѣнія и основныхъ началъ государственной жизни не найдетъ здѣсь никакого простора.

Мѣсто внѣшняго самоуправства, займутъ наглыя претензіи на нравственное вліяніе. Мѣсто потворство-

ванія грубому насилію займетъ здѣсь потворствованіе насилію, опирающемуся на тѣ или другія приличія. — Правительственная единица, этого порядка, мало заботится о руководящемъ началѣ государственной жизни, о тѣхъ видахъ правительства, которые составляютъ единственную святыню бюрократіи; для нея важенъ только законъ и общественное мнѣніе; наконецъ, для ней безразлична внутренняя сторона человѣческаго достоинства и права, хотя она и увлекается элементами внѣшняго человѣческаго достоинства. Вообще же интересы высшихъ круговъ государственной жизни будутъ здѣсь посвящаемы интересу круговъ болѣе мѣстнаго характера. Организмъ государственный, въ его общемъ, пострадаетъ. Вотъ недостатки, свойственные правительственной единицѣ, исходящей отъ представительства. Что-же касается пороковъ, свойственныхъ дѣятелямъ этого порядка, то это, конечно, не будетъ корыстолюбіе, хищеніе и ненависть къ достоинству человѣческой личности, но другая, не демократическая, а аристократическая крайность, т. е. конвенціонализмъ, не уступающій передъ тревогами и страданіями слабѣйшаго человѣка, самолюбіе, тщеславіе, жертвующее легко совѣстью, изъ-за погони за популярностью, раболѣпіе, не передъ велѣніями, а передъ законами, не передъ внутреннимъ голосомъ, а передъ приличіями.

Наконецъ, неоспоримо то, что, какъ скоро верховенство сейма и вообще изолированнаго представительнаго

порядка, начинаетъ быть оспариваемо защитниками центростремительнаго государственнаго элемента, то выборные дѣятели переходятъ въ отрицательную сторону аристократизма, то есть, начинаютъ съ такимъ же остервенѣніемъ набрасываться наслабѣйшаго въ обществѣ человѣка, на внутреннія основы права, науки, искусства, самостоятельности, съ какимъ нигилистическій типъ глумится, надъ людьми, выдающимися по личнымъ достоинствамъ, способностямъ и трудамъ, надъ внѣшними опорами права, науки, искусства, самостоятельности и т. д.

Разсматривая, слѣдовательно, промахи и пороки обоихъ типовъ правительственныхъ дѣятелей, убѣждаемся, на практической почвѣ, что условія, въ которыхъ проявляется изолированная бюрократическая и сеймовая дѣятельность,—болѣзненны. Онѣ уродуютъ правительственныхъ дѣятелей и дѣлаются разсадникомъ тѣхъ міазмовъ, которые называютъ нигилизмомъ и аферизмомъ, и которые мы замѣчаемъ только въ слоѣ трудоваго крестьянскаго люда, люда недоступнаго вліяніямъ, ни бюрократическихъ, ни сеймовыхъ правительственныхъ борцовъ.

И такъ, убѣждаемся окончательно, что если составъ какъ центральной, такъ и мѣстной правительственной единицы долженъ быть таковъ, чтобы въ ея дѣятельности могли самостоятельно проявиться и внѣшнія основы человѣческаго права, т. е. законы и обществен-

ное мнѣніе, и внутреннія его основы, т. е. руководящее государственною жизнью начало и личное разумѣніе, то, неминуемо, она должна состоять изъ обоихъ элементовъ государственной дѣятельности.

Наконецъ, настолько-же неоспоримо, что нормы естественнаго и искусственнаго сочетанія этихъ элементовъ должны отвѣчать уровню зрѣлости общества.

Все сказанное, по отношенію полицейской единицы, въ существенныхъ своихъ чертахъ, приложимо, къ единицѣ административной и судебной.

Двойственность состава и двойственность контроля, вотъ тѣ основныя начала, на которыхъ должно опираться строеніе правительственной единицы.

Мы сдѣлали главный натискъ на неотложность взаимодѣйствія бюрократіи и представительства на полицейскомъ поприщѣ, потому что она здѣсь оспаривается, между тѣмъ, правительственное зло, которое истекаетъ отъ верховенства котораго-нибудь изъ элементовъ, не должно находить себѣ притона ни на одномъ поприщѣ государственнаго дѣла, иначе, міазмы этого зла, всегда могутъ обхватить весь организмъ общественной жизни: она для этого не нуждается въ многочисленныхъ источникахъ!

Административную дѣятельность раздѣляютъ обыкновенно на дѣятельность, касающуюся правоваго порядка и на другую, чисто-хозяйственную. Раздѣленіе это не имѣетъ никакихъ научныхъ основаній.

Оно введено, единственно для того, чтобы первое изъ этихъ отправленій оставить за правительствомъ, второе же за обществомъ. Думали, такимъ путемъ, отдѣлить государство отъ свободы. На дѣлѣ же вышло совершенно другое — а именно, отдѣлили элементъ опеки отъ элемента представительства — что безсмысленно.

Дѣлалось это въ тѣхъ видахъ, чтобы ослабить вліяніе правительственной власти, такъ какъ хозяйственная дѣятельность усиливаетъ вѣсъ государства, а получился результатъ вовсе неожиданный. Государство, основываясь на этомъ дѣленіи, сваливаетъ съ себя отвѣтственность по хозяйственнымъ дѣламъ на мѣстную дѣятельность, которая, *никоимъ образомъ, не можетъ удовлетворять нуждамъ частей „даннаго цѣлаго“*, принимаетъ-же на себя всецѣло охрану правоваго порядка, который, въ свою очередь, не можетъ быть успѣшно защищаемъ, безъ содѣйствія мѣстныхъ силъ. Вотъ тѣ противорѣчія, которыя истекаютъ изъ ошибочнаго дележа. Общество пробавляется безсильною игрою въ земство; правительство же — такою же игрою въ юридическую власть. Нѣтъ, путаница, повторяемъ, неможетъ быть спасеніемъ ни государства, ни свободы.

Земство, это учрежденіе, имѣющее дѣло съ текущими фактами жизни, совершенно также, какъ, съ ними же, имѣетъ дѣло юридическая администрація. а отсюда ясно, что, на обоихъ этихъ поприщахъ, дѣя-

тельность бюрократіи и представительства должна быть совмѣстна.

Раздѣленіе поприщъ опеки и представительства было благотворно пока власть считали или слугою, или повелителемъ общества, но какъ скоро знаемъ, что она и не слуга, и не повелитель, а проводникъ принудительнаго порядка общественной правды; какъ скоро, признаемъ за вѣрное, что этотъ проводникъ слагается изъ двухъ элементовъ, то придуманные паліативы, какъ-то: предоставленіе законодательства сейму, а исполненія — опекѣ, или-же предоставленіе представительству хозяйственной стороны администраціи, а опекѣ стороны правовой — излишни: они теряютъ подъ собою почву временной практической необходимости.

Нѣтъ той текущей дѣятельности общества, на которой не было-бы мѣста которому-нибудь изъ элементовъ власти, а нѣтъ потому, что невозможно придумать тѣхъ поприщъ, на которыхъ можно-бы было защищать общее, не примѣняя его къ дѣйствительнымъ правамъ мѣстнаго, или-же — мѣстное, не примѣняя его къ дѣйствительнымъ правамъ общаго. Вслѣдствіе этого устранять опеку отъ дѣла школы, науки, печати, производства, торговли, кредита, благотворительности, искусства и т. п. также безсмысленно, какъ устранять представительство отъ дѣла юридическаго порядка.

Конечно, всѣ эти раздѣленія и качества, и по-

прища дѣятельности обоихъ элементовъ власти, придумывались, можетъ быть, для того, чтобы, опутавъ государство, дать большій просторъ свободѣ. Спутать же это государство было необходимо, пока соціозофическая наука не могла указать тѣхъ цѣлей, путей и мотивовъ, которые можетъ и должно защищать данное общество. Пока, слѣдовательно, голосъ науки былъ обманчивъ и не свѣдущъ, до тѣхъ поръ упругій и увѣренный ходъ государства могъ-бы привести современную цивилизацію къ порядкамъ древняго или современнаго восточнаго міра. Вотъ почему свободу слѣдовало отстоять во чтобы то ни стало. И это было сдѣлано.

Государство заставили бороться съ самимъ собою. Что создавалъ одинъ его элементъ на поприщѣ законодательства и фактической администраціи, то уничтожалъ другой на поприщѣ исполненія и администраціи юридической. Въ это-же время свобода и на аренѣ товарищескаго строенія, и на поприщѣ науки, искусства, труда, и вообще, естественнаго, нравственнаго и общественнаго творчества, испытывала свои силы, пыталась поставить дѣйствительные идеалы здоровой жизни и разрѣшить относительные вопросы въ теоріи и на практикѣ.

Но теперь, если правда, что знаемъ или можемъ знать основныя начала научнаго общественнаго строенія, если, наконецъ, объекты жизненно-истиннаго не

составляютъ для насъ болѣе теоретической тайны, то не имѣемъ надобности лишать себя того великаго двигателя нравственнаго, естественнаго и общественнаго прогресса, какой составляетъ государство. *Его границы ясны: онъ кончатся тамъ, гдѣ, при данной зрѣлости общества, свободная собирательность можетъ вести дѣло могущества, нравственности и общественности самостоятельно*, т. е. не прибѣгая къ принужденію. И такъ, заковываніе государства, какъ терапевтическое средство прогресса—излишне.

Не вытѣснять правительственную дѣятельность очертя голову, а надлежаще ее устроить тамъ, гдѣ при данной зрѣлости общества, раздѣльная и собирательная свобода еще недѣйствительны: — вотъ задача на почвѣ практическаго разрѣшенія которой не встрѣтитъ насъ ни нравственное отрицаніе, т. е. верховенство людей безчестныхъ, свойственное слишкомъ широкой свободѣ, ни нравственный, естественный и общественный фанатизмъ — свойственный слишкомъ широкому простору власти.

Попытаемся еще коснуться возстановляющей нарушенное право, т. е. судебной дѣятельности государства. Здѣсь наука торжествуетъ первую свою побѣду. Она успѣла отстоять права обоихъ элементовъ власти. Судъ присяжныхъ ничто иное, какъ судебная единица, представляющая то или другое сочетаніе бюрократіи и представительства.

Замѣтимъ, однако, что нигдѣ судъ присяжныхъ не нашелъ всеобщаго примѣненія. На судебномъ поприщѣ совершенно также, какъ на административномъ, старались провести торжество опеки на высшихъ, а торжество представительства на низшихъ кругахъ судебной дѣятельности. И такъ, дѣла одного порядка представляютъ рѣшать суду бюрократическому, другіе — представительному, и, наконецъ, третьи — составному, т. е. суду присяжныхъ. Останавливаясь на этой классификаціи судебнаго состава, нужно-бы было допустить, что дѣйствительно существуютъ такія нарушенія права, въ дѣлѣ возстановленія которыхъ, или голосъ общій, исходящій отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, или-же голосъ мѣстный, исходящій отъ общества, не имѣютъ никакого значенія. Но спрашиваемъ, возможно-ли, даже въ случаяхъ самыхъ мелкихъ правонарушеній, полагаться на приговоры выборной мѣстной личности, не состоящей въ юридическомъ объединеніи съ вліяніемъ центральнаго элемента, и, точно также, возможны-ли тѣ самыя крупныя правонарушенія, въ разбирательствѣ и разрѣшеніи которыхъ слѣдовало-бы полагаться на изолированный голосъ государства? Тамъ общія начала правосудія, здѣсь-же частныя правила, примѣненія этихъ началъ, не нашли-бы спеціальныхъ своихъ защитниковъ и представителей.

Такимъ-то образомъ, не можетъ подлежать сомнѣ-

нію, что судъ присяжныхъ долженъ царить вездѣ, на всѣхъ поприщахъ юрисдикціи, начиная отъ волости, до государства, и отъ самыхъ мелкихъ, до общечеловѣческихъ правонарушеній.

Раздоръ и соперничество различнаго типа судовъ вовсе не нужны. Желательно вмѣсто этого совсѣмъ другое, а именно: болѣе правильная научная организація суда присяжныхъ. *И судебное изслѣдованіе, и разбирательство, и рѣшеніе должны исходить отъ обоихъ элементовъ власти, т. е. и отъ бюрократіи, и отъ представителей, функціонирующихъ подъ прокурорскимъ контролемъ, тоже исходящимъ отъ обоихъ элементовъ власти.* Предоставленіе-же разбирательства бюрократіи, и рѣшеній корпусу присяжныхъ, и всѣ тому подобныя, перепутаннаго характера несообразности — ни на чѣмъ не основаны, и ведутъ къ извращенію голоса правосудія. Но объ этомъ послѣ.

И такъ, наука и практика успѣли уже доказать превосходство суда присяжныхъ надъ центральнымъ и выборнымъ судомъ. Въ первомъ царитъ произволъ личныхъ усмотрѣній и видовъ центральной государственной единицы, во второмъ — произволъ общественнаго мнѣнія и законовъ. Въ судѣ же присяжныхъ, устроенномъ на научныхъ началахъ, внутреннія и внѣшнія основы правительственнаго отправленія слагаются на защиту человѣческой личности въ дѣйствительномъ ея правѣ. Судъ присяжныхъ, повторяемъ,

успѣлъ оправдать себя на практикѣ, и вотъ почему, ссылаясь на эту практическую провѣрку, мы считаемъ основное свое положеніе: о неотложности составныхъ не только центральныхъ, но равнымъ образомъ, мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ единицъ, доказаннымъ по аналогіи на практикѣ.

Практика уже достаточно оправдала рѣшительныя и всеобщія преимущества суда присяжныхъ, и нѣтъ основанія думать, что она-же не поддержитъ на всѣхъ кругахъ и поприщахъ составнаго характера единицъ — полицейской и административной.

Конечно, возможны ошибки въ строеніи составной правительственной единицы, ошибки, которыя не могли ужиться съ ея примѣненіемъ къ фактической правительственной дѣятельности. Мы уже указали на то, что даже строеніе суда присяжныхъ, хотя и оказалось болѣе или менѣе примѣнимымъ, но что оно съ формальной стороны вовсе не научно, и что слѣдовательно, если даже считать будемъ вопросъ о *составѣ* правительственной единицы окончательно-рѣшеннымъ, то остается открытымъ не менѣе важный, другой вопросъ, касающійся тѣхъ практическихъ *искусственныхъ путей*, съ помощію которыхъ достигаемъ единенія престола съ обществомъ на всѣхъ поприщахъ и кругахъ правительственнаго дѣла.

Попытки, хотя и не совсѣмъ удачныя — этого единенія дѣлаются не только на судебномъ поприщѣ, но,

равнымъ образомъ, и въ центральномъ краевомъ кругѣ государственной дѣятельности. Но примѣнить эти послѣднія къ мѣстнымъ отправленіямъ полицейскаго и административнаго дѣла не удавалось.

Тамъ, въ центральномъ кругѣ, время терпитъ; пререканія, подкупы, обманы, недоразумѣнія не отзываются здѣсь такими яркими и наглядными, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и несносными послѣдствіями. Вслѣдствіе этого, строеніе центральной единицы конституціонное и парламентарное, помимо своихъ слабыхъ сторонъ, могло быть до времени терпимо. Въ кругахъ-же фактической—жизненной дѣятельности, правительственныя рѣшенія и дѣйствія легко могутъ быть контролируемы общественнымъ мнѣніемъ, которое обыкновенно чутко относится къ близко-лежащимъ жизненнымъ фактамъ, и которое, поэтому, не преминуло-бы рѣзко опротестовать тѣхъ самыхъ порядковъ, которые кажутся ему сносны въ строеніи центральной единицы.

Принципъ рѣшающаго права большинства не могъ допустить представительнаго элемента въ составъ административной и полицейской единицы.

Вотъ почему опыты совмѣстной дѣятельности представителей и чиновниковъ не удавались на поприщахъ мѣстной правительственной дѣятельности. Ошибочная норма единичнаго выраженія собирательной воли и ошибочныя нормы выборовъ составляютъ то больное мѣсто государственнаго строенія, не залѣчивъ

котораго, мы оставляемъ не только государственный, но и весь обще-ственный организмъ подъ вліяніемъ крайностей авторитета и свободы.

Если мы припишемъ большинству рѣшающій голосъ, то можетъ-ли быть рѣчь о разумности, честности и послѣдовательности рѣшеній? И гдѣ-же доказательство, что истинное мнѣніе находится на сторонѣ большинства? гдѣ гарантія, что въ двухъ смежныхъ, имѣющихъ между собою органическую связь вопросахъ, большинство останется за однимъ и тѣмъ-же порядкомъ мнѣній? Гдѣ, наконецъ, ручательство, что насильственное резюмированіе мнѣній (численный перевѣсъ—насиліе) не поведетъ за собою нравственнаго разложенія общества? Вотъ почему здравый смыслъ общества не стерпѣлъ-бы правъ большинства въ вопросахъ, касающихся данныхъ жизненныхъ случаевъ. Поруганіе здраваго смысла и совѣсти возможно, но не тамъ, гдѣ въ игрѣ — судьба данной человѣческой личности. Какой нравственный авторитетъ остался бы за судомъ, приговорившимъ человѣка къ смертной казни большинствомъ одного или нѣсколькихъ голосовъ? Какое общество стало-бы терпѣть подобнаго порядка приговоры въ судѣ, администраціи и полиціи? Нововведеніе такого рода для каждаго, уважающаго свое достоинство, человѣка было-бы явной безсмыслицей, нестерпимымъ глумленіемъ, направленнымъ доктриною противъ судьбы и разума гражданъ.

Западная ученость втолковала всему міру, что цивилизація — это авторитетъ большинства, верховенство или личнаго, или общественнаго произвола, безусловная равноправность; а слѣдовательно — равенство правъ и обязанностей нищаго и богатаго, неуча и ученаго, дикаря и самостоятельнаго характера. Далѣе, что цивилизація — это божественность законовъ и статутовъ, т. е. гражданскихъ и государственныхъ *правилъ*, обдумываемыхъ для данныхъ группъ жизненныхъ случаевъ; наконецъ, что цивилизація — это верховенство свободы, но не той свободы, которая тождественна съ жизненною истиною, а потому и пополняетъ взаимно другъ-друга, а — *свободы данной* и тому подобныя нелѣпости. Отвергающіе эти quasi-спасительныя выдумки заблуждавшагося человѣческаго генія, считаются невѣждами и врагами цивилизаціи; на почвѣ-же этихъ злополучныхъ выдумокъ, ни тѣ-же западные народы, ни иной кто не въ состояніи устроить общественную жизнь разумно и человѣчно.

Къ счастію, выдумки эти не только не составляютъ основныхъ рычаговъ цивилизаціи, но даже не имѣютъ съ ними никакого соотношенія. Это — лѣкарственные препараты, съ помощію которыхъ человѣчество спасалось отъ временныхъ золъ, и которыхъ тяжелыя послѣдствія, въ свою очередь, нужно залѣчивать.

Въ сущности, весь этотъ громкій препаратъ — ни

что иное, какъ отрицаніе руководящаго жизненно-истиннымъ путемъ начала — капитуляція передъ событіями. Начала, выдаваемыя за руководящія, оказались ложными; отсюда вывели заключеніе, что не нужно никакихъ, и что естественный ходъ событій составляетъ единственный правильный регуляторъ общественной жизни. — Государству и вообще собирательности дозволили укрощать только физическое насиліе, воспретивъ вмѣшиваться въ отношенія семейныя, товарищескія, экономическія и т. п. Плоды этой политики самоотреченія въ общественномъ руководительствѣ имѣемъ на лицо, и принуждены отъ нихъ отрѣшиться, подъ страхомъ политическаго, экономическаго и религіознаго переворота, который, подъ знаменемъ отрицателей свободы, обратитъ въ ничто многовѣковые добытки христіанскаго періода.

Мы уже сказали, что такая внѣшняя сторона цивилизаціи — это тѣ вещественныя и невещественныя приспособленія, съ помощію которыхъ мы обезпечиваемъ, доказываемъ и развиваемъ нашу естественную, нравственную и общественную самостоятельность; но, конечно, ошибочныя выдумки не составляютъ этихъ приспособленій, и если онѣ имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ внѣшней сторонѣ цивилизаціи, то развѣ отношеніе неудавшихся попытокъ.

И такъ, сочетаніе элементовъ государственной жизни задержано, между прочимъ, вѣрою въ тѣ про-

славленные принципы, которые — ничто иное какъ неудавшіеся пріемы внѣшней стороны цивилизаціи, съ помощію которыхъ человѣческое общество защищалось отъ верховенства, тоже ошибочныхъ, внутренныхъ основъ цивилизаціи, а затѣмъ и отъ государственнаго верховенства.

Задача-же времени состоитъ, конечно, не въ отрицаніи авторитета убѣжденій вообще, и не въ отрицаніи пригодности внѣшнихъ опоръ прогресса, а въ отысканіи дѣйствительно руководящаго жизненнымъ путемъ начала, съ одной стороны, и въ установленіи той общественной почвы, въ средѣ которой возможны будутъ побѣды — этого начала съ другой.

И такъ, не только въ средѣ центральныхъ учрежденій, но, равнымъ образомъ, и въ средѣ учрежденій мѣстныхъ, а слѣдовательно и въ судѣ, и въ администраціи, и въ полиціи — оба элемента государственной власти должны дѣйствовать совмѣстно и взаимодѣйственно.

Остается упомянуть еще объ одномъ крупномъ недоразумѣніи.

Нѣкоторыя общества, домогаясь представительныхъ учрежденій, принимаютъ ихъ за тождественныя съ контролемъ. Отсюда можно было-бы заключить, что воля народа не есть центробѣжный элементъ правительственной власти, а только — непретендующее на власть общественное отправленіе. Между тѣмъ, народ-

ная воля — представительство — какъ мы успѣли доказать многими путями, составляетъ именно элементъ власти, контроль-же — не болѣе и не менѣе, какъ одно изъ отправленій государственной воли, равносильное съ отправленіемъ законодательнымъ и исполнительнымъ. Надзоръ — контроль исходитъ, слѣдовательно, вовсе не отъ общества, а отъ власти. Надзоръ же нравственный — это та сфера, которою пользуется общество въ лицѣ явности и гласности правительственной дѣятельности. Здѣсь оно участвуетъ въ надзорѣ нравственно; въ контролѣ-же государственномъ общество участвуетъ наравнѣ съ опекой, потому что контрольныя учрежденія исходятъ отъ составнаго характера центральной единицы, да и сами онѣ — составнаго характера.

Ставить общество единственно въ роли контролирующей, значитъ отказывать ему въ долѣ власти, а опеку между тѣмъ ставить подъ его надзоръ: — безсмысленно, потому что элементъ, которому мы сами отказываемъ въ государственномъ правѣ, не можетъ контролировать другой элементъ, за которымъ мы считаемъ это право.

Контрольныя, прокурорскія и жандармскія учрежденія сопутствуютъ дѣятельности административной, судебной и полицейской и составляютъ юридическій надзоръ власти за исполненіемъ своихъ органовъ; но они вовсе нетождественны съ представитель-

нымъ — центробѣжнымъ мужескимъ элементомъ правительственной воли. Вождь и штабъ, престолъ и сеймъ. Воля престола — усмотрѣніе, указъ; воля сейма — рѣшеніе, законъ. Вотъ два элемента, которыхъ надлежащее сочетаніе составляетъ власть.

X.

ДВА ПУТИ СОЧЕТАНІЯ ВОЛИ ПРЕСТОЛА СЪ ВОЛЕЮ НАРОДА: 1) ЕСТЕСТВЕННЫЙ И 2) ОБЕЗПЕЧИВАЮЩІЙ.

Вопросъ о совмѣстимости воли престола съ волею народа и необходимости сочетанія этихъ элементовъ государства — не новъ. Событія поставили его уже тысячи лѣтъ тому назадъ, и, по существу, рѣшили утвердительно. Оспаривать эту совмѣстимость и сочетательность можно, но неблагоразумно, потому что, даже помимо историческихъ указаній и выставленныхъ нами выше научныхъ доводовъ, мы будемъ идти вразрѣзъ съ здравымъ смысломъ и обыденнымъ человѣческимъ разумѣніемъ. Наукѣ, слѣдовательно, оставалось только пріискивать основанія, которыя гарантируютъ соотвѣтственность нормъ этого сочетанія съ требованіями человѣческой природы и жизненныхъ условій. Къ несчастію, наука не успѣвала рѣшить ни вопроса о сущности человѣческой природы, ни другаго — о надлежащемъ строеніи жизненныхъ условій. Это и было причиною того

многовѣковаго спора между обоими элементами государственной воли. Въ спорѣ этомъ наука принимала сторону то одного, то другаго элемента; она дѣлала, равнымъ образомъ, попытки къ ихъ сочетанію, но попытки эти, заваленныя горами фразъ, восторженныхъ апологій и филиппикъ, или образцами головоломнаго недомыслія не могли привести къ желанной цѣли. Въ виду этихъ неудачъ научной мысли, попытки событій, какъ неосвѣщенныя познаніемъ и пониманіемъ — оставались тоже безплодными.

Напрасно, слѣдовательно, существуетъ ходячее мнѣніе, что причину вспышекъ розни между элементами государственной воли составляютъ страсти и интересы людей или власть имѣющихъ, или же другихъ — добивающихся власти. Это старый, избитый и поверхностный способъ толкованія тревогъ жизни.

Конечно, если-бы люди были святы, т. е. идеально могущественны и правдивы, то, несмотря ни на какія ошибки науки, ни на какія несообразности въ условіяхъ — ни обида слабѣйшихъ, ни поруганіе прогресса не могли-бы имѣть мѣста. Къ несчастью, однако, люди, каковы они есть — не святы, вслѣдствіе чего наука, съ одной стороны, *а авторитетъ, то есть условія*, съ другой, должны имъ указывать тѣ цѣли, къ которымъ, своего-же блага ради, они должны стремиться. Они-же, т. е. и наука, и принужденіе задаются защитою той жизненной почвы, въ сферѣ

которой жизненно-истинное достижимо. Если-же ни наука, ни практика не успѣли еще въ этихъ задачахъ, то немного помогутъ взыванія къ правотѣ и разуму, или преслѣдованіе того, что кажется намъ злымъ и неразумнымъ, потому что тѣ-же самыя невѣрныя цѣли, которыя ставимъ съ помощію науки и авторитета и тѣ невѣрныя жизненныя условія, которые защищаемъ — плодятъ зло и неразуміе.

Не споримъ — единичная личность можетъ иногда найти въ себѣ силы, нужныя для отпора навязываемыхъ фальшивыхъ понятій, чувствъ и стремленій съ одной стороны, и болѣзненныхъ условій съ другой, но въ общемъ ходѣ вліяніе науки и условій неотразимо.

Вотъ почему, въ данномъ, напр., случаѣ, моленія и кары, имѣющія въ виду вызвать единеніе престола съ обществомъ, хотя и умаляютъ нѣсколько одну сторону зла, но, одновременно, подготовляютъ почву другой его сторонѣ, а слѣдовательно, въ задачѣ о его искорененіи — несостоятельны.

Нужно указать научно цѣли государственной дѣятельности и провести ея надлежащее строеніе — а тогда, дѣйствительно, по мѣрѣ осуществленія этой задачи, причины государственныхъ бурь будутъ искореняемы основнымъ путемъ; но надѣяться на моленіе и кары, защищая историческія и теоретическія

ошибки въ цѣляхъ и строеніи государственной дѣятельности — совершенно безполезно.

А если это вѣрно, то, слѣдовательно, и обратно: низкія стремленія, корыстолюбіе, властолюбіе и т. п., въ общемъ ходѣ — безсильны. Не въ нихъ причина промаховъ государственной жизни: они вѣдь изчезаютъ, на сколько истина доступна пониманію и осуществленію; точно также, какъ безсильны моленія и кары, на столько-же эта истина ни пониманію, ни осуществленію — недоступна.

Если-бы придуманныя мыслью и выдвинутыя жизнью цѣли государственной дѣятельности и пути сочетанія воли народа и престола были надлежащи; если-бы они согласовались съ здравымъ смысломъ и не уродовали человѣческаго дѣла, то сочетаніе двухъ элементовъ власти, помимо всѣхъ самолюбій и интересовъ, осуществилось-бы. Ясно проведенная истина даннаго жизненнаго отношенія имѣетъ силу непоборимую. Она, вѣдь, не вѣщаетъ радостей однимъ, а печалей другимъ, а возможное торжество всѣмъ. Объекты этого торжества — это та высшая точка человѣческаго блага, по обѣимъ сторонамъ которой мы встрѣчаемся съ тѣмъ или другимъ униженіемъ. Невозможно, слѣдовательно, предположить, что тотъ или другой слой, классъ, положеніе и т. п., виновны въ многовѣковомъ мракѣ, оттѣсняющемъ насъ отъ практически-наилучшаго, а слѣдовательно и жизненно-истиннаго пути;

нѣтъ, виновенъ здѣсь, какъ и вообще во всѣхъ человѣческихъ печаляхъ, низкій уровень научныхъ знаній.

Сознаніе этой-то незрѣлости науки, посвященіе лучшихъ силъ общества и великихъ средствъ собирательнаго труда, именно, дѣлу ея побѣдъ, а не преслѣдованіямъ и моленіямъ, съ одной стороны, и неосновательнымъ упрекамъ и ненависти, съ другой — вотъ что составляетъ самый краткій и вѣрный путь къ лучшему будущему.

Вотъ почему вошли въ колею прогресса только тѣ народности, которыя относились толерантно къ мнѣніямъ, вѣрованіямъ и даже къ сомнительнымъ поступкамъ и къ сомнительной стоимости учрежденіямъ. Онѣ успѣли понять то, что для фанатиковъ составляетъ тайну: поняли, говоримъ, свое невѣдѣніе.

Вслѣдствіе этого, при нихъ остался трудъ, озаренный вѣрою въ возможность научнаго рѣшенія вопросовъ жизни. Онѣ не приняли фанатически тѣхъ или другихъ сочетаній элементовъ цивилизаціи, не посвятили лучшихъ своихъ силъ ни гоненіямъ и мольбамъ, ни упрекамъ и ненавистямъ, а направили эти силы противъ основной причины общественныхъ, нравственныхъ и естественныхъ тревогъ. Онѣ не вдавили жизни въ фанатически-защищаемыя рамки фиктивныхъ рѣшеній, а напротивъ, полагаясь временно на разумъ событій, трудятся надъ тою великою задачею, кото-

рая, намѣтивъ своею цѣлью формулированіе этого разума, не можетъ быть безнаказанно уродована.

Да, западныя общества допустили тѣ или другія сочетанія государства съ свободою и элементовъ государства между собою; но фанатически ихъ не отстаиваютъ. Востокъ и вообще старыя цивилизаціи погибаютъ или погибли на развалинахъ фанатически-защищаемыхъ формулъ общественнаго, государственнаго и товарищескаго строенія. Мы-же, славяне, не допустили ни фанатическихъ, ни экспериментальныхъ сочетаній и предпочли остановиться на естественной почвѣ единенія трона съ обществомъ, довѣряясь верховенству того или другаго элемента — и оставляя нравственный просторъ воздѣйствія за остальнымъ. Мы не предпочли довѣриться ни естественной сторонѣ событій, т. е. перевѣсу силы, какъ это дѣлаетъ западъ, ни нравственной ихъ сторонѣ, т. е. фанатическимъ вѣрованіямъ, какъ это дѣлаетъ Востокъ, а выжидаемъ научнаго рѣшенія, не вдаваясь ни въ фанатизмъ, ни въ отрицаніе.

И вотъ, казалось-бы, что, въ виду передовыхъ силъ цивилизаціи, которыя, въ лицѣ западныхъ народовъ, силятся рѣшить задачу сформулированія разума событій опытнымъ путемъ, въ виду восточнаго аріергарда, который рѣшаетъ ее вѣрою, мы составляемъ центръ этихъ силъ, призванный природою вещей разрѣшить эту задачу, и не спекулятивнымъ, и не

экспериментальнымъ, а научнымъ путемъ. — Но наукѣ нужна побѣда рѣшительная, обхватывающая всю будущность, а современемъ, и все человѣчество, и вотъ почему мы надѣемся, что свѣтъ, который стараемся бросить въ этомъ направленіи, не будетъ, изъ-за преклоненія передъ гипотезами и событіями, погашенъ.

И такъ, обрисуемъ нѣсколько ярче разницу естественной и искуственной стороны сочетанія воли престола съ народною волею.

Вопросъ объ единеніи народа съ государемъ занимаетъ всю мыслящую Россію. Для каждаго стало понятно, что въ этомъ единеніи — залогъ правильнаго и надлежащаго хода государственной жизни.

Но какими-же путями цѣль эта достижима? Вотъ вопросъ!

Не зная этихъ путей съ ихъ естественной и искусственной стороны, еще ничего практически-приложимаго не знаемъ, хотя самая задача поставлена вѣрно.

Было время, когда ее рѣшали взаимною любовью довѣріемъ, уваженіемъ, взаимными тревогами и трудами. Это путь внутренній, такъ сказать, естественный. Гдѣ презираютъ людей, гдѣ не стоятъ за истину въ жизни, гдѣ нѣтъ истекающаго изъ честнаго и разумнаго направленія умовъ уваженія къ естественной и добытой сторонѣ человѣческаго

достоинства, гдѣ нѣтъ готовности къ уступкамъ въ пользу прогресса, нравственности, науки и общественности, тамъ, очевидно, не только искуственной, но, равнымъ образомъ, и естественной почвы единенія быть не можетъ. При такихъ условіяхъ, а слѣдовательно, на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, борьба рѣшаетъ отношенія обоихъ элементовъ правительственной воли. По мѣрѣ же совершенствованія общества, мѣсто борьбы замѣняютъ два пути единенія престола съ народомъ: одинъ путь естественный, о которомъ мы говорили выше, и другой путь обезпечивающій — искусственный, который составитъ окончательный предметъ настоящаго нашего труда.

Но почему-же, спрашиваемъ, невозможно остановиться на одномъ внутреннемъ пути; къ чему обезпечивать внѣшними принятостями и нормами тѣ факты идеальной любви, уваженія и преданности, которые, по природѣ, не терпятъ вмѣшательства тѣхъ или другихъ условленностей? Потому, отвѣчаемъ, что идеальная любовь и уваженіе возможны только между идеально-совершенными людьми, а такихъ людей, какъ извѣстно — нѣтъ. Люди, какіе они́ есть, не могутъ забираться на тѣ выси идеала, для которыхъ слишкомъ слабы человѣческія силы. Вотъ почему ищемъ искусственной поддержки и обезпеченій того, что путь нашъ будетъ дѣйствительно правдивъ и разуменъ. Наконецъ, задачи, преслѣдуемыя обществомъ

въ жизни, усложняются, вслѣдствіе чего, въ свою очередь, государственная дѣятельность переходитъ на такую высоту, на которой нуженъ правильный и равномѣрный трудъ собирательныхъ силъ и бюрократіи, и представительства, и на которой юридическая безправность и фактическая неустроенность которагонибудь изъ этихъ элементовъ неминуемо поражаютъ, вообще, цѣлесообразную дѣятельность государства. При такихъ условіяхъ, разыгрывать, какъ говорится, идиллію — невозможно.

И такъ, необходима нетолько совмѣстная дѣятельность обоихъ элементовъ на всѣхъ поприщахъ и кругахъ государственной жизни, — что доказано нами въ прошедшихъ главахъ, но нужны два пути этого единенія: естественный и искуственный. *Нужны, слѣдовательно, не только внутреннія опоры единенія элементовъ государства, но, равнымъ образомъ, и устроеніе внѣшней почвы этихъ опоръ.*

Не было-же внѣшне-устроенной этой почвы, скажутъ намъ, а между тѣмъ государственное дѣло шло стройно и побѣдоносно, и единеніе престола съ народомъ не подвергалось опасностямъ.

Отвѣтимъ, что, напротивъ, внѣшне-устроенная эта почва всегда была. Вѣча, боярскіе соборы ни что иное, какъ нормы единенія престола съ народомъ. — Ее не было только съ того момента, когда народъ отказался отъ доли считающихся за нимъ полномочій, въ виду

угрожавшихъ внѣшнихъ опасностей. Въ виду крайнихъ тревогъ разсуждать не время, и вотъ диктатура составляетъ тогда единственный исходъ. Но мы уже поставили на видъ, что опасность со стороны польской народности угрожаетъ только въ случаѣ дальнѣйшаго подчиненія ей, и что опасности нѣтъ, какъ скоро рѣшаемся на совмѣстныя и равноправныя отношенія.

И такъ, народъ, въ критическую минуту крайнихъ опасностей, угрожавшихъ самостоятельности политической, религіозной, національной и экономической, добровольно довѣрилъ свои полномочія, какъ это вездѣ, въ подобныхъ случаяхъ, дѣлается; но крайняя опасность миновала, и миновала въ такой степени, что безъ риску утверждать можно, что польская народность не только предпочитаетъ, въ настоящее время, равноправную связь съ Россіею — политической связи съ другими народностями, но даже предпочитаетъ ее отдѣльному политическому существованію; а предпочитаетъ потому, что, въ виду группировки германской и романской расы, славяне не могутъ вести дѣло разъединенія и поддерживать программу политическаго равновѣсія, основаннаго на легальныхъ давностяхъ.

Вотъ тѣ историческіе доводы, которые указываютъ намъ, что искуственныя обезпеченія отношеній воли престола и воли народа были, что ихъ временно

упразднило само общество, въ виду внѣшней борьбы, и что миновавшая борьба польской и русской народности, неминуемо, ведетъ за собою ихъ возстановленіе.

Конечно, жизнь подвинулась впередъ, и мы постараемся, въ своемъ мѣстѣ, доказать, что ни западноконституціонные порядки, ни нормы боярскихъ соборовъ въ настоящее время не примѣнимы. Но непримѣнимость устарѣвшихъ нормъ, не доказываетъ, вовсе, что никакія юридическія обезпеченія не нужны.

Теперь поищемъ другаго порядка доводовъ.

Если утверждаютъ, что отсутствіе статутовъ, въ глубокой древности, немѣшало единенію элементовъ власти, то отвѣтимъ, что тогда, равнымъ образомъ, не было школъ, церквей, законовъ, искусственныхъ путей сообщенія и т. п. Помимо всего этого, предки наши жили честно, разумно и въ довольствѣ. Но вотъ, предки эти пожелали обезпечить и развить эту честность, разумность и довольство: они и завели церковь, школу, государство и т. п. Точно такимъ же образомъ и народъ, и престолъ могутъ споспѣшествовать въ дѣлѣ собирательнаго труда страны на поприщѣ нравственности, могущества и общественности, но какъ скоро вздумаемъ обезпечить это споспѣшествованіе, какъ скоро общество перестаетъ быть ребенкомъ, поддающимся только угрозамъ, приманкамъ и привычкамъ, а пожелаетъ принять на себя часть

ответственности по судьбѣ страны и гражданъ, то вопросъ о почвѣ надлежащаго единенія государственныхъ элементовъ является самъ собою.

Въ этомъ-то именно развитіи нормъ обезпечивающихъ правильное общеніе воли престола съ народною волею и состоитъ прогрессъ государственнаго строенія. Борьба его элементовъ уступаетъ постепенно единенію естественному, а это послѣднее находитъ себѣ все болѣе и болѣе дѣльную поддержку въ формальной почвѣ сочетанія воли престола и воли народа на всѣхъ поприщахъ и кругахъ государственной дѣятельности.

Научная разработка вопроса объ этой почвѣ составляетъ окончательное звено государственнаго вопроса. Здѣсь ключъ, съ помощью котораго отпираемъ государственное зданіе и, нераспоряжаясь которымъ, при самыхъ благихъ пожеланіяхъ, не можемъ имѣть правильной государственной дѣятельности.

Теперь еще доводъ. Чѣмъ регулируются отношенія родителей къ семьѣ? Взаимною любовью и уваженіемъ сторонъ. — Это очень хорошо. Но вѣдь и любовь, и уваженіе бываютъ слѣпы, и равнымъ образомъ, они могутъ отсутствовать. Тогда что-же? Неужели тогда отношенія родителей къ семьѣ выразятся въ борьбѣ и въ окончательномъ подчиненіи одной изъ сторонъ? Нѣтъ, существуютъ семейныя обезпеченія — признанная сторонами почва семейныхъ отношеній. Къ ней-

то и прибѣгаютъ они, какъ къ критерію, съ помощію котораго, вмѣсто двухъ волей, имѣемъ одну семейную волю, вмѣсто промаховъ, свойственныхъ родительской и дѣтской волѣ, имѣемъ единую семейную власть, опирающуюся на искусственномъ строеніи семейной единицы.

Или: на чемъ основываемъ частныя отношенія? Здѣсь тоже можно было бы отвѣтить, что, если люди честны и разумны, то отношенія ихъ и внѣ всякаго давленія будутъ надлежащи. Далѣе, сказать можно, что внѣшнія вмѣшательства нестерпимы для разумнаго и честнаго стремленія, потому что оно верховный авторитетъ. Между тѣмъ, оказывается, что имѣя дѣло не съ идеальными, а съ данными фактами, не встрѣчаемъ личнаго разума, стоящимъ наравнѣ со всѣми трудностями, какія встрѣчаются въ частныхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ, и что вслѣдствіе этого прибѣгаемъ очень часто или къ общему разумѣнію, которое находимъ въ общественномъ мнѣніи и его органахъ, или же къ разумѣнію, исходящему отъ власти. *Вотъ, слѣдовательно, передъ нами два пути обезпеченій: свободный — это вліяніе общественнаго мнѣнія;* здѣсь собирательная — огульная личность вліяетъ на исходы частныхъ отношеній необязательно, *и второй, формальный — это указъ и законъ — это велѣнія власти спорадическія и велѣнія правилъ, установленныхъ ею для данныхъ жизненныхъ случаевъ.* Не

говоримъ-же мы: прочь съ властью! довольно одного вліянія зрѣло-сформулированнаго общественнаго мнѣнія. И тоже самое невозможно упрямиться на одномъ только необязательномъ единеніи воли престола съ волею народа; а невозможно потому, что нужны еще обязательныя нормы ихъ сочетанія, къ которымъ возможно было-бы апеллировать въ данномъ случаѣ, и которыя обезпечили-бы также сочетаніе элементовъ власти, какое признано наилучшимъ и которое впредь до тѣхъ или другихъ измѣненій конституціи возможно оберегать принудительнымъ путемъ.

Конечно, на низкихъ ступеняхъ развитія обезпеченія правильнаго сочетанія элементовъ власти, находимыя обществомъ въ вѣсѣ мнѣній и статутовъ — и удручающи, и грубы; но во всякомъ случаѣ онѣ существуютъ, и въ общемъ ходѣ государственной дѣятельности — благотворны.

Личное разумѣніе грѣшитъ тамъ самыми удручающими и грубыми промахами противоположнаго характера, вслѣдствіе чего требуетъ такого-же тяжняго противовѣса. По мѣрѣ же развитія, человѣчество вовсе не борется съ свободною собирательностью посредствомъ принудительной — государственной, ни съ государственною — посредствомъ свободной; и, точно также, оно вовсе не оттѣсняетъ внутренняго единенія съ помощью внѣшняго, или внѣшняго — съ помощью

внутренняго — какъ это полагаютъ мыслители-доктриперы матеріалистическаго и идеалистическаго порядковъ, — а совершенствуетъ и тѣ, и другіе рычаги человѣческаго дѣла.

И такъ, внутреннее вліяніе на отношенія элементовъ государства исходило прежде отъ духовенства, потомъ отъ аристократіи, дворянства, интеллигенціи и т. п.; оно воздѣйствовало прежде съ помощію болѣе первичныхъ, потомъ съ помощію все болѣе и болѣе изысканныхъ средствъ. Рѣчи и увѣщанія уступили мѣсто печати, эта послѣдняя пріобщила къ своему дѣлу печать періодическую. Наконецъ, являются ученые конгрессы, а неминуемо наступить должна многовѣщающая эра организаціи свободной собирательности, на всѣхъ поприщахъ человѣческаго дѣла.

Въ свою очередь, нормы искусственнаго единенія элементовъ власти проходятъ тѣ-же генетическія ступени различныхъ такъ называемыхъ конституціонныхъ порядковъ. Это могли быть, такъ или иначе, организованные вѣча, соборы, сеймы, парламенты и т. п. И каждый хорошо можно видѣть, что дѣло вовсе не клонится къ упраздненію значенія вѣка или данныхъ конституціонныхъ формальностей, а только къ ихъ разработкѣ, точно также, какъ внутреннее единеніе не упраздняется, а только совершенствуется, параллельно съ развитіемъ человѣческаго общества.

И такъ, взаимная соподчиненность и самостоятель-

ность общаго и частнаго теченія правительственной воли должны быть обезпечены и формальнымъ, и нравственнымъ путемъ.

Наконецъ, еще одно доказательство. Что такое тяготѣніе силъ физическаго организма? Это—принудительная сторона естественнаго авторитета. Что такое тяготѣніе силъ психическаго организма? Это—свободная сторона естественнаго авторитета. И такъ, можемъ-ли, регулируя отношенія центробѣжнаго и центростремительнаго элементовъ естественной жизни, полагаться на одно только психическое тяготѣніе? Нѣтъ. Наше личное руководительство соображаетъ неизбѣжно не только съ тяготѣніемъ психическимъ, а, слѣдовательно, съ формальной стороны,—свободнымъ; но равнымъ образомъ и съ тяготѣніемъ физическимъ, т. е. принудительнымъ. Это послѣднее, какъ принудительный авторитетъ организма, умѣетъ дать чувствовать свою волю и, дѣйствительно, расправляется съ нашимъ неумѣлымъ упрямствомъ не только съ помощію болей и болѣзней, но даже съ помощію смерти. Вотъ это-то внѣшне-обязательное требованіе, этотъ формальный авторитетъ естественнаго, тяготѣнія въ сферѣ отношеній элементовъ государства, выражается въ вѣсѣ государственнаго статута.

Прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній, касающихся относительнаго вѣса обоихъ путей, обезпечивающихъ совокупную самостоятельность элементовъ власти.

Если боремся съ мнѣніемъ, которое отстаиваетъ идиллію въ отношеніяхъ между элементами власти, то не потому, однако, чтобы умалить вѣсъ воздѣйствія нравственнаго пути. Напротивъ, мы старались, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, намѣтить то великое будущее, которое принадлежитъ ему. И такъ, мы уже сказали, что воздѣйствіе это должно выразиться не только въ широкомъ развитіи печатнаго слова, не только въ приговорахъ разрозненныхъ конгрессовъ, но что свободная собирательность вступитъ современемъ на всѣхъ поприщахъ человѣческаго дѣла въ строго-организованномъ порядкѣ. И точно также не возможно ни умалять, ни игнорировать вѣса статутовъ. Онъ только восполняетъ вѣсъ нравственнаго пути.

Если въ западныхъ обществахъ даютъ слишкомъ широкое значеніе статутамъ, то это верховенство мертвыхъ правилъ неминуемо отражается печальными послѣдствіями, какія изъ него истекаютъ на всѣхъ остальныхъ поприщахъ. Безучастіе, борьба, существенное нерадѣніе внутренней стороны обязанностей и пренебреженіе къ существенной сторонѣ правъ — являются здѣсь неизбѣжно.

И точно также слишкомъ значительный вѣсъ, приписываемый необезпеченному воздѣйствію, ведетъ къ погрѣшностямъ противоположнаго порядка. Въ бывшей, напримѣръ, Рѣчи-Посполитой польской смотрѣли на верховенство сейма сквозь очки восторга, вслѣдствіе чего,

не рѣшались формулировать отношеній престола и сейма. На этой почвѣ, конечно, восторжествовалъ одинъ изъ элементовъ, что и обрекло государственную жизнь на разложеніе. И точно также, можно сквозь тѣ-же очки восторга смотрѣть на верховенство опеки, считая преступленіемъ всякую мысль о торжественномъ облеченіи въ данную обязательную форму ея сочетанія съ народною волею; но слѣдствія этого, въ виду исторической запоздалости диктатуры, были-бы не менѣе гибельны.

И такъ, послѣднее звено государственнаго вопроса состоитъ въ отысканіи научно-вѣрныхъ нормъ сочетанія двухъ элементовъ власти.

Можно, разъ признавъ эту необходимость и призвавъ ученыя силы страны къ разрѣшенію этой задачи, остановиться на status quo безъ всякаго опасенія. Для каждаго станетъ понятно, что научное рѣшеніе желательнѣе всякихъ насильственныхъ и ненасильственныхъ рискованныхъ шаговъ, но, отрицая эту необходимость, отстаивать status quo необезпеченныхъ отношеній, невозможно, потому что, какъ нами доказано, необезпеченность эта стала въ настоящее время ненужною.

ЧАСТЬ III.

ПРИКЛАДНЫЯ ОСНОВАНІЯ

НАУЧНЫХЪ ГОСУДАРСТЕННЫХЪ СТРОЕВЪ.

Глава XI. Непригодность западныхъ статутовъ и до-революціонныхъ порядковъ.
Глава XII. Соціософическія формулы.
Глава XIII. Исторіософическія изслѣдованія по вопросу о надлежащемъ строеніи сеймовой единицы.
Глава XIV. Юридическая почва единенія воли престола съ волею народа.

XI.

НЕПРИГОДНОСТЬ ЗАПАДНЫХЪ СТАТУТОВЪ И ДО-РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПОРЯДКОВЪ.

И такъ, государственная власть состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ назвать можемъ автократическимъ, другой-же — аристократическимъ. Въ первомъ проявляются внутреннія, центростремительныя, во второмъ же — внѣшнія, центробѣжныя основы человѣческихъ стремленій. Первый — исходитъ и находитъ главную поддержку въ слабѣйшемъ общественномъ слоѣ, второй — находитъ поддержку и исходитъ отъ сильнѣйшаго слоя — интеллигенціи. Тамъ, главнымъ образомъ, отстаивается человѣчность и естественная сторона человѣческаго права, а здѣсь отстаиваютъ, по-преимуществу, прогрессъ и права добытой стороны человѣческой стоимости.

Надѣюсь, что мы уже успѣли доказать неосновательность изолированія элементовъ власти и отношенія ихъ къ различнымъ поприщамъ и кругамъ госу-

дарственной дѣятельности. Наконецъ, мы выяснили, что оба элемента должны споспѣшествовать ходу государственнаго дѣла и въ этомъ смыслѣ найти себѣ поддержку не только со стороны факторовъ свободы, но, равнымъ образомъ, и со стороны факторовъ формы.

Остается, слѣдовательно, отыскать такую *норму сочетанія* элементовъ власти, которая отвѣчаетъ уровню общественной зрѣлости и послужитъ внѣшнимъ обезпеченіемъ того, что слабыя стороны этихъ элементовъ найдутъ въ ней руководителя, а сильныя—поддержку.

Это составитъ техническую сторону государственнаго вопроса, т. е. сторону изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью обосновать правильныя отправленія власти съ помощію надлежащаго устроенія почвы этихъ отправленій. Задача, слѣдовательно, касается здѣсь искусственнаго строенія политической, государственной и мѣстной единицы.

Мы уже доказали, что власть исходитъ не отъ котораго-нибудь изъ своихъ элементовъ и не отъ обоихъ вмѣстѣ взятыхъ, а отъ велѣній жизненной истины. Мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, указали руководящее начало жизненно-надлежащаго. Вслѣдствіе этого, сдѣлалось понятнымъ, что задача о раздѣленіи верховенства между тропомъ и сеймомъ, надъ которой потѣшалось доктринерство, утратила, по существу, безсмысленное значеніе. Ни о раздѣленіи одного верховенства между двумя элементами, ни о соединеніи двухъ верхо-

венствъ — не можетъ быть и рѣчи, какъ скоро понимаемъ, что источникъ власти, а слѣдовательно, и верховное право — въ жизненной истинѣ, а равно и въ человѣческой личности, (тамъ, гдѣ эта личность и права, и состоятельна, или, что одно и тоже, тамъ, гдѣ эта личность и субъективно, и объективно съ велѣніями жизненной истины солидарна).

И такъ, задача о распредѣленіи дѣйствительной власти между ея двумя факторами: тономъ и народомъ, перестаетъ быть безсмысленною, а остается только обдумать почву такого сочетанія этихъ факторовъ, при которой они дѣйствительно стремились-бы къ жизненно-истинному, а вслѣдствіе этого пріобрѣли санкцію дѣйствительной власти.

О разрѣшеніи такимъ образомъ поставленной задачи невозможно было думать, пока не былъ извѣстенъ критерій жизненно-надлежащаго, и пока попытки науки опирались на предположенія, что власть исходитъ или отъ престола, или отъ общества: что, конечно, не могло повести къ разрѣшенію вопроса о строеніи государства вообще и государственной единицы въ частности. Вмѣсто нормы, взаимодѣйственнаго стремленія обоихъ элементовъ къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, пріискивались способы затормозить или отправленія опеки, или отправленія сейма, или отправленія обоихъ. Эти-то способы, нѣчто въ родѣ двойственности и тройственности соперничающей власти,

правъ большинства, безправности или полноправности каждой личности и т. п. выдавались за великія открытія, рѣшающія государственную задачу. Къ счастію, практика уже разъяснила, что тормозить государственную дѣятельность легко, но неудобно, и что, вслѣдствіе этого, вмѣсто преклоненія передъ универсаліями безусловныхъ рѣшеній, нужно подумать о рѣшеніяхъ условныхъ, исходящихъ отъ того руководящаго начала, которое не терпитъ верховенства, ни государства, ни свободы.

Наконецъ, поиски за нормою государственнаго строенія должны были остаться безплодными еще и потому, что предполагалось найти государственный порядокъ, пригодный для всѣхъ временъ и народовъ безъ всякаго соотношенія съ степенью зрѣлости общества, что, очевидно, невозможно, потому что эта степень зрѣлости именно составляетъ руководящее начало, съ помощью котораго находимъ дѣйствительно-научныя строенія и общества вообще, и государства въ частности. Нормы, напр., сочетанія представительства и опеки, государства и свободы, или, наконецъ, элементовъ свободы, пригодныя для дикихъ народовъ, вовсе непригодны для насъ, а пригодныя для насъ — не будутъ соотвѣтствовать дальнѣйшимъ ступенямъ развитія.

Задача, слѣдовательно, и на этой почвѣ принимаетъ совершенно иной оборотъ. Мы не можемъ и не бу-

демъ заниматься отысканіемъ государственнаго строенія, такъ называемаго безусловнаго, но, напротивъ, постараемся обрисовать эквивалентную норму научнаго государственнаго порядка, ту норму, которой развитіе въ ту или другую сторону, рѣшаетъ о ея примѣнимости къ высшимъ или къ низшимъ ступенямъ цивилизаціи.

Главный вопросъ въ этой общей задачѣ касается, очевидно, нормы единичнаго выраженія собирательной воли, потому что если необходимо сочетать волю престола съ волею представительства, то нужно прежде рѣшить вопросъ о той нормѣ, съ помощію которой и выборы, и рѣшенія приводимъ къ единичному выраженію. *Невозможно-же, кому бы то ни было, принимать въ разсчетъ желаніе народа, если этого единичнаго желанія не будетъ, а на его мѣстѣ встрѣтится съ нѣсколькими желаніями взаимно себѣ противорѣчащими.*

Вопросъ о нормѣ единичнаго выраженія собирательныхъ желаній не могъ-бы имѣть мѣсто, если-бы объекты дѣйствительныхъ потребностей единичныхъ членовъ общества исключали другъ друга, т. е. если-бы не было объектовъ истинныхъ, составляющихъ и общее благо всѣхъ, и благо каждаго въ отдѣльности, но въ такомъ случаѣ и о соціозофіи не могло-бы быть рѣчи, потому что — гдѣ невозможна истина, тамъ наука остается безъ дѣла. Къ счастію, каждое жизненное отношеніе — данное, — имѣетъ только одно рѣшеніе,

а рѣшеніе совокупности данныхъ отношеній составляетъ только итогъ рѣшеній единичныхъ. Вотъ почему, соціозофическая наука возможна съ одной стороны, а единичное выраженіе частныхъ желаній требовательно съ другой.

Вопросъ о нормѣ рѣшающаго выраженія собирательной воли рѣшонъ, какъ извѣстно, такимъ образомъ, западнок наукою, что законодательный голосъ признанъ за мнѣніемъ большинства. Прежде, слѣдовательно, нежели приступимъ къ изслѣдованіямъ по занимающему насъ вопросу, скажемъ нѣсколько словъ о томъ придуманномъ или. лучше сказать, признанномъ западною мыслью, внѣшнемъ критеріѣ собирательной воли.

Возможно состояніе общества, при которомъ рѣшающій голосъ большинства не составляетъ ничего уродливаго, а, напротивъ, даетъ возможность придти къ единичному и близкому къ жизненной истинѣ рѣшенію. Конечно, близость эта будетъ зависѣть отъ нравственной и психической зрѣлости среды, но во всякомъ случаѣ, борьба мнѣній неминуемо ведетъ къ болѣе или менѣе общей побѣдѣ одного мнѣнія, если среда относится къ задачѣ честно съ одной стороны, и если члены этой среды не исходятъ отъ фанатически-принятыхъ принциповъ,—съ другой. При этихъ условіяхъ, неудивительно, что мнѣніе, болѣе близкое къ дѣйствительному рѣшенію даннаго вопроса, торже-

ствуетъ и привлекаетъ на свою сторону большинство. А привлекаетъ не только потому, что истина всѣмъ честнымъ людямъ одинаково дорога, и не только потому, что истинное или ближайшее къ истинѣ легче защищать, нежели ложное и далеко отъ истины; но еще и потому, что менѣе развитые члены сходки хотя и не въ состояніи слѣдить и провѣрять предлагаемые сторонами доводы, но зато способны оцѣнить эти стороны, вслѣдствіе чего полагаются обыкновенно на мнѣніе той изъ нихъ, которая кажется имъ болѣе надежною въ нравственномъ и психическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, мнѣніе торжествующее, по меньшей мѣрѣ, исходитъ здѣсь отъ болѣе правомѣрной и компетентной личности, а слѣдовательно побѣда большинства тождественна будетъ съ побѣдою самаго близкаго къ истинѣ мнѣнія. А бóльшаго отъ собирательной воли нельзя ни ожидать, ни требовать. Большинствó здѣсь въ своемъ правѣ.

Такимъ образомъ, на тѣхъ ступеняхъ развитія, гдѣ общество не задается тѣми или другими руководящими началами, принципами и т. п., а обсуждаетъ жизненные вопросы, опираясь на нестѣсненныя никакими приличіями разумѣнія и опытъ, большинство имѣетъ значеніе временно возможной нормы. Оно можетъ быть употребляемо здѣсь безъ большой опасности, какъ исключеніе. Мы повторяемъ — какъ исключеніе, а это потому, что норма эта, даже на той

патріархальной ступени развитія слишкомъ тѣсна. Въ собраніяхъ людей честныхъ и философски не воспитанныхъ, сильнѣйшее мнѣніе хотя и привлекаетъ на свою сторону большинство, но на большинствѣ не останавливается. Достаточно прислушаться къ преніямъ на сходкахъ въ крестьянской, неизуродованной ложными теоріями средѣ, чтобы убѣдиться что тамъ, послѣ ихъ споровъ, одерживаетъ наконецъ верхъ одно мнѣніе, но одерживаетъ его не только надъ большинствомъ, но огульно.

И такъ, норма рѣшающихъ правъ большинства не истекаетъ изъ существенныхъ свойствъ такихъ собраній.

Теперь докажемъ, что строгое примѣненіе этой нормы ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ, къ тѣмъ именно послѣдствіямъ, которыя дѣйствительно обнаружились въ жизни конституціонныхъ народовъ.

Торжествующее мнѣніе, останавливаясь на большинствѣ и не стараясь убѣдить всѣхъ, уже тѣмъ самымъ выступаетъ въ характерѣ партіи, котеріи, пренебрегающей этимъ меньшинствомъ. Съ теченіемъ времени, это оставляемое въ тѣни меньшинство, т. е. тѣ члены, которыхъ мнѣніемъ не дорожимъ, организуютъ собственную среду и наконецъ вступаютъ въ борьбу въ характерѣ оппозиціи. Конечно, оппозиція благотворна въ данномъ случаѣ, но она гибельна, какъ правило. Является, слѣдовательно, два мнѣнія, одина-

ково претендующія на извѣстный вѣсъ, мнѣнія, которыхъ юридическое торжество зависитъ вовсе не отъ степени ихъ удаленности отъ объектовъ жизненно-истиннаго, а отъ случайной, а чаще всего весьма сомнительной перебѣжки одного или нѣсколькихъ членовъ на ту или другую сторону. Подобнаго-то рода парламентскія побѣды развращаютъ среду, пріучая ее къ пренебреженію истины и къ погонѣ за тѣми пріемами и средствами, которые обезпечиваютъ побѣду насильственнаго характера.

Вотъ та почва фальшивой нормы, на которой развивается нравственная распущенность современныхъ передовыхъ обществъ.

Но перейдемъ къ другому типу сеймовой среды. Допустимъ, что она предана добру, но уже воспитана псевдофилософски, т. е. одурачена нѣсколькими противорѣчивыми абсолютнаго характера принципами, которые считаютъ за критеріи жизненно-истиннаго.

И такъ, положимъ, что группы собранія честно относятся къ защищаемымъ принципамъ, т. е. видятъ въ рѣшеніяхъ, основанныхъ на этихъ началахъ, и частное, и общее благо. Посмотримъ, какой характеръ принимаетъ тогда рѣшающее право большинства.

Въ собраніи такого порядка найдемъ или нѣсколько группъ, исповѣдующихъ различные оттѣнки одного и того-же принципа, или-же, если выборы были разно-

мѣстны, то встрѣтить можемъ группы разнящіяся и главными, и частными принципами.

Принципіальный споръ въ собраніи, очевидно, невозможенъ, потому что для этого нужно ввести въ дѣло всю тяжелую артиллерію философскихъ доказательствъ. Вслѣдствіе этого, на данный вопросъ собраніе отвѣчаетъ очень многими разнорѣчивыми quasi рѣшеніями. Но для рѣшенія *юридически*-сильнаго нужно большинство. И такъ, не остается другаго исхода, какъ прибѣгнуть къ сдѣлкамъ, отрицаемымъ совѣстью, т. е. вступить на путь, недостойный не только представителей общественнаго разума, но даже недостойный вообще уважающей себя личности.

Тактика обмановъ, подкуповъ, запугиваній и вообще искусственнаго насилія употребляется здѣсь, или какъ единственное отчаянное средство, или-же какъ манифестація пошатнувшагося чувства долга; люди-же самые дѣльные, т. е. неподдающіеся ни отчаянію, ни упадку, а, слѣдовательно, и самыя сильныя мнѣнія въ правахъ большинства встрѣчаютъ невозможную для себя арену.

Обманы и уловки приняты, напр., въ военномъ искусствѣ; но война — открытое дѣло приговоровъ насилія, она только слѣдуетъ за невозможностью нравственнаго соглашенія, и не разыгрываетъ вовсе роли самаго этого соглашенія. Наконецъ, военное насиліе искупается не только невозможностью условій и не-

возможностью нравственнаго соглашенія, но равнымъ образомъ, и рискомъ жизни. О правахъ силы не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ жертвуемъ своею жизнью; дѣло было, должно быть, въ чемъ-нибудь другомъ. Здѣсь-же, на поприщѣ парламентаризма, рискъ сведенъ до minimum'а, ухищренія же до maximum'а. Здѣсь, слѣдовательно, дѣло не въ чемъ иномъ, какъ именно, въ правахъ насилія.

Если англійскіе виги стояли за послѣдній ирландскій билль, а консерваторы — противъ него, то вовсе не потому, что первые не желали неправды и насилія, а другіе ихъ желали; а потому только, что первые считали невозможнымъ продолжать насиліе въ старой формѣ, другіе-же считали это возможнымъ. Это и проповѣдывалось явно въ данномъ случаѣ и проповѣдывается во всѣхъ другихъ. Дѣло здѣсь, слѣдовательно, именно въ правахъ силы, нестѣсняемыхъ уваженіемъ къ жизненной истинѣ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что такое признаніе верховенства за событіями, и обреченіе человѣческой мысли на рабское служеніе этому верховенству (какъ скоро все это исходитъ отъ государства) дѣлается источникомъ развращенія и силъ, принимающихъ участіе въ такого рода политической борьбѣ и другихъ, сравнивающихъ мотивы своихъ поступковъ съ мотивами государственной воли.

Конечно, великіе мыслители до-революціоннаго

времени не предполагали, что та самая норма, которая временно годилась для общества, какое они имѣли передъ глазами, сдѣлается главною причиною нравственнаго упадка, какъ скоро примѣнена будетъ къ обществу, предрасположенному тѣми или другими міровоззрѣніями философскаго порядка. Совершенствованіе человѣчества имъ было извѣстно, *но неизвѣстно было и то, что нормы всякихъ жизненныхъ отношеній движутся вокругъ центра совершенствующейся личности, а не эта личность — вокругъ неподвижныхъ и безусловныхъ нормъ.*

И такъ, мы изслѣдовали два типа общественнаго развитія и убѣдились, что ни въ одномъ изъ нихъ право большинства — какъ правило — не приложимо.

Еще съ большею очевидностью выступаетъ передъ нами эта его неприложимость, какъ скоро имѣемъ въ виду не центральныя, а мѣстныя отправленія власти, т. е. ея отправленія на административномъ, судебномъ и полицейскомъ поприщахъ. И такъ, во чтобы обратился институтъ присяжныхъ, если-бы виновность подсудимаго подвергалась баллотировкѣ? Да, нельзя забывать того, что въ настоящее время мы имѣемъ дѣло съ обществомъ, воспитаннымъ, такъ сказать, философски. Это вовсе не тѣ люди, былаго времени, полагавшіеся на здравый смыслъ, опытъ и нравственное чувство. Нѣтъ, это уже люди, имѣющіе скороспѣлую претензію рѣшать данные вопросы жизни по отноше-

нію, или лучше сказать на основаніи принятыхъ ими за руководящія начала принциповъ. А кто-же не знаетъ, что всѣ эти безусловные принципы принадлежатъ, если не примемъ въ разсчетъ отрицающихъ значеніе природы и истины направленій — къ двумъ главнымъ типамъ консерваторовъ-демократовъ-соціалистовъ и либераловъ-аристократовъ-индивидуалистовъ, и что вслѣдствіе этого, рѣшенія каждаго жизненнаго отношенія будутъ принадлежать въ данномъ обществѣ тоже къ двумъ типамъ, исключающимъ другъ друга. А если это вѣрно, то можно-ли сомнѣваться, что собирательныя рѣшенія по данному вопросу, предоставленныя большинству, были-бы въ сущности рѣшеніями или искусственнаго насилія, или случая, что въ сущности одно и тоже. Но кто-же можетъ согласиться съ принципомъ рѣшаемости, всякаго административнаго, полицейскаго и судебнаго дѣла, подъ руководительствомъ случая? Тогда-бы разрѣшая вопросъ: что дѣлать? не надлежало вести долгихъ преній, а вмѣсто этого — принять самую простую форму приговоровъ случая, т. е. бросить жребій.

Наконецъ, можемъ изслѣдовать норму рѣшающаго права большинства, по отношенію къ обществу, какимъ оно, дѣйствительно, представляется въ настоящее время, въ среднихъ слояхъ новѣйшей цивилизаціи. — Предположимъ, слѣдовательно, что въ данномъ собраніи находимъ не только принципіальныя различія

мнѣній субъективнаго — метафизическаго характера, т. е., допустимъ, что въ собраніи встрѣчаемся, не только съ разницею принциповъ, но также и съ стремленіями фальшивыми — продажными, съ одной стороны, и съ аскетизмомъ, т. е. съ стремленіями безпочвенными — съ другой.

Да, въ средѣ собранія можемъ теперь встрѣтить не только консерваторовъ и либераловъ того или другаго оттѣнка, но равнымъ образомъ, и людей, отрицающихъ возможность нравственной самостоятельности, а слѣдовательно, людей, умышленно-низкихъ, прикрывающихся консервативными или либеральными, демократическими или аристократическими, соціалистическими или индивидуалистическими воззрѣніями, смотря потому, которые изъ нихъ, при данныхъ условіяхъ, надежнѣе обезпечиваютъ ихъ карьеру. Эти, невышедшіе еще изъ скрытнаго состоянія нигилисты, а, слѣдовательно, еще только коммунары, разыгрывая роль консерваторовъ, тоже стоятъ за указы, преслѣдованія и награды, за нижній слой, за право труда, за правительственное вмѣшательство въ дѣла семьи, собственности, промышленности, торговли кредита, за контроль государственный надъ акціонерными, командитными и общинными товариществами, за ограниченіе правъ и увеличеніе обязанностей работодателя, банкира, предпринимателя, за патріотизмъ противъ общечеловѣческихъ цѣлей и т. п., но все это

потому только и до тѣхъ только поръ, пока въ поддержкѣ этихъ принциповъ видятъ личную выгоду. Государство, престолъ, нижній слой, естественная сторона человѣческаго права и т. д. вовсе имъ не дороги, но дороги для нихъ тѣ куши, которые открываетъ передъ ними, нестѣсняющееся ничѣмъ, преслѣдованіе интеллигенціи, науки и прогресса. Да, нигилистъ, какъ потомокъ падшаго служащаго, очень часто проповѣдуетъ крайностныя консервативныя мѣры. И въ этомъ только характерѣ подстрекателя къ преслѣдованіямъ и регрессу, типъ этотъ дѣйствительно крайне опасенъ будущности общества. Но напрасно-бы мы думали, что люди эти сочиняютъ революціи. О, нѣтъ! они-то именно созданы на то, чтобы революцій небыло: можетъ ли преданный наживѣ человѣкъ, добровольно посвящать эту наживу идеалу?

Да, наконецъ, нигилистъ, который крѣпко держится торжествующихъ идей и стремленій: въ Россіи — онъ консерваторъ, во Франціи — аферистъ, въ Англіи — аристократъ, въ Пруссіи — юнкеръ и т. д. Конечно, не всѣ злоумышленники умѣютъ прикрываться торжествующими въ обществѣ взглядами; нѣкоторые изъ нихъ не выдерживаютъ характера и пускаютъ въ ходъ собственнаго пошиба пріемы, но, во всякомъ случаѣ, явнаго либерала трудно заподозрить въ нигилизмѣ *въ Россіи*, потому, что разыгрывать эту роль нѣтъ никакого разсчета въ обществѣ, рѣшившемся выжидать

удовлетворяющихъ его внутреннее достоинство идеаловъ и, также точно, трудно заподозрить въ нигилизмѣ консерватора Франціи, потому, что защитники опеки и нижняго слоя состоятъ тамъ на счету враговъ торговли и свободы.

Тѣ же отрицатели мотивовъ долга могутъ, слѣдовательно, стать, при благопріятныхъ условіяхъ, за либерализмъ, т. е. за свободу руководящаго слоя, а слѣдовательно, за верховенство самоуправленія и упраздненіе опеки, за свободу совѣсти, за упраздненіе церкви, за свободу печати и упраздненіе или цензуры, или вообще всякой отвѣтственности за правонарушенія, совершаемыя печатнымъ словомъ, за свободу торговли, промышленности кредита и упраздненіе государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія обоихъ слоевъ общества и международныя. За свободу банковыхъ, купеческихъ и предпринимательскихъ оборотовъ и противъ самозащиты и государственной защиты труженика.

Далѣе, крайніе оттѣнки этого типа, могутъ стоять за свободу брака и противъ всякаго вмѣшательства государства въ брачныя и семейныя отношенія, за дѣтскіе пріюты и противъ отвѣтственности родителей по судьбѣ дѣтей, за свободу школы и противъ вмѣшательства государства, за верховенство философіи (которой нѣтъ!) и упраздненіе всѣхъ религій, за нравственную независимость ребенка и противъ заботъ по

воспитанію, за неприкосновенность собственности и противъ государственныхъ поправокъ ея касающихся, за свободу международныхъ отношеній и противъ международнаго авторитета, за верховенство статутовъ и законовъ, и противъ международныхъ и государственныхъ распоряженій, за общечеловѣческіе принципы и противъ патріотизма, за правила и противъ разумѣнія, за мужчину и противъ женщины, и вообще за мотивы цѣли и пути, истекающіе изъ внѣшней стороны характера, могущества и права, и противъ мотивовъ, цѣлей и путей, истекающихъ изъ внутренней стороны характера, могущества и права.

И такъ, въ собраніи встрѣтить можемъ, не только искреннюю разницу мнѣній, но равнымъ образомъ и разницу поддѣльную, фальшивую.

Спрашиваемъ теперь, какой имѣетъ смыслъ рѣшающее право большинства въ средѣ, переполненной элементами нравственнаго шантажа.

Не очевидно-ли, что пренія будутъ здѣсь составлять только фиктивную, театральную сторону дѣла, на сдѣлкахъ-же, чисто торговаго характера, сосредоточена будетъ вся суть парламентскаго дѣйствія. Пренія ведутся въ такомъ случаѣ только для развлеченія и морализаціи публики, съ одной стороны, а для маскированія парламентской торговли — съ другой. — Понятно, что въ средѣ, искренно-преданной, тѣмъ или другимъ, хотя-бы и безразсуднымъ (потому что безуслов-

нымъ) принципамъ, пренія, въ значеніи не фиктивнаго, а дѣйствительнаго дѣла, въ извѣстной степени, возможны; здѣсь чувство долга предполагаетъ возможность уступокъ, условленныхъ явными нравственными необходимостями. Но въ палатахъ, наполненныхъ прикидывающимися за индивидуалистовъ или соціалистовъ отрицателями, уступки невозможны, потому что зависимый разсчетъ не знаетъ нравственнаго характера уступокъ. — Большинство нужно, здѣсь, тою или другою цѣною, купить. Норма-же, низводящая дѣло правовыхъ рѣшеній собирательной личности на степень торговли правомъ голоса, очевидно не отвѣчаетъ своему дѣйствительному назначенію. Она устарѣла. Общество нашей культуры находится уже на той высотѣ развитія, на которой и слабыя, и сильныя его стороны требуютъ гораздо высшихъ обезпеченій со стороны почвы парламентарнаго дѣла.

Въ до-революціонное, слѣдовательно, время, когда только религіозныя различія раздѣляли людей, защищать норму большинства было легко. Она послужила средствомъ, такъ или иначе, формулировать собирательную волю, вслѣдствіе чего общество въ состояніи было принять болѣе правильное участіе на поприщѣ центральной государственной дѣятельности.— Правда, что совмѣстная дѣятельность бюрократіи и представительства, вслѣдствіе этой нормы, оказалась въ мѣстныхъ отправленіяхъ невозможною; но, во вся-

комъ случаѣ, участіе въ центральныхъ — руководящихъ отправленіяхъ государства сдѣлалось обезпеченнымъ. Этой же самой нормѣ мы обязаны расширеніемъ политической прерогативы съ дворянъ на промышленное и сельское сословіе. — Она упразднила физическую борьбу верхняго слоя съ нижнимъ и общества съ престоломъ. Мѣсто этой борьбы заступила болѣе смягченная ея форма. Конечно, задача отношеній элементовъ власти не ограничивается вовсе смягченіемъ между ними борьбы, но, во всякомъ случаѣ, существующія отношенія, выражающіяся въ искусственной борьбѣ, гораздо легче примиримы, нежели были таковыми отношенія, заправляемыя физическимъ перевѣсомъ одной изъ сторонъ. Наконецъ, что главное — норма большинства открыла доступъ къ государственному дѣлу не только высшимъ, но, равнымъ образомъ, и низшимъ слоямъ общества. Они граждански развились, т. е. поняли зависимость личныхъ успѣховъ отъ преуспѣяній общества, и сочли долгомъ принять на себя часть отвѣтственности по правовымъ, экономическимъ и нравственнымъ трудамъ государства.

Казалось поэтому, что норма, исходящая отъ раздѣленія власти, отъ верховенства сейма, отъ нормы правъ большинства составитъ источникъ, изъ котораго посыплются неисчерпаемыя благодѣянія на человѣчество. Энтузіазмъ, овладѣвшій тогдашнимъ обществомъ, совершилъ чудеса въ борьбѣ съ автократизмомъ

въ государствѣ, свободѣ и творчествѣ. Но къ счастію, всякая ошибка имѣетъ свой закатъ; она временно противодѣйствуетъ уже переходящей границы возможнаго, противоположной ошибкѣ и ея слѣдствіямъ, но въ свою очередь, современемъ изнашивается и переходитъ въ фазу свойственныхъ ей золъ. На этой-то почвѣ развилась выставленная нами на видъ запроданность собирательной воли, обоготвореніе искусственнаго насилія, какъ источника права и вообще раболѣпіе передъ верховенствомъ событій, а также и преслѣдованія, направленныя противъ голоса, противъ философской стороны человѣческаго „я“.

Кажется, что мы достаточно сказали, чтобы окончательно убѣдить читателя въ томъ, что норма рѣшающихъ правъ большинства, которая была принята какъ средство единичнаго выраженія собирательной воли — устарѣла.

Передъ нами, слѣдовательно, два пути: или броситься въ другую до-революціонную крайность, самымъ блестящимъ образомъ обнаруженную во всей исторіи человѣчества польскою народностью, т. е. броситься въ норму правъ единогласія, или-же пріискивать равносильную, т. е. такую норму, которой развитіе въ ту или другую сторону рѣшало-бы о ея приложимости къ данной степени развитія, къ обществу.

Конечно, рычагъ единогласія могъ-бы временно

принести на западѣ благодѣтельныя послѣдствія, онъ вырвалъ-бы западныя общества изъ тисковъ искусственнаго насилія и азартной политической игры, но вырвалъ-бы на то только, чтобы отворить дверь соціализму и нанести рѣшительный ударъ свободѣ.

Поворотъ, слѣдовательно, къ нормѣ внутренняго порядка былъ-бы шагомъ отчаянія, недостойнымъ совѣтовъ научной мысли. Голосъ-же этой послѣдней требуетъ, очевидно, рѣшенія научнаго, которое-бы разъ на всегда поставило государственное дѣло въ колею міровыхъ законовъ, управляющихъ бытіемъ, и извлекло-бы участь гражданина изъ тяжкаго пути естественныхъ и нравственныхъ невозможностей.

И такъ, не только не время задаваться мечтою залечиванія общественныхъ недуговъ принципами современнаго западнаго конституціонализма, потому что принципы эти, какъ безусловные, могли быть только временно полезны въ то благое время, когда мнѣнія общества еще не разложились ни объективно, ни на два порядка, т. е. на сторонниковъ вмѣшательства и невмѣшательства. Но равнымъ образомъ, нежелательно броситься и въ противоположную крайность, для которой, конечно, не только сеймовыя порядки Рѣчи-Посполитой, но даже боярскіе соборы московскаго періода доставитъ могутъ дешевый образецъ.

Мы повторяемъ, что русская интеллигенція, это уже не тѣ, руководимые внутреннимъ разумѣніемъ и

опытомъ практики прошедшаго времени, для которыхъ и норма единогласія, и норма правъ большинства—одинаково могли быть временно-полезными; но это — неудавшіеся философы настоящаго, для которыхъ также точно нестерпимо было-бы единогласіе, какъ для нижняго слоя, а слѣдовательно, и для престола оказалась-бы нестерпимою запоздалая парламентарная игра въ большинство.

XII.

СОЦІОЗОФИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА, СЪ ПОМОЩЬЮ КОТОРОЙ ОТЫСКИВАЕМЪ СТРОЕНІЕ СЕЙМОВОЙ ЕДИНИЦЫ И НОРМУ ЕДИНИЧНАГО ВЫРАЖЕНІЯ СОБИРАТЕЛЬНОЙ ВОЛИ.

Мы уже упомянули, что такъ какъ государственный организмъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: автократическаго и аристократическаго, и такъ какъ происхожденіе и составъ, напр., послѣдняго, множественные, то вслѣдствіе этого, прежде нежели рѣшимъ задачу о научномъ строеніи государственной единицы, мы принуждены заняться пріисканіемъ равнозначущей нормы единичнаго выраженія собирательной воли. Наконецъ, мы доказали бытовую непригодность нормъ, выработанныхъ до настоящаго времени наукою и событіями.

Итакъ, передъ нами двѣ задачи:

1) о нормѣ выборовъ въ представительное собраніе, и

2) о пормѣ единичнаго выраженія рѣшеній этого собранія.

Сущность первой задачи состоитъ въ томъ, чтобы найти такія нормы избирательства и избираемости, при которыхъ оба эти отправленія—и по отношенію къ намѣченнымъ цѣлямъ, и по отношенію къ употребляемымъ мѣрамъ—выразятся надлежащимъ образомъ.

Прежде, нежели станемъ проводить это рѣшеніе, мы обратимъ вниманіе читателя на тотъ методъ, которому будемъ слѣдовать.

Итакъ, ни одинъ методъ недѣйствителенъ, пока не опирается на руководящее рѣшеніемъ данной задачи начало.

Вотъ почему мы вынуждены прежде сослаться на отысканную намн *общественную сущность*, управляющую измѣненіемъ нормъ надлежащихъ исходовъ междучеловѣческихъ отношеній. Это, какъ уже знаемъ, правовая стоимость личности.

Если защищаемая нами сущность общественности дѣйствительно составляетъ руководящее рѣшеніемъ общественныхъ задачъ начало, то объекты общественно-истиннаго, надлежащаго — на сколько это будетъ касаться отношеній данныхъ личностей — найдемъ *въ тѣхъ исходахъ, которые отвѣчаютъ относительной правовой стоимости сторонъ*. Вотъ соціозофическая формула, по которой научно разрѣшаются междучеловѣческія отношенія.

Поддержка, слѣдовательно, и помѣха, помощь и давленіе распредѣляются между данными, напр., двумя и т. п. личностями такимъ образомъ, какъ этого требуетъ критерій относительной ихъ правовой стоимости.

Мы не станемъ здѣсь выяснять эти положенія.

Отсюда ясно, что если намъ въ данной задачѣ нужно отыскать норму выборовъ, отвѣчающую правовой стоимости избирателей, то задачу эту научно рѣшить можемъ только по соціозофической формулѣ, которая требуетъ *соотвѣтственности нормы выборовъ съ степенью развитія избирателей.*

Вотъ тѣ общія основы, опираясь на которыя, научная мысль можетъ отыскивать и *объекты* общественно-истинныхъ исходовъ междучеловѣческихъ отношеній, и ту *почву* общественности, государственности и свободы или данныхъ категорій общественнаго, государственнаго и товарищескаго дѣла, въ средѣ которой объекты жизненно-истиннаго достижимы, т. е. будутъ въ состояніи развиться въ жизненный плодъ.

Только опираясь на эти основы, наука откроетъ передъ человѣчествомъ вѣрный путь общественнаго совершенствованія и побѣдъ надъ велѣніями данныхъ событій и ошибокъ.

Запасшись и руководящимъ началомъ, и формулою, по которой разрѣшается наша задача, можемъ

теперь представить тотъ методъ, которому будемъ слѣдовать: 1) при оцѣнкѣ фактовъ, которые касаются задачи, и 2) при введеніи ихъ въ формулу, т. е. при вычисленіи правовой стоимости избирательной среды и при отыскиваніи генетическихъ выборныхъ нормъ.

Имѣя же передъ собою и оцѣнку правовой стоимости среды, и генетическія выборныя нормы, намъ останется только отнести одну изъ этихъ нормъ къ избирательной средѣ относительной стоимости.

Далѣе выступитъ передъ нами техническая сторона дѣла, т. е.:

1) вопросъ о средствахъ оцѣнки данной единичной или собирательной личности;

2) вопросъ о средствахъ пріискиванія генетическихъ нормъ и

3) вопросъ о соотвѣтственности между стоимостью данной среды и избранною для нея нормою выборовъ.

Перваго вопроса обсуждать не будемъ, потому что онъ слишкомъ широкъ для настоящаго изслѣдованія и слишкомъ ясенъ для того, чтобы могъ стать помѣхою тѣмъ крупнымъ поворотамъ, въ какихъ будемъ проводить рѣшеніе задачи. Мы скажемъ только, что правовая стоимость личности, ея степенъ зрѣлости, развитія и т. п.,— это степень эквивалента правдивости и личнаго могущества.

Слѣдуетъ другой вопросъ: какимъ образомъ отыскивать генетическія нормы выборовъ?

Для этого, находимъ сперва нормы, соотвѣтствующія максимальной и минимальной степенямъ развитія, т. е. какъ, въ данномъ случаѣ, обдумываемъ норму выборовъ, соотвѣтствующую первобытному обществу, и другую, соотвѣтствующую личностямъ, и въ естественномъ, и въ нравственномъ отношеніи совершеннымъ, т. е. такимъ, *голосъ должнаго которыхъ отождествленъ съ существеннымъ тяготѣніемъ стремленій организма.* Отсюда и будетъ ясно, что генетическая норма, соотвѣтствующая личностямъ, уже подвинувшимся нѣсколько въ развитіи, должна предоставить нѣкоторый просторъ тѣмъ элементамъ силъ собранія, какихъ общество, стоящее на первобытной ступени развитія, не представляетъ, и въ свою очередь она должна нѣсколько задержать тѣ элементы, какіе на первобытной ступени играютъ верховную роль. Слѣдуя все далѣе въ этомъ направленіи, будемъ встрѣчаться все съ болѣе и болѣе смягченнымъ вѣсомъ насилія — формы и съ увеличивающимся вѣсомъ научнаго довода — свободы, такъ что на высшихъ ступеняхъ развитія форма будетъ приведена къ самымъ изысканнымъ, а слѣдовательно наименѣе потворствующимъ естественному доводу—насилію—выраженіямъ; и въ свою очередь, существенная сторона нормы будетъ представлять наиболѣе широкій просторъ побѣдамъ довода научнаго.

Наконецъ, третій вопросъ о гарантіяхъ соотвѣт-

ственности избранной нами нормы можетъ рѣшиться только тогда, когда и степени развитія, и генетическія нормы выборовъ приводимъ къ даннымъ группамъ, видамъ и т. п., вслѣдствіе чего, хотя и не достигаемъ математической точности (которая вообще въ жизненныхъ задачахъ невозможна); однако-же открываемъ передъ собою практическій путь, ведущій къ этой точности, и не входимъ на почву противорѣчивыхъ разглагольствованій, не имѣющихъ подъ собою основной и надлежащей почвы.

Итакъ: какая же избирательная норма будетъ первичною?

Если норма эта должна отвѣчать общественной средѣ, не вышедшей изъ дикаго состоянія, то такъ какъ личность первобытная располагаетъ самыми слабыми внутренними и внѣшними гарантіями правильности своихъ поступковъ, т. е. и не стремится сознательно къ жизненно-истинному, и не располагаетъ касающимися его понятіями, то рѣшенія такого собранія производились-бы подъ верховенствомъ взаимодѣйствія естественныхъ стремленій. Вѣсъ формы самаго грубаго порядка замѣнилъ-бы здѣсь простое физическое насиліе, открывая тѣмъ самымъ нѣкоторый доступъ воздѣйствію на ходъ выборовъ въ средѣ имѣющихся нравственныхъ реагентовъ. Болѣе изысканныя и смягченныя формальности не были-бы здѣсь умѣстны, такъ какъ онѣ не доставили-бы надлежащаго вѣса

приговорамъ естественной стороны силъ среды, силъ, которыя на самыхъ низкихъ ступеняхъ культуры борются съ крайне-безобразными вѣрованіями и убѣжденіями первобытнаго человѣка.

Его мнѣнія о томъ, *какъ должно быть*, стоятъ всегда вразрѣзъ съ дѣйствительнымъ тяготѣніемъ человѣческой природы. Онъ избираетъ эти наиболѣе противорѣчащія естественнымъ психо-физическимъ стремленіямъ sancta, чувствуя всю необузданность своихъ влеченій. Удручающія жизнь понятія долга служатъ здѣсь противовѣсомъ такихъ-же опасныхъ слабостей. Его занимаетъ не то, чтобы подмѣтить жизненно-истинное, а то, чтобы восторжествовать надъ своею природою. Въ этомъ онъ видитъ свое верховенство, свою самостоятельность.

Совершенно ошибочны завѣренія антропологовъ матеріалистическаго порядка, утверждающихъ, что человѣкъ на первобытной стадіи культуры — рабъ естественныхъ, психо-физическихъ стремленій. Нѣтъ, онъ тамъ — рабъ или не рабъ, потому что впадаетъ въ крайность обоготворенія совершенно безсмысленныхъ принятостей религіознаго, общественнаго и нравственнаго порядка, которыя тяжко отзываются на его семейной, общественной и т. д. жизни и стоятъ вразрѣзъ съ самыми могучими его инстинктами, или же бросается въ другую крайность, т. е. поддается этимъ инстинктамъ все-

цѣло. Мы исполняемъ иногда долгъ, но нашъ долгъ очень близокъ къ сущности требованій природы; его-же долгъ далеко отстоитъ отъ этой сущности, а между тѣмъ онъ исполняетъ его очень часто. Итакъ, субъективная самостоятельность нашего духа является уже на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія; она даже бравируетъ тамъ самыми трудными опасностями и ведетъ за свое дѣло самую тяжкую борьбу. Не вдаваясь въ частныя доказательства и дальнѣйшія обобщенія, съ которыми имѣемъ надежду познакомить современемъ нашего читателя, утверждаемъ, что объекты долга первобытной культуры — безсмысленны, и что они другими и не могли-бы быть, потому что перевѣсъ физическихъ силъ надъ психическими, какой тамъ находимъ, требовалъ энергическаго противовѣса. Первобытный человѣкъ, если не сознавалъ, то чувствовалъ эту нужду. Онъ чувствовалъ ту крайнюю необходимость умѣть, несмотря на тѣ или другія свои влеченія, поставить на своемъ, умѣть поступить согласно съ своимъ убѣжденіемъ, а не въ угоду влеченіямъ, умѣть, однимъ словомъ, выдѣлиться изъ организма и феноменовъ природы; и вотъ онъ придумываетъ разные объекты должнаго, и чѣмъ эти объекты, въ отношеніи его же собственной судьбы, ужаснѣе и жесточе, тѣмъ большую находитъ онъ въ повиновеніи имъ побѣду своей самостоятельности, а наконецъ и школу, въ которой вырабатывается его нравственный ха-

рактеръ, т. е. готовность, несмотря на всѣ опасности и пытки, исполнить то, что ему кажется хорошимъ и неприкосновеннымъ.

Да, тяжела школа выработки независимости человѣческаго духа, и вотъ почему непріятно встрѣчать труды quasi-ученыхъ, неспособныхъ подмѣтить этого тяжелаго пути нравственной силы человѣчества, а впавшихъ только въ другую крайность: ту, когда человѣкъ низкой культуры отдается не долгу, а организму.

Итакъ, борьба съ голосомъ природы или служеніе ея приговорамъ одинаково занимали человѣчество. Много нужно было трудовъ, побѣдъ и печалей, пока позналось, что нравственная самостоятельность вовсе не въ уродованіи естественныхъ стремленій и не въ раболѣпномъ отношеніи къ этому голосу, а въ томъ, чтобы сформулировать его тяготѣніе, а затѣмъ, умѣть устоять на томъ, что считаемъ жизненною истиною этого тяготѣнія. Истинное такъ же дорого организму, какъ и защищающей это истинное разумной силѣ. Оно — мы сами, и вотъ почему, ратуя за него,—за себя ратуемъ. Здѣсь долгъ нашъ, но и природа здѣсь также имѣетъ свой голосъ.

Если, слѣдовательно, имѣемъ дѣло съ собирательною личностью, располагающею только безсмысленными гарантіями должнаго, то очевидно, что голосъ природы имѣетъ тамъ важное значеніе. Выборы, про-

водимые въ средѣ дикарей, поставленные въ такія рамки, которыя совершенно исключаютъ естественное сочетаніе мнѣній, чувствъ и стремленій, т. е. не даютъ никакого простора психо-физическому насилію, а которые, напротивъ, оставляютъ самый широкій просторъ вліяніямъ, исходящимъ отъ тѣхъ или другихъ понятій долга,— были-бы неудачны, а неудачны потому, что стремленія плохо направленной нравственной самостоятельности, исходящія отъ совершенно почти ошибочныхъ мѣрилъ должнаго, одержали-бы рѣшительный перевѣсъ надъ голосомъ организма, т. е. съ точки зрѣнія средства выработки характеровъ перешли-бы на точку зрѣнія руководящую, которая возможна только въ виду основнаго разрѣшенія жизненныхъ гуманитарныхъ задачъ.

Норма, слѣдовательно, выборовъ, отвѣчающая тому уровню развитія, на которомъ нравственная сила не высказываетъ еще своего слова — должна выразиться въ верховенствѣ формы, т. е. естественнаго насилія.

Норма же, отвѣчающая тому уровню, на которомъ стремленія по долгу уже существуютъ, но опираются на самыя ошибочныя, на вѣру или же по убѣжденію принятыя мѣрила, представлять должна сочетаніе самыхъ грубыхъ формальностей, дающихъ надлежащій просторъ приговорамъ естественной силы съ самыми слабыми гарантіями нравственной самостоятельности избирателей, т. е. съ гарантіями, обезпечи-

вающими относительное значеніе стремленій, исходящихъ изъ мѣрилъ должнаго. Такого рода гарантіи правъ естественной и нравственной силы составятъ ту надлежащую жизненную почву, на которой выборы могутъ разрѣшиться правильно.

Конечно, мы здѣсь стоимъ передъ соглашеніемъ, главнымъ образомъ, вынужденнымъ; но оно, тѣмъ не менѣе, будетъ правильнымъ. Напротивъ, если-бы мы, въ средѣ самаго низкаго развитія, поставили выборы въ такія условія, при которыхъ голосъ естественнаго психо-физическаго насилія не могъ-бы проявиться, то выборы оказались-бы совершенно неудачными, потому что верхъ одержалъ-бы самый безобразный формализмъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ соглашеніе было-бы конечно добровольнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неправильнымъ.

Итакъ, отсутствіе гарантій нравственныхъ правъ личности и верховенство самой грубой формы, т. е естественнаго насилія, не состоящаго подъ давленіемъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій, составляетъ норму выборовъ, отвѣчающую средѣ, не вышедшей изъ естественнаго состоянія.

Сдѣлаемъ теперь болѣе обоснованный переходъ отъ стадіи развитія естественнаго до дальнѣйшаго, имѣющаго на себѣ отпечатокъ дѣйствительно-человѣческихъ стремленій.

Разсуждая о естественномъ, не регулируемомъ сознательнымъ долгомъ стремленіи, мы не утверждаемъ,

что это послѣднее не имѣетъ почвы въ человѣческой природѣ, нѣтъ, самозависящая правдивость—та *нравственная сила, которая заставляетъ насъ складывать оружіе передъ жизненно-истиннымъ, и которой органъ находимъ, слѣдовательно, въ научномъ доказательствѣ а не въ естественномъ насиліи.* — Это вовсе не безсмысленная выдумка воображенія, а независимое бытіе, находящее своего зависимаго предмѣстника въ природѣ.

Предмѣстника этого находимъ въ сущности тяготѣнія психо-физическихъ стремленій организма. Помимо вѣрованій и убѣжденій, т. е. помимо сферы нравственной жизни, цѣли, составляющія объекты рѣшеній тѣхъ или другихъ жизненныхъ отношеній, составляютъ для насъ желательное и лучшее благо, и мы, въ сущности, стремимся къ нимъ даже безотчетно.

Напрасно мы бы утверждали, что взять или дать составляетъ наше естественное благо. *Нѣтъ, мы стремимся не къ тому, чтобы поработить всѣхъ или же собою жертвовать всѣмъ, а къ тому, чтобы взять, что слѣдуетъ, и дать, что слѣдуетъ.* Вотъ гдѣ сущность человѣческой природы. — Мы, слѣдовательно, даже естественно не стремимся, въ сущности, къ грабежамъ и жертвамъ, *а къ соглашенію данныхъ отношеній.* — Объекты этихъ соглашеній или сочетаній и составляютъ жизненно-истинное, которое, точно также дорого естественному, необезпеченному — зависящему,

какъ и нравственному — обезпеченному, самозависящему стремленію.

Если сильнѣйшій индивидъ шимпанзе не отнимаетъ у слабѣйшаго сочлена того, что этимъ послѣднимъ добыто, но свою добычу отстаиваетъ съ остервенѣніемъ, то дѣйствуетъ въ такомъ случаѣ, конечно, не по долгу, а по природѣ. Природа, въ лицѣ своихъ низшихъ организмовъ, остановилась на большихъ или меньшихъ, двоякаго порядка, ошибкахъ — крайностяхъ, совершенно также, какъ и родъ человѣческій, въ своемъ, напр., законодательствѣ, прошелъ рядъ двоякаго порядка фальшивыхъ положеній; но въ высшихъ своихъ созданіяхъ, она видимо тяготѣетъ къ согласованію наступающаго и уступающаго стремленія, а, наконецъ, въ лицѣ рода человѣческаго, эта сущность естественнаго тяготѣнія очень явственна. Она-то и есть предмѣстникъ нравственной, самозависимой человѣческой жизни.

Личность, которой ни природа, ни общество не ранили, а лелѣяли — это бываетъ такая естественная красота, о которой трудно, безъ нѣкотораго смущенія, подумать. Но она безсильна; она гибнетъ отъ легчайшаго вѣтерка несчастія и неправды. Итакъ, вотъ онъ, тотъ предмѣстникъ нравственной самостоятельности, который не хочетъ гибнуть, который, подъ натискомъ боли, тайны и неправды, не хочетъ измѣнить источнику, озарившему его лучемъ святости. Онъ ищетъ внутреннихъ и внѣшнихъ гарантій

своихъ жизненно-истинныхъ стремленій, онъ пускаетъ для этого въ ходъ оба элемента своихъ силъ и способностей — центробѣжный и центростремительный— и, соединяя ихъ проводникомъ сознанія въ научно и фактически добываемыхъ истинахъ, становится уже тою гордою благомъ и увѣренною въ своей субъективной самостоятельности нравственною силою, которая, познавши цѣли истины, не уступаетъ ни передъ угрозами, ни передъ приманками жизни, и изъ борьбы съ верховенствомъ природы выходитъ побѣдоносно. Это, слѣдовательно, та самая сущность естественнаго тяготѣнія, которая, начавъ независимо защищать должное, перешла изъ положенія подчиненнаго велѣніямъ природы въ положеніе этими велѣніями руководящее.

Да, міръ — почва, мастерская другаго міра самозависимаго.

Итакъ, напрасно бы мы думали, что въ мірѣ феноменовъ — явленій и въ фактѣ выборовъ, производимыхъ средою первобытною — о чемъ шла рѣчь— можетъ происходить сочетаніе двухъ естественныхъ элементовъ внѣ ихъ тяготѣнія къ исходамъ жизненно-истиннымъ. Нѣтъ, *тяготѣніе это*, въ той или другой степени, всегда имѣетъ мѣсто: безъ него невозможно ни одно жизненное сочетаніе, *оно именно и составляетъ причину жизни;* но въ природѣ и въ случаѣ, о которомъ мы говорили, сочетаніе это не за-

виситъ отъ самого себя, какъ отъ причины. Оно не перешло еще тамъ въ намѣренную и самозависимую защиту того исхода, который казался даннымъ личностямъ надлежащимъ, вслѣдствіе чего, какъ не выдѣлившееся самостоятельно изъ естественныхъ стремленій, не можетъ быть принимаемо въ разсчетъ, въ значеніи отдѣльной причины.

На дальнѣйшей же, т. е. на дѣйствительно-человѣческой ступени развитія является независимая защита тѣхъ исходовъ, которые кажутся даннымъ личностямъ надлежащими, а слѣдовательно встрѣчаемъ здѣсь взаимодѣйствіе стремленій естественнаго на стремленія нравственнаго порядка. Имѣя передъ собою это взаимодѣйствіе, переходимъ изъ міра жизненныхъ феноменовъ въ міръ человѣческихъ поступковъ, изъ міра, въ которомъ невозможно было выдѣлить существенное тяготѣніе элементовъ жизни, въ міръ „человѣческаго“, въ міръ, въ которомъ нравственное стремленіе представляетъ собою *уже выдѣленную* и самостоятельно-функціонирующую *жизненную причину*. Руководящая стремленіями, мыслями и чувствомъ — а слѣдовательно и внѣшними отправленіями — природа входитъ здѣсь въ компромиссъ съ претендующею на руководительство нравственною силою. Человѣкъ — выразитель естественнаго тяготѣнія элементовъ жизни — встрѣчается здѣсь съ человѣкомъ, представляющимъ собою уже самозависящую

защиту этого самаго тяготѣнія въ томъ его характерѣ, который ему кажется истиннымъ. Причина жизни, выраженная въ автоматическихъ созданіяхъ, встрѣчается съ причиной жизни, выраженной нами,— нашею любовью и благоговѣніемъ передъ цѣлями жизненно-истиннаго. И вотъ почему, въ данномъ случаѣ, напр., выборовъ, природа, исходя отъ естественныхъ влеченій, можетъ стоять за одинъ ихъ исходъ; она стремится лишь къ тому, что соглашаетъ ихъ желанія и опасенія — мы же, исходя отъ данныхъ вѣрованій и убѣжденій, стоять можемъ — несмотря на эти естественнаго порядка желанія и опасенія — за другой исходъ. Намъ было бы напр. пріятно избрать нѣкоего А., но мы можетъ быть одновременно убѣждены, что право принадлежитъ В. — Долгъ входитъ здѣсь въ сочетаніе съ природою.

Убѣжденія и вѣрованія могутъ быть ошибочны — и вотъ они восполняются указаніями естественнаго порядка, и обратно.

Здѣсь-то находимъ, между прочимъ, причину того застоя, тѣхъ уродливыхъ творческихъ, правовыхъ и нравственныхъ порядковъ, жертвою которыхъ было человѣчество въ продолженіе неизвѣстнаго ряда столѣтій. — Человѣческій геній все это время напрасно старался опередить самого себя, давая вовсе несогласнымъ съ жизненною истиною убѣжденіямъ и вѣрованіямъ слишкомъ широкій просторъ, во вредъ ука-

заніямъ естественнаго голоса и его приговоровъ. Встрѣчая на этомъ пути жизненныя невозможности, человѣчество бросилось въ другую крайность — въ обоготвореніе животной стороны жизни. Въ такого рода борьбѣ то съ значеніемъ событій, то съ значеніемъ мысли — прогрессъ былъ очевидно насилуемъ то событіями — естественными влеченіями и приговорами силы, то скороспѣлыми понятіями долга.

Казалось-бы, что можетъ быть лучше, какъ воспрепятствовать дѣлу насилія? На дѣлѣ же выходило, что ошибочные общественные, индивидуальные и другіе порядки хуже насилія. Или, что можетъ быть пріятнѣе, какъ, отрѣшившись отъ всякаго служенія идеѣ — долгу, броситься въ объятія животной жизни? На дѣлѣ же оказывалось, что борьба въ обществѣ, творчествѣ и душѣ — слишкомъ невыносима и безсодержательна.

Да, здѣсь двѣ крайности: права естественной и права нравственной жизни, права насилія и права доказательства. — Существенное отрицаніе того или другаго двигателя — безсмысленно; крайности идеализма и матеріализма — пусты.

Но мы окончательно спасаемся отъ противорѣчивыхъ приговоровъ метафизики, какъ скоро понимаемъ, что и за силою, т. е. зависимою побѣдою, и за долгомъ, т. е. за побѣдою независимою, нужно признать, *въ разсчетахъ дѣйствительной жизни*, долю права, и что *единеніе этихъ двигателей, составляющее двигатель дѣй-*

ствительно-человѣческій, находится въ ихъ отношеніи, управляемомъ степенью развитія личностей.

Вотъ гдѣ почва сочетанія метафизическихъ теорій, загородившихъ дорогу человѣческому дѣлу, съ существенной его стороны.

Итакъ, изслѣдованіе привело насъ къ моменту, когда находимъ въ немъ свѣтъ, разъясняющій намъ міръ идеально-совершеннаго развитія, что дозволитъ намъ заняться пріисканіемъ отвѣчающей этому идеалу нормы выборовъ.

Если въ природѣ и, вообще, въ низшихъ организмахъ сущность естественнаго тяготѣнія невыдѣлима; если въ мірѣ человѣческомъ можемъ ее встрѣчать уже выдѣленною, и если эта выдѣлившаяся нравственная жизнь должна тѣмъ болѣе подчиняться приговорамъ естественнаго тяготѣнія, чѣмъ меньшими гарантіями правильности своихъ приговоровъ она располагаетъ, то отсюда ясно, что, какъ скоро наука въ состояніи сформулировать сущность естественнаго тяготѣнія (для данныхъ индивидуумовъ и въ данныхъ жизненныхъ отношеніяхъ), то права науки, составляющей факторъ нравственныхъ приговоровъ, дѣлаются, по отношенію къ основной сторонѣ жизненныхъ задачъ. верховными. Въ этой, т. е. въ основной сферѣ, не требуемъ уже совѣтовъ естественныхъ стремленій и событій, но полагаемся на научныя доказательства, или, вѣрнѣе, на основы научныхъ доказательствъ,

на которыя опираясь, можемъ отыскивать жизненно-истинное.

Здѣсь-то именно, а не въ торжествѣ котораго-нибудь изъ метафизическихъ міровоззрѣній и стремленій, находимъ моментъ того великаго переворота въ положеніи науки и человѣческой судьбы, переворота, въ которомъ, съ позиціи ошибочнаго вмѣшательства, или же ошибочнаго невмѣшательства, а слѣдовательно, съ позиціи зависимости отъ явленій — напримѣръ только общественнаго міра — переходимъ на позицію, руководящую этими явленіями.

Передъ нами та новая эра, въ которой основныя ошибки не убиваютъ ни субъективной, ни объективной стороны человѣческихъ совершенствованій.

Но это еще не будетъ безусловный идеалъ человѣческаго совершенства, потому что задача о гарантіяхъ субъективнаго, объективнаго и общественнаго торжества жизненной истины разрѣшена здѣсь только съ основной своей стороны. Тяготѣніе природы (въ своей сущности) и указанія науки не разнятся здѣсь только въ основахъ. Но, допустивъ возможность разрѣшенія и технической стороны жизненной задачи, мы бы имѣли передъ собою безусловный идеалъ человѣческаго совершенства, т. е. тотъ уровень торжества науки, на которомъ знаемъ не только основы, по которымъ отыскивается жизненно-истинное, а рав-

нымъ образомъ основы безошибочныхъ фактическихъ рѣшеній.

Итакъ, мы разсмотрѣли жизненную задачу — природу; основное разрѣшеніе этой задачи — руководствующееся главнымъ образомъ указаніями науки человѣчество, и разрѣшеніе ея идеальное — тождественное съ разумомъ, отъ котораго исходитъ постановка жизненной задачи.

Здѣсь стоимъ, конечно, передъ Творцемъ, т. е. передъ самозависящимъ міромъ, въ которомъ оба тяготѣнія: естественное и нравственное — невыдѣлимы, потому что они тамъ тождественны безусловно, т. е. сопричинны. Да, Творецъ, природа и человѣчество — это причина, средство и цѣль; это одинъ совершенствующійся кругъ жизни, въ которомъ цѣль переходитъ къ началу, а начало ищетъ дальнѣйшихъ цѣлей.

Итакъ, понимая, что́ называется идеальнымъ развитіемъ человѣческой личности, подыщемъ норму выборовъ, которая къ нему относится.

На самыхъ низкихъ ступеняхъ человѣческой культуры возможенъ былъ вѣсъ самаго грубаго порядка формальностей; онъ боролся тамъ съ крайне ошибочными стремленіями нравственными, т. е. исходящими отъ ошибочныхъ вѣрованій и убѣжденій указаніями. Вѣсъ такого порядка формальностей гарантировалъ тамъ вліяніе приговоровъ естественной силы; здѣсь-

же стремленія естественное и нравственное, природа и наука, вышли изъ стадіи уклоненій: ихъ приговоры тождественны, вслѣдствіе чего, равнымъ образомъ, формальности, дающія вѣсъ голосу природы, какъ неприкосновенность, дающая вѣсъ голосу науки—должны быть совершенны. А норма, представляющая собою сочетаніе идеально-совершенныхъ факторовъ формы съ факторами неприкосновенности, будетъ неминуемо отвѣчать идеально-развитой избирательной средѣ.

Гарантіи этихъ идеально-совершенныхъ правъ силы и довода — тождественны между собою, т. е. остаются только тѣ формальности, которыя способствуютъ фактическому обоснованію жизненно-истиннаго. Условія эти находимъ, очевидно, въ нормѣ единогласія, которая, вслѣдствіе этого, и отвѣчаетъ уровню идеальнаго развитія.

Итакъ, верховенство формы и неприкосновенности, — насилія и единогласія, какъ отвѣчающія вовсе не человѣческой, а двумъ логически-возможнымъ стадіямъ человѣческаго развитія, — въ дѣйствительной жизни непримѣнимы.

Теперь прослѣдимъ нѣсколько ближе посредствующія звенья.

Если, въ виду даннаго несовершенства и естественныхъ и нравственныхъ приговоровъ, ни верховенство формы, а слѣдовательно, и насилія, ни верховенство единогласія, а слѣдовательно, и довода — неумѣстны,

то изъ этого еще не слѣдуетъ, что изъ посредствующихъ нормъ долженъ быть устраненъ или вѣсъ формы, или же вѣсъ единогласія, и что, вслѣдствіе этого, нормы эти представлять должны или смягченный вѣсъ формальностей или умаленный, стѣсненный вѣсъ единогласія. — Верховенство, напр., государства и верховенство свободы тоже вѣдь невозможны; но можно-ли вывести отсюда заключеніе, что не нужно государство, или ненужна свобода? Нѣтъ, логическое заключеніе выразится здѣсь только тѣмъ, что относительное значеніе факторовъ принужденія и факторовъ убѣжденія должно идти въ уровень съ зрѣлостію относительныхъ личностей или общества. И точно также, если ни верховенство гарантій правъ силы, ни правъ неприкосновенности невозможно, то отсюда можемъ заключить только то, что возможно и желательно такое относительное ихъ значеніе, какое будетъ стоять на одномъ уровнѣ съ развитіемъ избирающей среды.

Вотъ почему норма, напр., правъ большинства, какъ арена торжества смягченнаго насилія, несоставляющая, поэтому, равнозначущаго сочетанія гарантій правъ силы съ гарантіями правъ довода, не отвѣчаетъ требованіямъ практической жизни, какъ не отвѣчаетъ имъ единогласіе того или другаго типа.

Смягченныя гарантіи правъ силы, это еще все-таки не гарантіи правъ науки. Онѣ могутъ, временно, исторгнуть собирательную волю изъ крайностей по-

клоненія тѣмъ или другимъ теоріямъ и вѣрованіямъ, но, въ свою очередь, ввергаютъ ее въ поклоненіе насильственному перевѣсу.

И то же самое, проведи мы вмѣсто смягченной нормы естественной побѣды, т. е. вмѣсто правъ большинства, смягченныя гарантіи нравственной побѣды, т. е. исходящее, напр., отъ олигархіи единогласіе, то слѣдствіемъ верховенства этого и всякаго другаго единогласія будетъ, неминуемо, торжество началъ вѣры и умозрѣнія.

Верховенство всѣхъ типовъ единогласія также точно поглощаетъ приговоры силы, какъ верховенство всѣхъ типовъ формы поглощаетъ приговоры науки. Тамъ, общество превратилось бы въ фанатиковъ, глухихъ на указанія жизненнаго опыта, здѣсь же — въ аферистовъ, глухихъ на указанія философіи. Тамъ погоня за руководительствомъ жизнью поглотила бы прогрессъ, потому что руководительство не надлежащее заковываетъ человѣческія силы; здѣсь же, привычка подчиняться естественному перевѣсу изгоняетъ человѣчность, потому что неподчиняющіяся велѣніямъ истины человѣческія силы предаютъ, фактически, слабѣйшаго сильнѣйшему.

Нѣтъ, не смягченіемъ верховенства государства или верховенства свободы, а раздѣленіемъ этого верховенства, дающимъ въ результатѣ сочетаніе этихъ факторовъ, приходимъ къ правильной общественной

жизни, и, точно также, отвѣчающее уровню общественной зрѣлости сочетаніе гарантій правъ силы и правъ науки приводитъ насъ къ дѣйствительно научной нормѣ единичнаго выраженія собирательной воли въ дѣлѣ ихъ выборовъ.

XIII.

ИСТОРІОЗОФИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ВОПРОСУ О НАУЧНОМЪ СТРОЕНІИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ.

Читатель замѣчаетъ, что изслѣдованія наши о научномъ строеніи государства подвигаются къ окончательному своему моменту. Найти норму рѣшающаго голоса собирательной воли, это значитъ разрѣшить задачу о строеніи центробѣжнаго элемента государства. Останется, слѣдовательно, только вопросъ о нормахъ сочетанія обоихъ элементовъ, который легко будетъ разрѣшить аналогическимъ путемъ. Строеніе бюрократическаго центробѣжнаго элемента насъ почти не занимаетъ въ этомъ трудѣ, потому что вопросъ этотъ, хотя и не изслѣдованъ тщательно наукой, но довольно простъ. Строеніе же элемента центробѣжнаго оставляло человѣческую мысль въ недоумѣніи. Для всѣхъ было очевидно, что народъ, въ извѣстной степени, самъ долженъ нести отвѣтственность по направленію своею государственною судьбою; но какимъ

образомъ заправленіе это сдѣлать органомъ блага, а не тѣхъ или другихъ интересовъ и самолюбій, и какимъ образомъ философски и практически авторизировать это заправленіе,—объ этомъ хотя и помышляли, но успѣхъ не былъ достигнутъ.

Разъ-же разрѣшимъ эту краеугольную задачу государственнаго строенія, сочетаніе воли престола съ народной волею будетъ обезпечено.

Совершенно такимъ-же образомъ сдѣлается возможнымъ сочетаніе государства съ товариществомъ и вообще принудительнаго теченія общественной жизни съ теченіемъ, ее доказывающимъ.

Отъ этого, слѣдовательно, зерна государственнаго вопроса, рѣшеніе котораго укажетъ научную почву междучеловѣческаго соглашенія, идутъ уже здоровыя вѣтви, охватывающія весь общественный организмъ.

Итакъ, въ виду рѣшительнаго момента нашихъ изслѣдованій, мы остановимся на добытыхъ нами касательно строенія собирательной выборной единицы положеніяхъ и обобщимъ нашу задачу.

Мы нашли нормы, отвѣчающія двумъ крайнимъ уровнямъ развитія, потомъ успѣли доказать, что, по отношенію къ даннымъ, дѣйствительно-жизненнымъ случаямъ, оба элемента этихъ нормъ неисключимы, и что, слѣдовательно, въ виду посредствующихъ ступеней общественнаго развитія, задача будетъ состоять только въ надлежащемъ сочетаніи вѣса гарантій

правъ силы, т. е. вѣса формы, съ вѣсомъ гарантій правъ нравственныхъ, т. е. съ вѣсомъ единогласія.

Далѣе — неоспоримо, что нормы этихъ сочетаній должны отвѣчать степени зрѣлости среды.

И наконецъ, становится для насъ понятнымъ то, что задачу объ этой соотвѣтственности разрѣшить можно не-иначе, какъ отыскивая генетическіе типы этихъ сочетаній. Послѣ этого останется только отнести ту или другую типическую норму къ соотвѣтствующему уровню общественнаго развитія.

Для разрѣшенія этой задачи, вопросъ о строеніи собирательной воли въ дѣлѣ выборовъ — слишкомъ частный, а потому и неудобенъ, намъ же нужно убѣдить не себя, а читателя, вслѣдствіе чего и воспользуемся въ настоящемъ случаѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что изслѣдованіе наше о нормѣ выраженія собирательной воли приняло болѣе общій характеръ, почему и отнесемъ его не къ вопросу о выборахъ, а къ самому общему отправленію собирательной воли, и именно, къ отправленію законодательному. Выборы составляютъ, очевидно, только одинъ изъ частныхъ случаевъ рѣшеній собирательной воли вообще.

Конечно, возможно, равнымъ образомъ, пріискать равносильную норму, не относя ее ни къ данному уровню общественной зрѣлости, ни къ данному отправленію; а потомъ уже, руководствуясь добытыми началами съ одной стороны, а особенностями частнаго

случая и уровня зрѣлости съ другой, обрисовать норму по ея примѣненію; но это путь длинный, который въ настоящемъ трудѣ долженъ быть обойденъ.

Итакъ, мы предпочитаемъ разрѣшить опредѣленную задачу, имѣющую наиболѣе общій характеръ, и рѣшить ее по отношенію къ тому уровню общественной зрѣлости, который начинается съ момента торжества критерія, руководящаго объектами жизненноистинныхъ междучеловѣческихъ отношеній.

Этотъ путь кажется намъ самымъ удобнымъ, и вотъ ему-то мы и довѣримся.

Если избирательство составляетъ только частный случай вообще рѣшающаго отправленія собирательной воли, то ясно, что все сказанное нами о началахъ строенія выборной единицы примѣнимо и здѣсь, и что, слѣдовательно, передъ нами остается только изслѣдованіе о типахъ сочетанія двухъ элементовъ научнаго строенія собирательной единицы, т. е. гарантій правъ силы съ гарантіями правъ довода.

Бросимъ свѣтъ на эту задачу путемъ историческаго подбора.

Помимо всѣхъ теорій, вопросъ о нормахъ единичнаго выраженія собирательной воли рѣшала постоянно, такъ или иначе, историческая практика. Подобно тому, какъ единеніе государственныхъ началъ не есть пустая выдумка ума, а истекаетъ прежде всего изъ человѣческой природы и тѣхъ задачъ, которыя должна

разрѣшать правительственная дѣятельность; точно также практическая необходимость руководила постоянно и дѣломъ сочетанія, элементовъ государственной воли, и дѣломъ сочетанія элементовъ занимающаго насъ теперь строенія сеймовой нормы.

Конечно, историческая практика не могла выработать строго надлежащихъ рѣшеній по этимъ вопросамъ, потому что жизнь, неруководимая зрѣлыми указаніями науки, совершаетъ свой путь въ колеблющихся между двумя умаляющимися крайностями уклоненіяхъ, но во всякомъ случаѣ, къ торжеству единенія тяготѣетъ этотъ историческій путь.

Точно также, всматриваясь въ исторію нормъ единичнаго выраженія собирательной воли, замѣчаемъ борющіяся между собою двѣ нормы: одну, въ которой вѣсъ нормальностей не имѣетъ никакого значенія, а все зависитъ отъ добровольнаго согласія сторонъ (аристократія), и другую, въ которой удовлетвореніе тѣмъ или другимъ формальностямъ ставитъ въ зависимость рѣшающее значеніе воли даннаго собранія (демократія). Наконецъ удается намъ подмѣтить, что первыя нормы торжествуютъ одновременно съ торжествомъ аристократизма, стремящагося къ расширенію вѣса нравственной воли, опирающейся на вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ; вторыя же берутъ верхъ, паралельно съ побѣдами демократизма, защищающаго вѣсъ естественнаго воздѣйствія. По мѣрѣ того,

какъ центробѣжное государственное теченіе оставалось въ рукахъ самыхъ сильныхъ слоевъ общества, юридическій вѣсъ формальностей падалъ, оставляя мѣсто лишь соглашенію сторонъ. Аристократія, не терпя насилія личности, старалась усиливать гарантіи неприкосновенности единичной воли, а слѣдовательно и отстоять единогласіе. Демократія же, вступая въ складъ сеймовой единицы, боролась съ нравственною самостоятельностью личности, ставя на ея мѣсто формальности, въ родѣ правъ большинства и т. п., оберегающія вѣсъ естественнаго тяготѣнія силъ и способностей.

Неоспоримо также, что предоставленіе представительнаго поприща наисильнѣйшимъ слоямъ и упраздненіе вѣса формальностей, какъ критерія, рѣшающаго значенія воли, дорого обходилось человѣческому обществу, но дорого именно потому, что регулированіе центростремительнаго теченія государственности, предоставленное только немногимъ, рискованно для этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего оно недостижимо внѣ огромныхъ юридическихъ и фактическихъ шансовъ.

Расширеніе-же представительнаго поприща на всѣхъ и компетентныхъ, и не компетентныхъ, въ дѣлѣ общественной и государственной науки, и одновременное торжество формальностей, хотя и не сопряжено съ юридическими прерогативами, но зато открываетъ *фактическіе шансы* передъ сильнѣйшими, которые, съ

помощію формальностей, успѣваютъ отстаивать зависимую сторону интересовъ верхняго слоя.

Наконецъ, историческій ходъ этихъ уклоненій убѣждаетъ насъ, что ни одна изъ этихъ двухъ нормъ не получила надъ другой перевѣса, и что, напротивъ, обѣ онѣ, такъ сказать, совершенствовались въ смыслѣ все большей и большей сочетаемости.

Здѣсь-то и находимъ неоспоримое историческое доказательство того главнаго нашего, по этому вопросу, положенія, что ни единогласіе, ни формальности не подлежатъ упраздненію, но что онѣ должны найти въ искомой нормѣ самостоятельное, восполняющее ихъ недостатки, мѣсто.

Обращаемъ вниманіе читателя на положеніе, которое мы защищали, говоря о расширеніи политическихъ привилегій, а именно, что участіе нижняго слоя въ дѣлѣ сейма не доказываетъ еще, что сеймъ—органъ демократіи. Здѣсь это наше положеніе получило полную доказательность. Вѣсъ формы въ представительномъ собраніи дѣйствительно разсчитанъ на возможную защиту правъ силы естественной, но интелигентный слой той-же самой сеймовой единицы непремѣнно употребитъ этотъ вѣсъ на защиту своего дѣла. Демократія же, внѣ элемента опеки, останется все-таки безъ защищающаго ея дѣло органа. Права́ слабѣйшаго въ обществѣ человѣка будутъ непремѣнно забыты. Аристократіи до нихъ какъ будто нѣтъ дѣла.

Она занята руководительствомъ и прогрессомъ. Дѣло же увѣщанія, помощи, охраны и, вообще, демократическое поприще дѣятельности всегда было и будетъ подъ защитою главнаго элемента государственнаго организма, т. е. трона.

Итакъ, сочетаніе формальностей и единогласія истекаетъ не только изъ неизбѣжности предоставленія поприща и естественнымъ, и нравственнымъ стремленіямъ сеймовой среды, что мы уже доказали выше, но равнымъ образомъ—изъ неизбѣжности расширенія политическихъ привилегій.

Теперь разсмотримъ строеніе сеймовой единицы по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, какіе рѣшаетъ законодательное отправленіе сейма.

Вопросы, подлежащіе рѣшенію психическихъ силъ, могутъ быть такого рода, что достаточно пустить въ ходъ внѣшній ихъ процессъ. Для разрѣшенія другихъ, достаточна дѣятельность ихъ внутренняя. Итакъ, обсудимъ, какого рода психическихъ силъ требуетъ рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ, и примемъ это за основаніе, которое намъ укажетъ не только элементы строенія сеймовой единицы, но и нормы сочетанія этихъ элементовъ.

Если окажется, что для отысканія объектовъ общественной правды нужно равносильное отношеніе центробѣжныхъ и центростремительныхъ нашихъ способностей, и притомъ отношеніе, отвѣчающее на-

шей зрѣлости, то будемъ имѣть еще одно доказательство того, что гарантіи правъ силы и довода должны войти съ собою въ сочетаніе, отвѣчающее зрѣлости среды, и откроемъ себѣ вѣрный путь къ окончательному рѣшенію этой задачи.

Итакъ, что такое законодательное отправленіе? Это та правительственная дѣятельность, съ помощью которой отыскиваемъ нормы исходовъ правовыхъ отношеній и тѣ пути, которые обезпечиваютъ достижимость этихъ исходовъ. Государство обдумываетъ здѣсь цѣли и почву нравственной, творческой и общественной дѣятельности. Мы уже доказали, что сфера государства обозначается границами незрѣлости товарищества. Наконецъ, старались выяснить, что правовая стоимость личности составляетъ основное начало, управляющее измѣненіемъ и почвы, и цѣлей человѣческой дѣятельности, вслѣдствіе чего цѣли и почва междучеловѣческихъ отношеній, пригодныя, напр., для французовъ, непригодны для нѣмцевъ.

Пока этотъ основной критерій надлежащихъ мотивовъ, средствъ и цѣлей былъ отвергаемъ, до тѣхъ поръ законодательная дѣятельность могла не быть проявленіемъ эквивалентнаго сочетанія человѣческихъ способностей, а это потому, что если рѣшеніями законодательныхъ задачъ заправляетъ та или другая принятость, если, однимъ словомъ, критеріи внутренняго или внѣшняго порядка уже даны, то законода-

тельныя задачи, исходя отъ этихъ критеріевъ, будутъ рѣшаемы или чисто-внутреннимъ, или же однимъ внѣшнимъ процессомъ нашихъ способностей. Не допускается здѣсь, что основаніемъ законодательства должны быть дѣйствительныя и надлежащія потребности гражданъ и общества, и что критеріемъ этого законодательства не можетъ быть ничто иное, какъ правовая стоимость личности, потому что она указываетъ эти потребности.

Указанія и правила, относящіяся не къ данной, а къ общечеловѣческой природѣ, т. е. непринимающія въ разсчетъ ея совершенствованій, или же указанія и правила, исходящія отъ государства и церкви, поглощаютъ здѣсь научный критерій.

Но указанія и правила, исходящія отъ науки о человѣческой природѣ вообще, хотя и приложимы къ жизни, но уродуютъ ее, потому что законодательство имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ и обществомъ *вообще*, а съ *данными* гражданами и обществомъ, а это, если не основная, то фактическая разница. Невозможно же двумъ личностямъ, изъ которыхъ одна воспитана какимъ-нибудь животнымъ, а другая распоряжается плодами многовѣковыхъ трудовъ человѣчества, назначать за одинъ и тотъ-же поступокъ одно и то-же наказаніе, награду и т. п., — требовать отъ нихъ одинаковой стойкости въ исполненіи того, что сами считаютъ хорошимъ, и вообще ставить для нихъ однѣ и тѣ-же

нормы нравственной, естественной и общественной самостоятельности. Это было и есть для здраваго смысла совершенно понятно. Придумываніе, слѣдовательно, нормъ, относящихся къ человѣческой личности *вообще*, и невозможно, и неразумно.

Возможны только всеобщія начала, а не всеобщія нормы примѣненія этихъ началъ.

Точно также непосильны указанія и правила, исходящія отъ авторитета. Они имѣютъ сферу своего практическаго значенія, точно также какъ изслѣдованіе человѣческой природы вообще имѣетъ сферу своего теоретическаго значенія; но дѣйствительный путь, соединяющій общее съ частнымъ, для тѣхъ и другихъ — недоступенъ: этотъ дѣйствительный жизненный путь, въ своей основѣ, руководится не требованіями общаго или частнаго, а правовою стоимостію личности.

Итакъ, мы поговоримъ здѣсь о критеріяхъ, предлагаемыхъ общественными органами мысли, т. е. государствомъ и товариществомъ, и о критеріяхъ, ставимыхъ общимъ и частнымъ теченіемъ естественнаго хода событій.

Каждый изъ элементовъ государства предлагаетъ намъ другой критерій.

Аристократіи-идеализму показалось, что такъ какъ законъ дѣйствительно не можетъ быть для всѣхъ равенъ, то значитъ, что измѣненіемъ его нормъ

управляетъ общественная заслуга. Отсюда привилегіи наслѣдственнаго и ненаслѣдственнаго порядка. Онѣ-то и стали для этого міровоззрѣнія критеріемъ, съ помощію котораго различали сферу поддержки и помѣхи, слѣдующую тѣмъ или другимъ личностямъ. Либералы расширили привилегію на циклъ обладающихъ талантами и знаніями, и наконецъ — индивидуалисты придвинули это направленіе къ крайности, ставя въ характерѣ привилегіи вообще объективное могущество, безъ всякаго отношенія къ субъективной стоимости личности. Такимъ-то образомъ вышло, что заслуги предковъ, таланты, достоянія и т. п., выступая въ значеніи критерія правъ личности, ставили преграды дѣйствительно-надлежащимъ соціальнымъ отношеніямъ. Трудъ и нравственное мужество — оказались здѣсь или совершенно лишнимъ, или непосильнымъ факторомъ въ борьбѣ съ фатальными преградами родовыхъ, интеллектуальныхъ и имущественныхъ преимуществъ. Конечно, богатство легче пріобрѣсти, нежели знанія; знанія легче — нежели гербы, но во всякомъ случаѣ, правомѣрная, въ данной задачѣ, личность встрѣчала, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ привилегій, помѣху тамъ, гдѣ должна была получить слѣдующую ей поддержку.

Неоспоримо, что тѣ или другіе критеріи человѣческой стоимости, предлагаемые центробѣжнымъ элементомъ государства, а слѣдовательно нравственнаго,

экономическаго и политическаго порядка привилегіи имѣли и имѣютъ огромное практическое значеніе для правильнаго хода общественной жизни; но дѣло въ томъ, что онѣ только исходятъ изъ государственныхъ выраженій основнаго критерія правъ личности, а не составляютъ самаго этого критерія. Непониманіе этого критерія съ одной стороны, а вырастающія на этомъ непониманіи практическія необходимости—съ другой, дали начало тѣмъ или другимъ привилегіямъ, которыя и восполняли недостатки руководительства разумнаго; но онѣ не служатъ замѣною этимъ послѣднимъ.

Въ иномъ смыслѣ рѣшили этотъ вопросъ демократы-консерваторы-соціалисты. Для нихъ тоже было очевидно, что одинъ и тотъ-же исходъ не можетъ быть пригоденъ для различной стоимости личностей. И вотъ они, вмѣсто того, чтобы оцѣнять эту личность, сдаютъ это дѣло на волю трона. Имъ ненужны юридическія-легальныя привилегіи: общественная, экономическая и нравственная автономія личности ничѣмъ здѣсь не гарантирована и не обозначена, а дѣло оцѣнки личности выражается исходящими отъ центростремительнаго элемента государства полномочіями. И вотъ, демократически-консервативное теченіе ставитъ правовую судьбу личности въ зависимость не отъ легитимныхъ основаній и привилегій, а отъ усмотрѣній администраціи и ранговъ. Тамъ личность непривилегированная никѣмъ не уважается, и она не въ состояніи бороться

съ легальными принятостями, тормозящими ея экономическій, политическій и нравственный прогрессъ; здѣсь-же личность нечиновная пренебрегается: путь ея карьеры юридически не загражденъ, но фактически невозможенъ.

Итакъ, гербъ — тысячи лѣтъ стоитъ противъ чина и споритъ о первенствѣ. Борьба эта разрѣшалась такимъ образомъ, что привилегіи съ ценза родоваго дѣлались личными, съ ценза заслуги переходили на цензъ образованности, богатства, совершеннолѣтія и т. п. Ранги же, чины, ордена и т. п., съ нормъ, наиболѣе удручающихъ нечиновную среду, переходили къ нормамъ болѣе смягченнаго порядка.

Оцѣнка, слѣдовательно, исходящая отъ государства, принимаетъ за основаніе юридическихъ и фактическихъ обязанностей личности или установленныя закономъ правила — это привилегіи, или же установленныя государственною волею различія — это ранги, ордера, чины и т. п.

Эти-то два государственныя рѣшенія вопроса о критеріѣ человѣческаго права имѣли передъ собою мыслители такъ называемой великой революціи.

Приговоры государственныхъ органовъ *убѣжденій* показались имъ безсмысленными, и они, вмѣсто того, чтобы придумать научное рѣшеніе, стали на сторонѣ *приговоровъ* общественныхъ *событій*.

Почему, спросили они, судьба личности должна

зависѣть отъ политическихъ, экономическихъ и нравственныхъ привилегій? Онѣ — дѣло прихоти законодателя — онѣ — достояніе, которое не можетъ переходить по наслѣдству. Гдѣ гарантіи, что на сторонѣ привилегированныхъ найдемъ тѣ труды, жертвы, мужество и способности, какія данная привилегія подразумѣваетъ?

Почему, — въ свою очередь, разсуждали искатели правъ человѣка, — общественная судьба личности должна зависѣть отъ усмотрѣній трона? почему всѣ не досмотрѣнныя добродѣтели будемъ обрекать на тяжкія условія обездоленной жизни, а выдавшіеся за добродѣтели пороки — поддерживать?

Эти и тысяча подобныхъ соображеній привели дѣятелей революціи къ отрицанію и привилегій, и ранговъ, и притомъ къ отрицанію абсолютному. Для нихъ казалось совершенно доказаннымъ, что воля указа и закона не можетъ составлять критерія человѣческой автономіи, т. е. тѣхъ шансовъ и обязанностей, какія числиться могутъ за данною личностью. Но гдѣ-же критерій въ такомъ случаѣ? *Чѣмъ докажемъ, что та нравственная, политическая и экономическая собственность, которою пользуемся, дѣйствительно принадлежитъ намъ по праву?* На этотъ вопросъ революція отвѣчаетъ, не разрѣшая, а зачеркивая самую задачу.

Для нея только то ясно, что закрѣпленія, исходящія и отъ закона, и отъ указа, ложны, откуда и

выводитъ заключеніе, что *критерія независимо-закрѣпляющаго* за данною личностью то или другое владѣніе или отношеніе, вовсе нѣтъ, и что затѣмъ или всѣ люди передъ закономъ абсолютно равны, т. е. безправны, или же всѣ люди имѣютъ право на все. Въ первомъ случаѣ, распредѣлителемъ общественныхъ благъ является общество (соціализмъ), во второмъ же—блага эти распредѣляются критеріемъ борьбы (опортунизмъ). Въ обоихъ же случаяхъ торжествуетъ отрицаніе той сферы данной личности, которая тождественна съ ея правомъ, а слѣдовательно неприкосновенна.

Но отвѣтимъ. Неужели все, чѣмъ мы пользуемся, принадлежитъ одновременно всѣмъ остальнымъ людямъ? Неужели только польза общества и личная сила составляютъ гарантію нашего достоянія? Неужели, въ моментъ, когда и мы безсильны, и общество въ насъ не нуждается, всякъ имѣетъ неоспоримое право посягнуть на наше нравственное, экономическое и политическое достояніе и жизнь?

Нѣтъ, насъ оберегаетъ, прежде всего, та сфера нашей личности, въ которой мы святы, *а это и есть сфера нашей* естественной и нравственной *зрѣлости* — наша, однимъ словомъ, *правомѣрность*. Она-то и есть критерій тѣхъ шансовъ и обязанностей, какіе составляютъ наше независимое право. А независимое потому, что основанный на нашей стоимости разсчетъ

шансовъ и обязанностей даетъ рѣшеніе истинное. А истина зависитъ только отъ себя самой.

Проводитъ же въ жизнь сферу своего права не только личность, но равнымъ образомъ государство и товарищество. Они замѣняютъ и усиливаютъ личность въ трудахъ ея по защитѣ своего права и долга, вслѣдствіе чего есть границы, въ которыхъ и привилегіи, и ранги, съ одной стороны, и критеріи, проводимые обоими элементами товарищества — съ другой, имѣютъ свое практическое основаніе.

Права же приговоровъ борьбы частнаго съ общимъ и частнаго съ частнымъ, которые навязываетъ намъ анархизмъ и соціализмъ, начинаются только тамъ, гдѣ ни научный, ни государственный, ни товарищескій авторитетъ — недѣйствительны.

Итакъ, если давность и приказъ не все еще рѣшаютъ, то изъ этого напрасно защитники авторитета событій поторопились вывести заключеніе, что они ничего не рѣшаютъ, и что даже не существуетъ критерія научнаго, который долженъ лечь въ основаніе ихъ рѣшеній.

Вотъ почему, хотя политическія и экономическія привилегіи представляются намъ въ историческомъ ходѣ, въ болѣе и болѣе смягченномъ видѣ, но въ степени, отвѣчающей зрѣлости общества, онѣ неизбѣжны. Не отмѣнимъ же мы привилегіи наслѣдственной собственности изъ-за того, что встрѣчаются личности, ко-

торыя, ни по образованію, ни по характеру, не правоспособны владѣть тою или другою собственностью. Нѣтъ, мы, въ виду ненадлежащаго распредѣленія экономическаго достоянія, только смягчаемъ рѣзкости экономическихъ привилегій, съ одной стороны, а лишаемъ правъ собственности людей вредныхъ, и себѣ, и обществу, съ другой. Преступленія всегда вели къ лишенію экономической привилегіи, въ той или другой степени. И точно также, невозможно безусловно отмѣнять привилегій политическихъ. Коммунизмъ политическій ничѣмъ не лучше коммунизма экономическаго. Экономическую привилегію, т. е. право наслѣдственной собственности расширяемъ, а не отмѣняемъ ее безусловно и, точно также, правомѣрное расширеніе и смягченіе рѣзкостей политической привилегіи составляетъ путь послѣдовательнаго государственнаго совершенствованія. — Отмѣна и смягченіе привилегій представляется не какъ правило, а какъ исключеніе, обусловленное фактами неправомѣрности.

Такимъ образомъ, вопросъ объ экономическихъ и политическихъ привилегіяхъ сводится только къ распознаванію уровня развитія общества вообще и данныхъ личностей, въ частности. — Дикое общество не двинется на путь прогресса, внѣ огромныхъ экономическихъ и политическихъ привилегій, незначительной части его членовъ, и точно также, даже на высшей сте-

пени развитія, общество не можетъ преуспѣвать въ сферѣ экономическаго, политическаго и религіознаго коммунизма. Отстаивать безусловно политическую и экономическую собственность, точно также безсмысленно и безполезно, какъ доказывать необходимость безусловной ихъ отмѣны.

Далѣе, на какомъ основаніи власть имѣетъ право закрѣплять, гарантировать и измѣнять права по отношенію къ наслѣдственному экономическому имуществу, а безправна, въ томъ же смыслѣ, по отношенію къ имуществу политическому, или почему она можетъ награждать деньгами, имѣніями и т. п., а не можетъ наградить орденомъ, чиномъ и т. п.? Отрицать это право абсолютно — значитъ вообще отрицать авторитетъ государства — но это немыслимо. Вотъ почему хотя мы сами въ настоящемъ трудѣ только тѣмъ и задаемся, чтобы, уменьшивъ вѣсъ основнаго критерія автономіи личности, разрѣшить этимъ безвыходныя международныя распри и государственныя неурядицы; но мы имѣемъ постоянно въ виду не только основную, но и техническую сторону задачи. Какъ скоро, слѣдовательно, дѣло касается этой технической почвы, то мы не признаемъ за научнымъ критеріемъ правъ и обязанностей личности главенства, такъ же точно какъ по вопросу объ источникѣ власти мы, на почвѣ дѣйствительности, не игнорируемъ элементовъ

государства, а только выдѣляемъ, соотвѣтственный зрѣлости общества, просторъ авторитету.

Слѣдовательно, не въ томъ дѣло, чтобы, распоряжаясь дѣйствительнымъ критеріемъ права, остановиться на верховенствѣ научнаго разсчета фактическихъ и юридическихъ отношеній, — наука не можетъ мечтать о безусловномъ верховенствѣ, — а въ томъ, чтобы провести научное основаніе для законодательной дѣятельности государства и товарищества, съ одной стороны, а для личной иниціативы — съ другой.

Итакъ, мы не слѣдуемъ примѣру мыслителей матеріалистическаго порядка, которые, не успѣвъ разрѣшить задачи, надъ которой вѣка трудилось человѣчество, сочли ее лишнею; и, также точно, не слѣдуемъ идеалистическому міровоззрѣнію, которое, въ томъ же случаѣ, не успѣвъ придти къ научному рѣшенію, довѣрило этотъ критерій исключительно государству. Нѣтъ, вмѣсто этихъ крайностей, признаемъ основное руководительство за наукою, предоставляя приговорамъ соглашенія и борьбы авторитетъ въ тѣхъ границахъ, какія соотвѣтствуютъ зрѣлости общества.

Если насъ, слѣдовательно, спросятъ, гдѣ критерій, съ помощію котораго отыскиваемъ юридическій и фактическій кругъ нашей автономіи, то мы не отвѣчаемъ въ смыслѣ зачеркнутой задачи: побѣда! — но ссылаемся на фактическую нашу стоимость. Если же насъ спрашиваютъ: кто отыскиваетъ и проводитъ

жизненно-истинные исходы нашихъ автономій, то отвѣчаемъ: отыскиваетъ ихъ и проводитъ не только научное рѣшеніе, но равнымъ образомъ и общество, и побѣды.

Если же все это вѣрно, если дѣйствительно въ основѣ приговоровъ общества и личности долженъ лечь принципъ правомѣрности, то отсюда уже ясно, что строеніе данной собирательной единицы должно быть таково, чтобы оцѣнка человѣческой личности была для нея возможна, т. е. строеніе это должно дать соотвѣтственный просторъ и доказывающему, и указывающему теченію способностей среды. Если бы законодательство основывалось только на критеріяхъ побѣдъ, давностей, милостей и т. п., тогда бы, дѣйствительно, достаточно было приговоровъ центробѣжнаго — мужескаго элемента способностей; если-бы оно исходило только отъ внутренняго чувства и разумѣнія, то въ свою очередь женскій — центростремительный элементъ психизма могъ бы занять удѣльное поприще; но, какъ скоро дѣло касается оцѣнки личности, то разрозненные внѣшніе и внутренніе пріемы разумѣнія оказываются недѣйствительными.

Да, какъ скоро допустимъ, что критерій рѣшенія тѣхъ или другихъ гуманитарныхъ вопросовъ — не въ стоимости личности, а внѣ ея, то неминуемо падаетъ задача о сочетаніи двухъ элементовъ цивилизаціи — автократическаго и аристократическаго, двухъ элемен-

товъ государственности — трона и сейма, а наконецъ и двухъ нормъ приведенія собирательной воли къ единичному выраженію: гарантій вѣса силы и гарантій вѣса довода; но какъ скоро онъ вѣренъ, то и задача о сочетаніи формальностей съ единогласіемъ поставлена нами вѣрно. Тогда-то именно эквивалентное отношеніе элементовъ жизни, стоящее вровень съ правовою стоимостію относительныхъ личностей, составитъ то, что называемъ дѣйствительною жизнью, и точно также соотвѣтствующее зрѣлости среды отношеніе элементовъ нормы рѣшающей воли данной собирательной единицы, составитъ то, что называемъ надлежащимъ ея строеніемъ.

Итакъ, характеристическая черта статутовъ Запада состоитъ вовсе не въ томъ, что находимъ въ нихъ перевѣсъ того или другаго элемента государства, а въ томъ, что они тамъ оба нейтрализированы. Все было сдѣлано для того, чтобы не только избавиться отъ верховенства тѣхъ или другихъ убѣжденій и вѣрованій, но даже — чтобы подчинить голосъ мысли голосу событій. Къ несчастію, однако, мѣсто ошибочныхъ нормъ давленія государственной и товарищеской собирательности заняло насиліе — не юридическое и нравственное, а — фактическое. Оно-то и выразилось въ обездоленіи слабѣйшаго въ обществѣ человѣка. Крайности государства и товарищества

уступили мѣсто крайностямъ юридическихъ и частныхъ побѣдъ.

Итакъ, убѣжденія и вѣрованія, въ лицѣ своихъ общественныхъ органовъ и строеній, были призваны, въ насильственныхъ переворотахъ, къ разсчету, и, ставъ передъ трибуналомъ невѣждъ, потерпѣли пораженіе основное, т. е. не успѣли отстоять ни данныхъ порядковъ, ни почвы авторитета убѣжденій вообще.

„Долой съ мудрствованіями о справедливости—объ объектахъ общественной истины и т. п.! — насилія укажутъ, при комъ право!“ Вотъ возгласъ, который слышится въ отрицательномъ этомъ вѣяніи.

Руководящій слой изъ-за расширенія экономическихъ и политическихъ привилегій, съ одной стороны, и изъ-за самостоятельности сейма—съ другой, началъ борьбу, но, не доискавшись критерія правъ личности, на мѣсто опеки поставилъ верховенство закона, на мѣсто же верховенства сейма — права численнаго большинства. Такимъ образомъ, апоѳеоза безправности и случая низвела и опеку, и сеймъ на почву дѣятельности театральную, фактическая же почва осталась за насиліемъ.

Конечно, юридическая арена нравственнаго, экономическаго и т. д. преуспѣянія была признана за всѣми. Личность выведена была изъ униженія считать себя орудіемъ тѣхъ цѣлей, въ установленіи которыхъ была безправна. Однимъ словомъ, открытъ

былъ, всѣмъ и каждому, доступъ юридическій, къ тѣмъ или другимъ благамъ. Къ несчастію, однако, нужно не только юридическое невмѣшательство, но равнымъ образомъ необходимо юридическое вмѣшательство обоихъ порядковъ, т. е. необходима и поддержка, и контроль личности. — Внѣ же поддержки и контроля фактическій доступъ къ тѣмъ или другимъ благамъ оказывается открытымъ только для насилія.

Итакъ, государство и товарищество, низведенное на степень органа, не убѣжденій, а событій, оказались безсильными въ виду крайностей частной инициативы. И вотъ почему близко то время, когда слабѣйшій человѣкъ, задавленный политическими, экономическими и семейными игроками, призоветъ передъ свой трибуналъ защитниковъ верховенства событій, а его приговоры, насколько не будутъ освѣщены рѣшеніемъ, не только государственной, но даже общественной задачи, грозятъ варварскими цѣпями *соціализма, т. е. другой крайностью того же верховенства событій, верховенства, въ которомъ личность будетъ уже не палачемъ, а орудіемъ общества.*

Революція дѣйствительно боролась не только за участіе общества въ дѣлѣ власти, но равнымъ образомъ и за свободу, т. е. за расширеніе сферы безконтрольныхъ отношеній, по отношенію къ сферѣ государственной; но поставленные ею принципы не разрѣшали этихъ вопросовъ, вслѣдствіе чего, только вре-

менно могли оказать благотворныя послѣдствія. Какъ скоро же уровень общественнаго самосознанія повысился, то оказалось, что абсолютное равенство передъ закономъ, рѣшающія права большинства и т. п. пріемы, которые временно годились для общества съ патріархальными міровоззрѣніями, сдѣлались источникомъ нравственнаго разложенія для обществъ, успѣвшихъ пріучиться къ философскаго порядка міровоззрѣніямъ. Эти-то, слѣдовательно, запоздалые пріемы революціонной мысли привели западныя общества къ стадіи отрицанія самостоятельныхъ правъ личности, а слѣдовательно и къ обоготворенію побѣды, какъ источника права, къ порядку государственному атомистическому, противъ котораго и выступаетъ, въ настоящее время, противовѣсъ, въ лицѣ комунаровъ. Споръ же между атомистическимъ и комунарнымъ воззрѣніемъ — это споръ между двумя низостями, которыя борются съ самостоятельностью правъ личности, а слѣдовательно съ вѣсомъ убѣжденій и вѣрованій. Одна изъ этихъ низостей въ насиліи личности, другая же въ насиліи общества — видитъ критерій экономическихъ и политическихъ автономій.

Напрасно, слѣдовательно, не различаемъ общественныхъ порядковъ *положительныхъ*, въ которыхъ торжествуетъ или государство, или свобода, но въ которыхъ признанъ тотъ или другой элементъ самостоятельности человѣческаго права, порядковъ, въ которыхъ съ

личностью не обращаются какъ съ нравственно-безправнымъ животнымъ — отъ порядковъ *отрицательныхъ*, которые суть ничто иное какъ типы патологическихъ общественныхъ перерожденій, и въ которыхъ торжествуетъ элементъ насилія или личности, или общества.

Тамъ возможны ошибки въ пониманіи объектовъ политическихъ, экономическихъ и религіозныхъ правъ личности, но личность эта не низведена на позицію силъ и организмовъ природы; здѣсь же, возможны не ошибки — потому что ошибаться невозможно внѣ стремленія къ истинѣ — а лживость, т. е. пренебреженіе святости человѣческаго права. — На этой почвѣ, государственный аристократизмъ, т. е. участіе общества въ государственномъ дѣлѣ — по долгу, перерождается въ анархизмъ, т. е. въ верховенство парламентарныхъ насилій; государственный же демократизмъ, т. е. довѣріе общества къ трону, перерождается въ государственный соціализмъ, т. е. въ рабство, условленное не довѣріемъ, а насиліемъ.

Порядки положительные — это органы очень часто заблуждающейся, но честной общественной мысли, — мысли, стремящейся къ защитѣ истины, а слѣдовательно и нравственной; порядки же отрицательные — это органы, *по принципу заблуждающейся мысли, а слѣдовательно—органы событій*. Здѣсь мы незаняты цѣлями общественной истины, а только разсчетомъ могущества сторонъ, разсчетомъ, довѣряемымъ или парламентарной

и экономической борьбѣ личностей, или же государству, понимаемому въ значеніи насилія всѣхъ надъ каждымъ. Въ порядкахъ тѣхъ или другихъ убѣжденій и вѣрованій врагами общественнаго и вообще человѣческаго дѣла считаютъ людей низкихъ, неспособныхъ къ уступкамъ и жертвамъ по нравственному долгу, людей почитающихъ и себя, и другихъ безправнымъ феноменомъ природы. Отсутствіе стремленія къ жизненно-истинному и относительныя манифестаціи корыстолюбія и страстей считаются здѣсь преступленіями и устраняются или карою, или образованіемъ.

Въ обоихъ же порядкахъ отрицательныхъ врагами человѣческаго дѣла считаютъ людей честныхъ, т. е. борющихся съ низостію и ея велѣніями по долгу; передъ людьми же насилія безхарактерными, безчестными, безчеловѣчными открыта и политическая, и экономическая карьера.

Тамъ, слабѣйшая сторона ограждена была государствомъ и товариществомъ, хотя огражденіе это не всегда было разумно, а вслѣдствіе этого, внѣшніе и внутренніе элементы человѣческаго права часто нарушались; здѣсь же слабѣйшая сторона вовсе не ограждена, и съ нею борются на аренѣ равныхъ обязанностей и шансовъ, откуда уже истекаетъ фактическое порабощеніе слабѣйшихъ — сильнѣйшими. Тамъ ни гражданинъ, ни работникъ, ни женщина, ни ребенокъ не выбрасывались на улицу. И государство, и товарищество, и

семья, и частная личность, несли на себѣ обязанность защиты слабѣйшаго; здѣсь же вызываютъ его къ самопомощи и соперничеству, разятъ нравственною отчужденностью, закрываютъ передъ нимъ, фактически, семью, общество и государство, и наконецъ выбрасываютъ изъ оберегаемой общимъ строемъ совокупности общественнаго достоянія въ пріюты, дома — и пустыри. Не споримъ: дома, пріюты и пустыри могутъ не быть пусты, но неужели признаемъ за надлежащій тотъ общественный порядокъ, который заселяетъ ихъ людьми, выбитыми изъ общественнаго строя безчеловѣчностію (какъ въ порядкѣ атомистическомъ) или третированіемъ личности въ значеніи рабочей силы (какъ въ порядкѣ комунарномъ)!

Нѣтъ, невозможно смѣшивать отрицательныхъ общественныхъ строеній съ положительными; уклоненій существенныхъ — съ объективными.

Крайніе, но честные сторонники верховенства государства — другое дѣло; а комунары, третирующіе человѣческую личность, какъ рабочую и безправную силу — другое.

Первые ошибаются только въ томъ, что игнорируютъ сферу свободной собирательности и раздѣльности. Люди представляются имъ, какъ падшія существа, которыя внѣ принужденія неспособны жить по-человѣчески. Не понимается здѣсь, что, по мѣрѣ общественнаго совершенствованія, постоянно расширяется та

сфера, въ которой люди уже не нуждаются въ принужденіи, забывается также, что есть другая сфера, въ которой личность борется за дальнѣйшія, никому еще недоступныя звенья творчества, нравственности и общественности, — сфера, въ которой эта личность бываетъ иногда авторитетнѣе всего міра. Но все-таки государственное верховенство не мотивируется здѣсь перевѣсомъ общаго надъ частнымъ, какъ оно имѣетъ мѣсто въ строѣ, предлагаемомъ отрицающими самостоятельность человѣческаго права сторонниками муравейника.

И точно также нельзя смѣшивать другаго порядка отрицанія, — т. е. анархизма, атомизма, опортунизма — съ крайними сторонниками свободы, т. е. съ либералами, несчитающими человѣка автоматомъ природы. Не принимается здѣсь въ разсчетъ, что верховная свобода хороша только для общества идеально-совершеннаго, и что люди, каковы они есть, только въ извѣстной степени честны и разумны. *Сторонники же борьбы не игнорируютъ государства, а только самое участіе въ государственномъ насиліи считаютъ свободою.*

Сегодня тотъ или другой типъ отрицателей окончательно торжествуетъ, а завтра, для каждаго сдѣлается яснымъ, что отрицаніе самостоятельныхъ правъ личности и истекающее отсюда главенство или пар-

ламентарнаго, или другаго насилія не имѣетъ съ дѣйствительною свободою никакого соотношенія.

Ни участіе въ дѣлѣ насилія, ни подчиненіе насилію не освобождаетъ личности изъ-подъ гнета неправды, т. е. изъ-подъ того гнета, который одинъ только условливаетъ неволю.

Въ порядкахъ положительныхъ возможны объективныя ошибки, вслѣдствіе которыхъ кругъ свободы не находитъ должнаго простора, но невозможна лживость, поглощающая эту свободу существенно.

Эта-то лживость, какъ основаніе отрицательныхъ порядковъ, обусловливаетъ то, что нѣтъ того отправленія отрицательной власти, которое-бы не повредило свободѣ или дѣйствительному человѣческому праву — что одно и то же.

Мы полагаемъ, что порядки, исходящіе даже отъ наиболѣе ошибочныхъ убѣжденій и вѣрованій, все-таки, въ сущности, стремятся къ тождественности стремленій власти съ велѣніями жизненной истины, а слѣдовательно и къ признанію верховенства за свободою тамъ, гдѣ эта свобода съ объектами жизненно-истиннаго уже тождественна. Порядки же интересовъ и страстей, въ сущности, стремятся къ объектамъ насилія, вслѣдствіе чего насилуютъ свободу даже тамъ, гдѣ ихъ велѣнія съ нею тождественны.

Итакъ, вотъ они — отрицательные порядки, которые развиваются въ наше время на устарѣвшихъ

принципахъ революціи. Это патологическія общественныя перерожденія, это предохранительные клапаны дѣйствительно-научнаго порядка, клапаны, тождественные съ домами терпимости и другими подобнаго рода уклоненіями, которые, для отрицателей, составляютъ такой-же образецъ семейныхъ и экономическихъ отношеній, какъ парламентарная борьба и государственная коммуна составляютъ для нихъ образецъ общественный.

Конечно, вѣсъ насилія неисключимъ; арена убѣжденій не можетъ быть верховною, но въ томъ-то и дѣло, что ошибочныя убѣжденія обусловили торжество насилія; какъ скоро защитимъ начало, руководящее рѣшеніемъ общественныхъ задачъ, убѣжденія наши будутъ въ основѣ вѣрны, вслѣдствіе чего они перестанутъ угрожать и прогрессу, и человѣчности.

И насилія, слѣдовательно, съ одной стороны, и элементы государства — съ другой, неминуемо вліяютъ на оцѣнку автономіи человѣческой личности, но ни насиліе, ни государственная совѣсть не управляютъ этою оцѣнкою. Привилегіи и ранги, побѣды общаго надъ частнымъ и частнаго надъ частнымъ въ извѣстныхъ границахъ неизбѣжны, но основной критерій не въ нихъ, а въ правовой стоимости, т. е. въ данной степени эквивалента нравственнаго и естественнаго могущества данной личности,

Мы уже выяснили, что, такъ какъ правительствен-

ныя отправленія неминуемо основываются на оцѣнкѣ личностей — что не всякъ одного и того-же стоитъ, это извѣстно было, мы думаемъ, даже первобытному обществу — то и результаты этой оцѣнки, а слѣдовательно признанная властію политическая, экономическая и религіозная наша автономія имѣютъ за собою санкцію власти. На этихъ-то результатахъ мы и основываемся, доказывая свои экономическія, политическія и нравственныя права въ тѣхъ случаяхъ, когда свободное убѣжденіе недѣйствительно.

Теперь остается доказать, что равнымъ образомъ и оцѣнка, производимая событіями, т. е. несчитающимся съ нравственными мотивами насиліемъ, имѣетъ присущую ей долю значенія, точно такимъ-же образомъ истекающую изъ невозможности прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ свободному и государственному доказательству.

Мы уже выяснили, что стремленія естественныя и нравственныя пополняютъ и контролируютъ другъ друга, *и что ихъ отношеніе, истекающее изъ степени развитія личности, составляетъ именно то, что называемъ стремленіемъ дѣйствительно-человѣческимъ.* Изъ этого уже ясно, что и въ принудительномъ, и въ свободномъ теченіи какъ собирательной, такъ и частной воли, встрѣчаемся съ двумя мотивами стремленій чувствъ, мыслей и поступковъ: съ однимъ, исходящимъ отъ чувства нравственнаго, опирающагося на

тѣ или другія убѣжденія и вѣрованія, и съ другимъ, исходящимъ отъ чувства естественнаго, опирающагося на тѣ или другіе разсчеты и страсти. Тамъ — міръ субъективно-независимыхъ поступковъ, здѣсь-же міръ субъективно-зависимыхъ феноменовъ. Тамъ подчиняемся указаніямъ философіи, а здѣсь — указаніямъ природы.

На первобытной стадіи культуры о нравственныхъ мотивахъ не можетъ быть и рѣчи: природа тамъ верховна. Верховенство это, конечно, нелѣпо называть свободою, потому что подчиненіе авторитету природы другое дѣло, а подчиненіе истинѣ этого авторитета, то-есть свобода — другое.

Итакъ, мы обсуждаемъ здѣсь вопросъ не о свободѣ, а объ автоматизмѣ и его правахъ.

Не нужно доказывать, что права эти рѣзко заявили себя въ исторіи международныхъ отношеній. Здѣсь-то для всякаго ясно, что верховенство тѣхъ или другихъ убѣжденій привело-бы неминуемо къ болѣе плачевному status quo этихъ отношеній, нежели тотъ status quo, какой человѣчество имѣетъ передъ собою, и который, конечно, проведенъ не убѣжденіями, а приговорами многовѣковыхъ международныхъ войнъ. Плохія убѣжденія въ частныхъ случаяхъ бываютъ возможны и благотворны, въ общемъ же ходѣ невозможны и гибельны. Приговоры же событій въ

частномъ ходѣ жизни бываютъ гибельны, но въ общемъ они тяготѣютъ къ защитѣ жизненной истины.

Мы, для краткости, не будемъ разсуждать о правахъ силы по отношенію къ тѣмъ ступенямъ развитія, когда начало, управляющее надлежащимъ ходомъ междучеловѣческихъ отношеній, не было извѣстно, а примемъ въ соображеніе только настоящій моментъ, т. е. допустимъ, что намъ удалось доказать, что правовая стоимость личности руководитъ рѣшеніемъ общественныхъ задачъ. Вслѣдствіе этого, мы минуемъ сферу верховенства событій, въ общественныхъ строяхъ ошибочныхъ, а разсмотримъ ее, по отношенію къ строямъ научнымъ, установляющимъ и сочетаніе элементовъ государства, и сочетаніе государства и свободы, и наконецъ сочетаніе собирательности и раздѣльности съ критерія развитія общества.

Верховенство событій, исходящее отъ общества стаднаго порядка — коммуна, и верховенство тѣхъ-же событій, исходящее отъ сильнѣйшихъ личностей — животнаго порядка — борьба, относятся безспорно къ первобытной стадіи развитія. Отрицатели нравственныхъ мотивовъ, поворачивающіе общественный прогрессъ къ первобытному состоянію, были-бы въ своемъ правѣ, проповѣдуя принципы отрицанія первобытному человѣку. *Верховенство насилія, т. е. стремленія внѣ долга, тогда могли быть правиломъ.* Наконецъ, до рѣшенія основной стороны, напр. государственной за-

дачи, принципъ воздержанія со стороны нравственнаго вмѣшательства составлялъ важный рычагъ прогресса, но съ момента основнаго рѣшенія, права силы переходятъ на позицію не правила, а исключенія. Они здѣсь основаны на невозможности технически-вѣрнаго проведенія научныхъ приговоровъ.

Разсмотримъ-же сферу этой невозможности, т. е. отвѣтимъ на вопросъ: въ какихъ случаяхъ и границахъ, истекающіе отъ нравственныхъ мотивовъ доказательства государства, товарищества и раздѣльности, должны уступать мѣсто естественному тяготѣнію силъ въ сферѣ государства, товарищества и раздѣльности?

Случаи эти принадлежатъ, насколько это относится къ государству, къ двумъ группамъ.

Въ первой группѣ, дѣло касается установленія законныхъ нормъ междучеловѣческихъ отношеній на всѣхъ поприщахъ человѣческаго дѣла.

Если человѣческая стоимость воздѣйствуетъ на исходы общественныхъ отношеній, если, вслѣдствіе этого, нормы закона, съ помощію которыхъ оберегаемъ работника, стоящаго на самой низкой ступени развитія—иныя, нежели нормы, относящіяся къ работнику нравственно-общественно- и естественно-развитому; если нормы наказаній, относящіяся къ личности располагающей широкими личными и общественными средствами, неминуемо, гораздо строже нормъ кары, относящихся къ бездольной личности; если нормы

обязанностей и правъ не могутъ быть тѣ самыя для перваго, что и для послѣдняго, и т. д., то очевидно, что такъ какъ разница правовой стоимости личностей, составляющихъ данное общество, неисчерпаема, то слѣдовательно, и нормъ, формулирующихъ правильность даннаго жизненнаго отношенія, должно быть безчисленное множество, и что даже помимо этого, математическая справедливость ни въ законодательствѣ, ни въ проведеніи закона недостижима. Вотъ почему практическая необходимость заставляетъ насъ принимать въ разсчетъ не данныя человѣческой стоимости и относительныя правовыя нормы, а данныя группы человѣческихъ стоимостей и относительныя нормы закона. Не станемъ же установлять безчисленнаго количества нормъ отношеній работодателя къ работнику, наставника къ учащемуся, купца къ покупателю, заимодавца къ должнику, родителей къ дѣтямъ и т. п., изъ-за того, что даже слабѣйшія разницы въ правовой стоимости сторонъ вліяютъ на измѣненіе исходовъ, составляющихъ надлежащее рѣшеніе ихъ взаимныхъ отношеній, но принуждены опредѣлять нормы закона, относящіяся къ даннымъ группамъ стоимости.

А если это вѣрно, то отсюда уже явствуетъ, что законодательство, относящееся только къ группамъ стоимостей, а не къ стоимостямъ даннымъ, предполагаетъ каждую группу равноправною или лучше ска-

зать, предполагаетъ всѣхъ членовъ данной группы одинаково правомѣрными, т. е. предполагаетъ, по необходимости, то, что на дѣлѣ не имѣетъ мѣста, и что идетъ вразрѣзъ съ убѣжденіями законодателя. А постунки, идущіе вразрѣзъ съ убѣжденіями, условленные жизненною необходимостію, и есть ничто иное, какъ приговоры силы.

Вотъ гдѣ, слѣдовательно, въ научномъ государственномъ строѣ, торжествуетъ равноправность и истекающіе отсюда приговоры насилія.

Равноправность и вѣсъ насилія здѣсь — исключеніе, которое борцы отрицанія постарались выдать за основу законодательства.

Другой же порядокъ вѣса насилія (понимаемаго въ значеніи приговоровъ, неосвященныхъ убѣжденіемъ) въ государствѣ касается разныхъ отправленій власти.

Государство, т. е. организмъ принудительнаго отправленія собирательной воли, защищаетъ автономіи гражданъ и ихъ совершенствованія, нетолько установляя нормы закона, гарантирующія надлежащій ходъ общественной жизни въ его общемъ, но равнымъ образомъ и руководя данными моментами этого хода. Жизнь, защищаемая въ общихъ своихъ требованіяхъ, и предоставленная себѣ самой въ единичныхъ моментахъ, остается безпомощною. Мужественный элементъ власти поддерживается женственнымъ, и обратно. Соче-

таніе этихъ двухъ теченій государства составляетъ государственную жизнь, такимъ-же точнымъ образомъ обосновывающую справедливость и ея внѣшнее выраженіе — свободу, какъ естественная жизнь обосновываетъ нравственность и ея внѣшнее выраженіе – самозависимость.

Государственное теченіе женственное—автократическое, защищая надлежащность общественнаго дѣла, въ данныхъ ея моментахъ, руководствуется (точно также, какъ теченіе мужественное — аристократическое), въ сферѣ законодательства, основнымъ критеріемъ правъ личности. Но есть сфера, въ которой права личности неизвѣстны, и въ которыхъ личность эту оберегаемъ *не по долгу, а по естественному влеченію и разумѣнію.* Здѣсь-то женственный элементъ государства, оберегающій общество въ данныхъ моментахъ его нуждъ, руководствуется уже не стремленіемъ къ надлежащему, т. е. не нравственнымъ долгомъ, а стремленіемъ естественнымъ, т. е. разсчетомъ и чувствомъ — зависимыми. Правовая стоимость остается, слѣдовательно, и для отправленій престола основаніемъ льготъ, ранговъ, принужденій и т. п., но въ виду крайнихъ случаевъ жизни, отправленіе это исходитъ не отъ нравственныхъ, а отъ естественныхъ чувствъ и разсчетовъ. Оно, слѣдовательно, выступаетъ здѣсь въ характерѣ насилія, но это насиліе престола условливается здѣсь не отрицаніемъ разницъ человѣческой стоимости, а

слѣдовательно и права, а только некомпетенціей науки, которая условливаетъ уступки въ пользу естественныхъ мотивовъ.

Вотъ сфера насилія власти, присущая научному государственному строю. Но насиліе это, какъ мы видимъ, составляетъ здѣсь только исключеніе.

Это-то исключеніе, это условленное крайностью случаевъ насиліе двоякаго элемента власти, стадный комунарный порядокъ возводитъ во всеобщее основаніе государственнаго строенія, утверждая, что подъ главенствомъ указа для всѣхъ равнаго, всякъ имѣетъ право на все.

Признать-ли право всѣмъ на все, подъ главенствомъ для всѣхъ равнаго закона (опортунизмъ), признать-ли право всѣмъ на все, подъ главенствомъ для всѣхъ равнаго указа (комунаризмъ) — въ обоихъ этихъ случаяхъ ниспровергнута святость человѣческаго права, а слѣдовательно, и личности, а наконецъ, въ обоихъ этихъ случаяхъ, двоякаго рода клапанъ научнаго общественнаго порядка, который мы наглядно успѣли прослѣдить, выдается за весь порядокъ, а права государственнаго насилія, неизбѣжныя какъ исключеніе, выдаются какъ основаніе и верховный законъ.

Да, человѣчество хватается и хваталось за явныя несообразности, лишь-бы выручить себя изъ крайнихъ

опасностей и бѣдствій. Вотъ почему принципы отрицательныхъ государственныхъ строеній играютъ въ извѣстной степени ту-же роль, что и принципы крайностныхъ порядковъ положительныхъ.

Критеріи правомѣрности, предлагаемые аристократизмомъ и демократизмомъ — плохи; слѣдовательно, или каждый человѣкъ имѣетъ право на все (опортунизмъ), или же право на все имѣетъ общество (комунаризмъ). Имѣющіяся нормы единичнаго выраженія собирательной воли — плохи; слѣдовательно, ненужно никакихъ нормъ, а стóитъ только или посчитаться или же подчиниться велѣніямъ общества, исходящимъ отъ побѣдителя всѣхъ. Верховенство тѣхъ или другихъ убѣжденій плохо, слѣдовательно, подчиниться нужно велѣніямъ насилія. Нормы огражденія гражданина, работника, покупателя и т. п. плохи; слѣдовательно, лучше всего или открыть передъ ними политическую и экономическую арену борьбы, или же закрыть эту арену наглухо.

Всѣ эти salta mortalia, прикрытые восторженными фразами и установленные на метафизическихъ началахъ матеріалистическаго порядка, выдаются за послѣднее слово государственной науки, но вызваны они, повторяемъ, не столько ошибками человѣческой мысли, сколько или крайнею неудовлетворительностью нравственныхъ міровоззрѣній, или же потачкою, которую

встрѣтили со стороны людей, спекулирующихъ на экономическое и политическое достояніе общества.

Итакъ, трудно предположить, что защитники верховенства авторитета событій — вообще люди безчестные, т. е. неспособные къ уступкамъ ради истины. А если это вѣрно, то смѣло заключаемъ, что болѣе дѣльные мыслители матеріалистическаго порядка отрицаютъ вѣсъ авторитета убѣжденій вовсе не изъ-за низости характера, а по недоразумѣнію. Не успѣвъ пріискать основы убѣжденій дѣйствительно-человѣческихъ, они предпочли довѣриться велѣніямъ естественнаго начала жизни, т. е. событіямъ—авторитету внѣшняго перевѣса. Наконецъ, безразсудство и неправда придуманныхъ ими политическихъ и экономическихъ порядковъ—слишкомъ очевидны для того, чтобы дѣльная мысль могла на ихъ почвѣ ожидать плодовъ человѣчности и прогресса. Нѣтъ, порядки эти выдвинуты были только въ значеніи противоядія, въ значеніи лично неодобряемыхъ, но вызванныхъ жизненною необходимостью ходовъ. И только менѣе сильная мысль постаралась возвести авторитетъ насилія и истекающіе изъ него опортюнистскіе и комунарные порядки на пьедесталъ не противоядія, а фатальной необходимости. Въ царствѣ животныхъ встрѣчаемъ или комуну, или свободу отношеній, а слѣдовательно, заключили они, и человѣческое общество должно безусловно подчиниться или насилію сильнѣйшихъ

(права парламентарной игры, права экономическаго состязанія, равенства отвѣтственности и т. п.), или же насилію всѣхъ (государственной комуны, распредѣленіе достояній съ критерія корысти общества и т. п.). Для жизненной истины, которая ставитъ преграды и своеволію сильнѣйшихъ, и своеволію общества, не осталось здѣсь мѣста. Защищайся, или трудись! внѣ этого—смертный приговоръ или борьбы, или комуны.

Нѣтъ, на обоготвореніе этихъ отношеній животнаго порядка способны только или нравственно- или психически-пошатнувшіяся личности. Да и кто-же, наконецъ, не знаетъ, что правда даннаго жизненнаго отношенія—одно, а корысть сильнѣйшихъ или всего общества — другое дѣло. Какая корысть обществу, если нравственно-раненный человѣкъ ищетъ поддержки въ молитвѣ и перестаетъ въ это время бороться съ опортюнистами и работать для комунаровъ? А между тѣмъ, онъ правъ: передъ нимъ задача важнѣе; онъ хочетъ возстановить свое нравственное мужество, которое, конечно, излишне и въ безправной борьбѣ, и въ безправной общности! Или, кто не знаетъ, что степень честности и умѣлости увеличиваетъ сферу нашихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности, и что, слѣдовательно, невозможно, подъ однѣ и тѣ-же нормы закона подводить неуча глухихъ тайгъ и человѣка, располагающаго обширными средствами характера, общественности и творчества. Кто, говоримъ, не знаетъ,

что сфера ограниченій свободы и поддержки, пригодная въ данномъ жизненномъ отношеніи, напр. мнѣ, вовсе непригодна ботокуду! Уже одинъ здравый смыслъ указываетъ, что за жизнь, которая для этого дикаря хороша и даже безупречна, меня слѣдовало-бы повѣсить, а за ту самую степень преданности дѣлу семьи, отечества, общества, науки, искусства и творчества, за которую меня стоило-бы подвергнуть выговору, его бы, напротивъ, нужно было облагодѣтельствовать.

Итакъ, равнымъ образомъ, доктрина безправной борьбы и другая — безправной общности, въ извѣстной степени поддерживались и поддерживаются въ значеніи отчаянныхъ ходовъ, обоготворяемыхъ только людьми, нравственно- и психически-приниженными.

Съ другой стороны, обѣ государственныя теоріи матеріализма оказались по вкусу или людямъ сильнѣйшимъ, но тяготящимся убѣжденіями, обязанностями, долгомъ, или же людямъ слабѣйшимъ, но неспособнымъ благородно и правдиво относиться къ фактамъ даже самаго отеческаго руководительства верхняго слоя.

Первыхъ прельщало то, что они будутъ подвергаться только той отвѣтственности, нести по государству, семьѣ, отечеству, наукѣ и т. д. только тѣ обязанности, какія назначены будутъ для темнаго и нищаго крестьянина. Онъ вѣдь безотвѣтенъ, съ него и требо-

вать нечего; вотъ и мы туда-же! Политическое и экономическое соперничество на аренѣ нормъ закона, для обѣихъ сторонъ равнаго, показалось имъ дѣломъ весьма заманчивымъ. Слабѣйшій этотъ человѣкъ не поддержанъ ни юридически, ни фактически государствомъ; мы же располагаемъ достаткомъ, знаніемъ и упрямствомъ, съ помощію которыхъ всѣ его права по участію въ дѣлѣ власти, фактически, перейдутъ въ наше пользованіе. Онъ будетъ избирать представителей и вотировать законы, но не для себя, а для насъ; онъ будетъ трудиться, покупать, продавать, перевозить и т. п.; но опять-таки, въ концѣ концовъ, не для себя, а для насъ; онъ можетъ даже жениться, но опять-таки, по многимъ причинамъ, ему и жениться не надо. Итакъ, теорія безправной борьбы, т. е. равенство передъ закономъ — приходилось нравственно-пошатнувшейся части верхняго слоя по душѣ. Великое однако же дѣло, въ трудахъ надъ эксплуатированіемъ слабѣйшаго человѣка, имѣть своимъ сообщникомъ законъ. Въ положительныхъ порядкахъ есть, впрочемъ, привилегіи и ранги, но зато власть защищаетъ слабѣйшаго; здѣсь-же, хотя и нѣтъ привилегій и ранговъ, власть предоставляетъ этого слабѣйшаго собственной судьбѣ. Да, наконецъ, парламентарная и культурная борьба, это—непосредственный органъ насилія, это его приговоры; слѣдовательно, стоитъ только ей довѣриться, и окажется, какъ и подобаетъ,

что призраки государственной, экономической, семейной и т. д. самостоятельности будутъ въ распоряженіи нижняго слоя, а дѣйствительная власть, богатство и т. д. будутъ въ нашемъ пользованіи.

Такимъ-же точно образомъ, комунаризмъ, т. е. безправная общность приходится по вкусу подонкамъ нижняго слоя, конечно, подонкамъ нравственнымъ, т. е. неспособнымъ подчиняться истинѣ, исходящей изъ нравственнаго авторитета. Этимъ-то подонкамъ показался обольстительнымъ такой государственный порядокъ, въ которомъ люди считаются не правомъ, т. е. эквивалентомъ естественныхъ и нравственныхъ усилій, а однимъ только трудомъ естественнаго порядка. Конечно, здѣсь никто и ничто не помѣшаетъ нравственно насиловать людей, преданныхъ прогрессу общественности, творчества, правдивости и т. д.

Да, опортюнизмъ, отстаивая верховенство парламентарной и экономической борьбы, манитъ падшую часть верхняго слоя надеждою на возможность обращенія нижняго слоя въ фактическихъ рабовъ данныхъ политическихъ и экономическихъ прихотей.

Комунаризмъ же, отстаивая животный порядокъ, т. е. принудительную общность — и политическую, и экономическую, манитъ нравственно-падшую часть нижняго слоя надеждою на возможность нравственнаго насилованія свободы и правъ дальнѣйшей личности.

Итакъ, государственная жизнь въ западно-европейскихъ обществахъ представляется въ такомъ видѣ, что подонки верхняго слоя спорятъ тамъ съ подонками слоя нижняго о правѣ убить плоды многовѣковыхъ трудовъ и доблестей человѣчества. Люди-же убѣжденія, загнанные и приниженные, съ ужасомъ подчиняются нахальству завладѣвшихъ государствомъ и товариществомъ отрицателей.

Передовой, слѣдовательно, отрядъ современной цивилизаціи придвинулся къ тому моменту, когда разлагающія силы общественнаго организма взяли верхъ надъ силами творческими. Люди убѣжденія осмѣяны и приниженны. Всѣ защищаемыя ими теоріи нравственнаго порядка оказались ошибочными; время-же ошибочныхъ вѣрованій миновало. Зависимое могущество тоже на сторонѣ отрицателей: — государство въ ихъ рукахъ. Итакъ, современной культурѣ осталось: или послѣдовать примѣру своихъ предшественницъ, т. е. погибнуть, или же поддержать критерій жизненной истины, подъ свѣтомъ котораго канутъ въ вѣчность безобразія позорящаго человѣческое дѣло матеріализма.

Не станемъ-же убѣгать отъ верховенства философіи къ верховенству событій и придумывать то нормы отношеній, полезныя вообще, то принудительную общность, полезную для всѣхъ. Нормы и общности, и отношеній измѣняются параллельно съ разви-

тіемъ общества. И нормы строеній государства и элементовъ государства, и нормы строеній свободы и элементовъ этой свободы, а наконецъ и нормы сочетанія жизни государственной съ товарищескою, что составляетъ жизнь дѣйствительно общественную, зависятъ отъ степени зрѣлости общества. — Вотъ эта, слѣдовательно, зрѣлость, или, однимъ словомъ, стоимость личности — составляетъ критерій той жизненной истины, въ которой и голосъ убѣжденій, и голосъ природы сочетаются въ объектахъ человѣческаго дѣла.

Вотъ почему ни теоріи матеріалистическаго порядка, пріискивающія modus vivendi внѣшняго соглашенія, т. е. отрицающія мотивы, пути и объекты жизненно-истинные, ни теоріи идеалистическія, пріискивающія modus vivendi внутренняго соглашенія — какъ-будто внѣшнее могущество не реагируетъ на отношенія людей — не могутъ привести къ порядкамъ дѣйствительно-человѣчекимъ. Наука должна разъ навсегда установить тотъ фактъ, что *сферы внѣшняго могущества человѣческихъ личностей также точно несогласимы, какъ несогласимы сферы могущества внутренняго,* и что, слѣдовательно, задаваясь соглашеніемъ тѣхъ или другихъ, мы трудимся надъ разрѣшеніемъ нелѣпой задачи.

Согласимы только сферы мотивовъ, путей и цѣлей, отвѣчающія критерію относительной правовой стоимости людей, вслѣдствіе чего, только опираясь на

этомъ критерій, возможно соціозофическую мысль сдѣлать, дѣйствительно-научною, т. е. рѣшающею, а наконецъ возможно установить типы общественнаго, государственнаго, товарищескаго и т. д. строенія, отвѣчающіе среднимъ типамъ данныхъ человѣческихъ стоимостей.

Надъ разрѣшеніемъ такимъ образомъ поставленной задачи соціозофическая мысль еще не трудилась.

Не станемъ-же смущаться ни неизвѣстностью на счетъ элементовъ человѣческой стоимости и эквивалентныхъ ихъ отношеній, ни множественностью этихъ стоимостей!

Касательно перваго вопроса можно замѣтить, что прошедшему не были извѣстны элементы человѣческой стоимости, но философское изслѣдованіе человѣческой природы и исторіи могутъ уже оказать въ этомъ дѣлѣ извѣстныя услуги. — Для каждаго, напр., очевидно, что жизненная практика даетъ предпочтеніе то людямъ правдивымъ, то людямъ умѣлымъ, а отсюда уже ясно, что это и есть элементы стоимости людей. — Касаясь же человѣческой природы, находимъ въ ней неминуемо двѣ стороны: субъективную и объективную. Изъ нихъ первая, насколько имѣемъ дѣло съ самосознаніемъ, не существуетъ, какъ скоро не встрѣчаемъ въ данной личности правдивости, т. е. преданности дѣлу истины. — Вторая-же, при условіяхъ того-же самосознанія, не существуетъ, какъ скоро не

располагаемъ тѣми вещественными и невещественными приспособленіями, съ помощію которыхъ отыскиваемъ и проводимъ истинное. А слѣдовательно, и на этой почвѣ встрѣчаемся съ тѣми-же элементами человѣческой стоимости.

Конечно, опасно было бы довѣряться этому руководящему началу, пока вопросъ о его элементахъ могъ быть разрѣшенъ, напр., по-китайски. За стоимость могла быть сочтена или одна только правдивость, или тѣ или другіе агенты внѣшняго могущества, а это, конечно, не могло бы способствовать разумному рѣшенію тѣхъ или другихъ задачъ человѣческой жизни.

Въ виду этого, историческое прошедшее совершенно право, предпочитая критеріи, доставляемые собирательностію и событіями, критеріямъ, доставляемымъ псевдоучеными рѣшеніями. Но, при настоящемъ уровнѣ знаній, ошибки науки, на этой почвѣ, не могутъ быть слишкомъ грубы. Теперь легко уже понимаемъ, что человѣкъ, не дающій никакого вѣса стремленію къ жизненно-надлежащему, тѣмъ опаснѣе для людей, общества и прогресса, чѣмъ большими располагаетъ средствами смышлености, достатка и политическаго могущества, и что, равнымъ образомъ, человѣкъ правдивый, но темный, тѣмъ опаснѣе, чѣмъ темнѣе. Первый — и человѣчность, и прогрессъ посвятитъ своимъ внѣшнимъ выгодамъ, второй-же фанатически защищать будетъ какія-нибудь несообразности, а вслѣд-

ствіе этого — неумышленно вредить и людямъ, и прогрессу. Наконецъ, также точно понятно, что правдивость, съ которою можемъ устоять на почвѣ жизненной истины, при x могуществѣ, еще не та, которая необходима для того, чтобы устоять на той-же почвѣ, при 100 x могущества, и обратно, что могущество, которое достаточно при x правдивости, еще вовсе не то, котораго нужно при 100 x правдивости.

Вотъ, слѣдовательно, тѣ отношенія элементовъ человѣческой стоимости, игнорированіе которыхъ постоянно уродуетъ людей; нравственно неразвитая личность также точно падаетъ и развращается въ условіяхъ слишкомъ для нея широкаго поприща экономической дѣятельности, какъ падаетъ личность высокаго нравственнаго подъема подъ гнетомъ фатальныхъ преградъ, стѣсняющихъ ея поприще.

Съ этими-то несообразностями, въ распредѣленіи почвы жизненной дѣятельности, должна бороться наука, противоставляя имъ приговоры, основанные на надлежащемъ отношеніи элементовъ человѣческой стоимости къ элементамъ почвы человѣческаго дѣла.

Наконецъ, уже не время смущаться множественностію человѣческихъ стоимостей. Конечно, можно разсуждать, что если объекты правъ каждой данной личности, въ однихъ и тѣхъ же жизненныхъ случаяхъ, — разны, то для научной мысли возможно только отыскиваніе объектовъ, относящихся къ чело-

вѣческой природѣ вообще. Но выводъ этого рода былъ-бы не вѣренъ.

Если пріискиваемъ надлежащія нормы производства напр. хлѣбнаго, для относительной стоимости почвъ, то не теряемъ вслѣдствіе этого научной устойчивости, но именно этимъ путемъ находимъ ее. Но она была-бы совершенно потеряна, если-бы мы стали пріискивать нормы производства вообще, т. е. отвѣчающія почвамъ всѣхъ стоимостей. Этимъ, конечно, мы бы привели практическое значеніе агрономической науки къ нулю, потому что нормы производства, одинаково-пригодныя для всѣхъ почвъ — неосуществимы.

Возможна только эквивалентная норма хлѣбнаго производства, норма, тѣ или другія степени которой отвѣчали-бы даннымъ качествамъ почвъ. — Итакъ, есть общія теоретическія начала хлѣбнаго производства, и другія — начала техническія, почему, насколько дѣло касается примѣненія приговоровъ науки къ жизни, настолько и руководствуемся основаніями техническими. А слѣдовательно, какъ въ данномъ случаѣ изучаемъ звеновые типы производительной силы данныхъ почвъ, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изучаетъ и такіе же типы хлѣбнаго производства. Располагая-же всѣмъ этимъ, останется только приложить типъ производства, относящійся къ почвѣ данной стоимости.

И точно также, если нужно пріискать, напр., государственный строй, который будетъ надлежащимъ для

даннаго общества, то мы отыскиваемъ прежде генетическіе типы этихъ строевъ, указываемъ звеновыя группы человѣческихъ или, какъ въ этомъ случаѣ, общественныхъ стоимостей и относимъ данный типъ государственнаго строя къ обществу соотвѣтствующей зрѣлости.

Разсчетъ по вопросу о государственномъ его строеніи будетъ, слѣдовательно, данъ.

Совершенно такимъ-же образомъ, каждое данное общество представляетъ слои различной человѣческой стоимости, вслѣдствіе чего права, обязанности и отвѣтственность каждаго изъ нихъ различны. — Игнорировать эти различія — то же, что умышленно насиловать который-нибудь изъ элементовъ человѣческаго права.

Понятно, напр., что брачное отношеніе, неосвященное личными гарантіями честной и разумной общности, т. е. взаимнымъ довѣріемъ и рѣшимостью охранять другъ друга, не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго. Сознательное стремленіе къ общности, основанной на взаимномъ уваженіи и любви, не имѣетъ здѣсь мѣста, слѣдовательно отношеніе будетъ чистоживотнаго порядка. Естественное влеченіе и разсчетъ, на которыхъ опирается такая связь, зависятъ здѣсь всецѣло отъ условій, à discretion которыхъ остается, слѣдовательно, и самая устойчивость союза. Въ

данную минуту естественное влеченіе и разсчетъ принимаютъ другое направленіе — и союзъ порванъ.

Итакъ, что-же вводитъ эти отношенія въ колею человѣческую? гдѣ тѣ внѣшнія средства, съ помощію которыхъ вырабатываются личныя гарантіи нравственныхъ - независящихъ, ставящихъ отпоръ измѣнчивости, склонностей и разсчетовъ, и отношеній? Средства эти находимъ, очевидно, въ учрежденіяхъ, исходящихъ отъ принудительнаго и увѣщательнаго началъ собирательной воли. Являются, слѣдовательно, приспособленія общественнаго порядка — органы государственнаго и товарищескаго авторитета. Государство путемъ принужденія обезпечиваетъ устойчивость и правомѣрность тѣхъ или другихъ союзовъ, договоровъ и т. п.; оба-же элемента товарищества дѣйствуютъ въ томъ-же направленіи путемъ увѣщанія.

Послѣ этого понятно, что, насколько данная среда менѣе развита, настолько тѣ или другіе договоры должны находиться подъ относительнаго вѣса контролемъ государства и товарищества. Контроль этотъ замѣняетъ нравственную и внѣшнюю зависимость среды; онъ является тѣмъ общественнымъ рычагомъ, съ помощію котораго вырабатывается самостоятельность человѣческой личности. За отсутствіемъ самостоятельныхъ и разумныхъ убѣжденій и вѣрованій, дѣйствуетъ вѣсъ убѣжденій и вѣрованій собирательности.

Но слѣдуетъ ли отсюда, что нормы союзовъ, договоровъ, отношеній и т. д. должны быть обставлены одинаковыми собирательными гарантіями для всѣхъ человѣческихъ стоимостей? Очень ясно, что такой выводъ былъ-бы ложенъ.

Если государство и товарищество, въ лицѣ своихъ органовъ, только выполняютъ личную иниціативу, то отсюда заключаемъ, что нормы собирательныхъ гарантій, пригодныя для однѣхъ стоимостей, вовсе не относятся къ другимъ. Для дикой напр. четы безвыходная норма брачнаго отношенія — хороша. На ея почвѣ можетъ развиться нравственная общность сторонъ. Онѣ прежде безсознательно, а потомъ и сознательно оцѣнятъ и поймутъ святость семейной общности и дружбы. Но та же самая норма, примѣненная къ личностямъ и нравственно, и умственно самостоятельнымъ, умалитъ шансы взаимной преданности, заслугъ, заботъ; а умалитъ потому, что заковываетъ честную и разумную рѣшимость, которая уже налицо, — а это конечно нестерпимо.

Есть цѣлый рядъ доводовъ за и противъ обезпечиванія тѣхъ или другихъ договоровъ. Защищая необходимость собирательныхъ обезпеченій, ссылаемся на факты, почерпнутые изъ отрицательныхъ сторонъ развитія; борясь съ этими обезпеченіями, ссылаемся на факты, почерпнутые изъ положительныхъ сторонъ развитія, т. е. *разыгрываемъ ученую комедію, которая,*

болѣе нежели что-нибудь другое, окончательно должна убѣдить каждаго, что всѣ обезпеченій долженъ стоять на одномъ уравнѣ съ зрѣлостью среды, къ которой данныя обезпеченія относятся, и что принципіальные споры, которыми, во вредъ прикладнымъ задачамъ, пробавляется человѣческій геній, находятъ въ критеріѣ человѣческой стоимости должную, хоть и запоздавшую могилу.

Множественность человѣческихъ стоимостей не можетъ составлять помѣхи философскимъ изслѣдованіямъ, касающимся общественной жизни, потому что вообще нѣтъ тѣхъ прикладныхъ задачъ, которыя-бы научно рѣшались иначе, какъ по отношенію къ даннымъ группамъ явленій. То самое, что обусловливаетъ прогрессъ міра неорганическаго, не обусловливаетъ прогресса міра растительнаго, животнаго, человѣческаго. И точно также то самое, что гарантируетъ развитіе данныхъ группъ неорганическихъ, растительныхъ, животныхъ, человѣческихъ, не гарантируетъ развитія другихъ группъ.

Итакъ, философское пониманіе не можетъ исходить ни отъ всеобщихъ законовъ существующаго, потому что эти законы, во всемъ объемѣ, нигдѣ не примѣнимы, ни отъ единичныхъ явленій, которыя, вслѣдствіе своей подвижности, для науки неуловимы, а непремѣнно отъ данныхъ болѣе или менѣе широкихъ группъ.

Есть, слѣдовательно, какъ въ мірѣ явленій, такъ и въ мірѣ поступковъ, ступени развитія и группы этихъ

ступеней. — *Къ этимъ-то группамъ, выражающимъ собою коллективныя ступени развитія, должна обратиться философская мысль, устанавливая различія жизненно-истиннаго отъ уклоненій. — Критерій стоимости, ступень развитія остается для ней руководящимъ началомъ не только въ области міра человѣческаго-гуманитарнаго, но равнымъ образомъ и въ области міра природы.*

Теперь считаемъ неоспоримо доказаннымъ, что законодательная дѣятельность въ своихъ рѣшеніяхъ должна опираться на критерій стоимости данныхъ общественныхъ группъ — слоевъ точно также, какъ дѣятельность государства, мѣстная, имѣетъ дѣло съ стоимостію данныхъ личностей; и что, вслѣдствіе этого, строеніе законодательнаго собранія должно-быть таково, чтобы предоставляло сообразный съ степенью развитія сеймовой среды просторъ стремленіямъ нравственнымъ и естественнымъ, способностямъ центробѣжнымъ и центростремительнымъ.

Сеймовое строеніе, отвѣчающее этимъ условіямъ, составляетъ ту почву, на которой правильная оцѣнка человѣческой личности, а слѣдовательно и правильное законодательство, дѣлается возможнымъ.

XIV.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОЧВА ЕДИНЕНІЯ ВОЛИ ПРЕСТОЛА СЪ ВОЛЕЮ НАРОДА.

Послѣ того какъ мы разрѣшили задачу о руководящемъ началѣ законодательной дѣятельности и выяснили, что критеріи правъ, доставляемые какъ обоими элементами власти, такъ и фактическою, и юридическою борьбою, примѣнимы только въ границахъ, условленныхъ несовершенствомъ научныхъ и практическихъ пріемовъ — оказывается для насъ возможнымъ окончить изслѣдованіе генетическихъ нормъ единичнаго выраженія собирательной воли.

Мы успѣли уже найти двѣ крайнія нормы: одну — отвѣчающую первичной ступени культуры, и другую — пригодную идеально-совершенной средѣ. Сочетаніе единогласія, исходящаго отъ самаго верхняго слоя, съ вѣсомъ формальностей самаго грубаго порядка, составляетъ первую норму, а сочетаніе единогласія, исходящаго отъ всѣхъ правомѣрныхъ гражданъ съ

формальностями, способствующими научному рѣшенію законодательныхъ вопросовъ, составляетъ — другую.

Далѣе мы успѣли доказать, что не можетъ быть и рѣчи объ исключеніи котораго-нибудь изъ элементовъ строенія собирательной воли. Дѣйствительно, человѣческая среда всегда представляетъ стремленія естественнаго и нравственнаго порядка, которыя восполняютъ и контролируютъ другъ друга. Вслѣдствіе этого, вѣсъ формальностей долженъ здѣсь гарантировать возможность естественнаго воздѣйствія личностей; вѣсъ же единогласія доставляетъ почву стремленіямъ, исходящимъ отъ мотивовъ независимыхъ—нравственныхъ.

Такимъ образомъ, намъ оставалось пріискать генетическія строенія, отвѣчающія генетическимъ ступенямъ развитія.

Касаясь этого вопроса, мы замѣтили, что все высшія и высшія строенія суть тѣ, въ которыхъ мѣсто самаго грубаго порядка формальностей заступаютъ порядки болѣе совершенные, т. е. приноровимые къ цѣлямъ научныхъ рѣшеній, а мѣсто единогласія, исходящаго отъ самыхъ высшихъ сферъ привиллегіи, заступаетъ единогласіе, исходящее отъ привиллегій дѣйствительныхъ, опирающихся на разницахъ правоспособности. Но въ видахъ большей доказательности нашихъ выводовъ, мы обобщили задачу, съ одной

стороны, и перемѣнили исходную точку ея рѣшенія—съ другой.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы разсматривать дальнѣйшія частности, касающіяся генетическихъ нормъ избирательства, мы приняли за предметъ изслѣдованія не избирательную, а вообще законодательную дѣятельность собирательной среды. Вмѣсто же того, чтобы исходить къ рѣшенію этой задачи отъ разницы стремленій естественныхъ и нравственныхъ, мы занялись освѣщеніемъ вопроса съ точки зрѣнія тѣхъ психическихъ способностей, которыя употребляются нами при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ.

Наконецъ, мы доказали историческимъ и соціозофическимъ путемъ, что человѣческая стоимость составляетъ начало, руководящее законодательными рѣшеніями, что всѣ другіе критеріи составляютъ только условленное научною или жизненною необходимостію исключеніе.

Теперь, слѣдовательно, осталось только выказать, какія именно способности необходимы для оцѣнки человѣческой стоимости и относительныхъ правъ личности, а затѣмъ, исходя отъ этой точки отправленія, рѣшить задачу о генетическихъ нормахъ единичнаго выраженія законодательной воли даннаго собранія, т. е. о генетическихъ типахъ сочетанія вѣса формальностей съ вѣсомъ единогласія.

Прежде, нежели зададимся этими вопросами, позво-

лимъ себѣ прибавить еще нѣсколько соображеній болѣе частнаго характера, съ помощію которыхъ постараемся окончательно обосновать начало, руководящее законодательными рѣшеніями.

Не только въ государственныхъ и товарищескихъ, но равнымъ образомъ, въ раздѣльныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, каждый членъ общества — въ извѣстной мѣрѣ законодатель. Онъ представляетъ собою ту или другую долю нравственной и принудительной власти. Мы или убѣждаемъ, или принуждаемъ другъ друга. Конечно, процессъ этого убѣжденія и принужденія не такъ рѣзокъ въ раздѣльныхъ отношеніяхъ: здѣсь не встрѣчаемся съ тѣми крупными пріемами государственнаго и товарищескаго авторитета, но, въ сущности, въ кругахъ соприкосновенія единичныхъ автономій находимъ непремѣнно тѣ искры общественной жизни, которыя суть ничто иное, какъ сочетаніе или разложеніе нравственнаго и принудительнаго характера воздѣйствій сторонъ.

Сочетаніе это и разложеніе, опираясь на ложномъ началѣ, также невыносимы, въ частныхъ отношеніяхъ, какъ невыносимъ нравственный и принудительный гнетъ собирательности, руководствующейся фальшивымъ принципомъ.

Итакъ, спрашиваемъ, какимъ-же началомъ общественная жизнь руководствуется въ своихъ раздѣльнаго характера отношеніяхъ?

Для каждаго, непредубѣжденнаго, ясно, что наши обязанности, права, симпатіи и т. п., сообразуемъ, главнымъ образомъ, съ разницами правовой стоимости окружающихъ насъ личностей. Религіозныя, государственныя и товарищескія условныя отношенія, хотя и вліяютъ на характеръ нашихъ отношеній, но не составляютъ ихъ сущности.

Конечно, есть фанатики, считающіе ни во что иноземца, иновѣрца, человѣка, пользующагося низшими привиллегіями и рангами, человѣка другихъ общественныхъ, индивидуальныхъ и т. п. убѣжденій, совершенно также, какъ есть отрицатели, ненавидящіе людей убѣжденія вообще, и считающіе ни во что слабѣйшую человѣческую личность, а раболѣпно-относящіеся ко всякому насилію, откуда-бы оно ни исходило. Но нужно-ли доказывать, что крайности идеализма и матеріализма всегда пренебрегались и пренебрегаются трезво и честно относящимися къ общественной сферѣ людьми, и что, вслѣдствіе этого, внѣ этихъ болѣзненностей и низостей, цѣнимъ въ человѣческой личности правдивость и умѣлость, т. е. считаемся только съ тѣмъ ея достоинствомъ, которое рѣшаетъ вопросъ о возможности довѣрить ей тѣ или другіе посты человѣческаго дѣла. Личность, которую считаемъ способною честно и разумно отстаивать высшій постъ этого дѣла, предпочи-

таемъ другой, которая на это ни нравственно, ни психо-физически неспособна.

Итакъ, мы бы спросили фанатиковъ и отрицателей, одинаково не считающихся съ дѣйствительною человѣческою стоимостью, каково-бы дала себѣ чувствовать жизнь въ обществѣ, члены котораго руководствуются во взаимныхъ отношеніяхъ или условными отношеніями, или могуществомъ? Не ясно-ли, что, въ первомъ случаѣ, мы-бы имѣли дѣло съ автоматами, глухими ко всему человѣческому, но не согласному съ ихъ предубѣжденіями; во второмъ же,—съ автоматами нравственнаго порядка, глухими на велѣнія жизненной истины. Жизнь и здѣсь, и тамъ была-бы нестерпима, потому что міры естественный и нравственный одинаково составляютъ человѣческую природу. Они восполняютъ другъ друга, они другъ съ другомъ сочетаются, а истинно-человѣческое не въ которомъ-нибудь изъ нихъ, а въ искрахъ надлежащаго ихъ сочетанія. Мы ищемъ въ жизни правдивости и могущества, какъ средства; цѣль же находимъ въ продуктахъ единенія этихъ началъ. Тамъ-то, правдивость успѣваетъ себя обосновать, а могущество успѣваетъ направить себя въ міръ независимаго. Да, счастливыя и разумныя отношенія возможны только тамъ, гдѣ считаемся дѣйствительнымъ человѣческимъ правомъ, а слѣдовательно, и стоимостью. Нашъ нравственный и принудительный авторитетъ не будетъ тогда органомъ фанати-

ческой защиты, часто ложныхъ приличій, или-же внѣшняго насилія, а станетъ человѣчностію, всегда любящею и уважающею то, что способно устоять на все высшихъ и высшихъ поприщахъ защиты жизненной истины.

Итакъ, въ частныхъ отношеніяхъ руководящее начало остается одно и то же. Правомѣрность и здѣсь служитъ основою; критеріи же власти и товарищества съ одной стороны, а личное и собирательное могущество — съ другой, составляютъ исключенія, которыя хотя и необходимы, но которыя истекаютъ только изъ научныхъ и жизненныхъ несовершенствъ. Различія вѣроисповѣданій, обычаевъ, національностей, государствъ, міровоззрѣній, симпатій и т. д., только въ той мѣрѣ излишни, въ какой возможно неуродующее ни прогресса, ни человѣчности добровольное единство;—неизбѣжны же въ той мѣрѣ, въ какой должны защищать человѣчество отъ невозможнаго еще равенства.

Теперь обсудимъ вопросъ: съ помощію какихъ способностей возможна надлежащая оцѣнка людей?

Мы уже сказали, что для классификаціи людей съ критерія, напр., ранговъ, привиллегій, гербовъ, состояній, способностей, общественнаго и личнаго вѣса и т. п., вовсе бы не нужны были ни разумъ, ни совѣсть. Наблюдать и считать отлично можетъ и идіотъ. Внѣшніе наблюдательные и логическіе пріемы ему

иногда въ гораздо бо́льшей мѣрѣ доступны, нежели они даются здоровой личности.

То-же самое можно сказать о подмѣчиваніи внѣшней обработанности ума, о фактическихъ знаніяхъ, которыми обладаетъ данная личность. Экзаменаторъ можетъ быть человѣкомъ совершенно безразсуднымъ, и все-таки, пока дѣло не доходитъ до практическаго примѣненія философской стороны жизненныхъ задачъ, онъ отлично можетъ различать бо́льшія знанія отъ ме́ньшихъ.

Далѣе, передъ нами внѣшняя обработанность чувства. Извѣстно, что человѣкъ, выросшій въ суровыхъ условіяхъ жизни, неотзывчивъ. Чувство, точно также какъ умъ, способно бываетъ болѣе или менѣе чутко относиться къ окружающему. Оно не замѣчаетъ большихъ или меньшихъ частностей данныхъ жизненныхъ фактовъ. Внѣшняя его обработанность вводитъ насъ въ чувственное общеніе съ жизнью. Конечно, врожденная отзывчивость чувства различна, но вопросъ здѣсь не въ томъ, чѣмъ надѣлила насъ природа, а въ томъ, съ помощію какихъ способностей мы можемъ оцѣнить внѣшнюю чувственную отзывчивость данной личности. Оцѣнка эта, очевидно, доступна тоже внѣшнему процессу психизма. Распоряжаясь извѣстными правилами оцѣнки, наблюдаемъ касающіеся даннаго случая факты, а потомъ относимъ эти факты къ правиламъ. Отсюда выводимъ заключеніе, а на все это,

конечно, не нужно ни разума, ни такта. Разсчетъ такого рода не имѣетъ ничего общаго съ жизненнымъ и разумнымъ пониманіемъ.

Еще можемъ имѣть дѣло съ внѣшнею обработанностію воли. Люди не въ равной мѣрѣ способны бываютъ выдѣлить себя отъ вліяній организма и среды. Зависитъ это, конечно, отъ врожденныхъ различій, съ одной стороны, а отъ степени искусственной обработанности воли,—съ другой. Мы будемъ говорить здѣсь о волѣ чисто-животнаго порядка, и притомъ только о внѣшней — центробѣжной ея сторонѣ. Одни уже врожденно своенравны — упрямы, другіе же безнравны—мягки, уступчивы и т. п. Первые норовятъ дѣлать все по-своему, легко борятся съ влеченіями психофизическаго организма, съ вліяніями природы и общественной среды, другіе-же склонны къ уступкамъ, подчиняются и страстямъ, и мыслямъ, съ одной стороны, а вліяніямъ природы и общества,—съ другой. Способность самообладанія, самодержки, можно обработать—культивировать. Вслѣдствіе этой обработанности внѣшняго элемента естественной воли, мы въ состояніи руководить процессомъ нашихъ чувствъ, нашего мышленія, можемъ подчиняться или не подчиняться испугу, гнѣву, радости, печали и т. п. Итакъ, *вслѣдствіе обработанности центробѣжнаго элемента воли, мы легче проникаемъ вліянія совершенно также*

какъ обработанный умъ легче проникаетъ тайну, а обработанное чувство легче воспринимаетъ впечатлѣнія.

Оцѣнка внѣшней обработанности естественной воли тоже доступна центробѣжному психизму.

Наконецъ, остается оцѣнка поступковъ. Очевидно, что прошедшее и настоящее данной личности способно бросить довольно яркій свѣтъ на ея достоинство. Но жизненное поприще, разсматриваемое только съ внѣшней его стороны, приводитъ насъ къ заключеніямъ, которыя разъясняютъ лишь вопросъ о степени цѣлостности данной личности. Бо̀льшаго, отъ внѣшней стороны фактовъ, ожидать невозможно. Естественная правильность поступковъ, которая могла-бы бросить сильный свѣтъ на естественную сторону достостоинства личности, остается здѣсь, для нашего взора, сокрытою. Знаемъ одну только оболочку поступковъ и ихъ формальныя отношенія къ средѣ; но не знаемъ мотивовъ, а слѣдовательно, существенное отношеніе ихъ передъ нами закрыто. Оцѣнка и формальная, и существенная могла-бы быть дѣйствительною, оцѣнка-же только внѣшняя разъясняетъ одну внѣшнюю сторону естественнаго могущества личности, которая можетъ находиться съ ея естественною стоимостью въ какомъ угодно отношеніи.

Итакъ, мы разсмотрѣли ту сторону естественной стоимости личности, которой оцѣнка доступна центробѣжнымъ способностямъ.

Но возможно-ли ограничиться рѣшеніями, получаемыми съ помощію всѣхъ этихъ пріемовъ? не ясно-ли, что внѣшняя оболочка даже естественной личности т. е. человѣка природы — событій, можетъ скрывать какую угодно сущность?

Итакъ, въ умственныхъ силахъ вообще различаемъ два элемента, внутренній и внѣшній, т. е. способность относить наблюдаемое или къ внутреннимъ, или къ внѣшнимъ основамъ мышленія. Встрѣчаемся, слѣдовательно, или съ силою здраваго смысла, умственнаго такта, разсудка и т. п., истекающими изъ способности относить наблюдаемое къ внутреннимъ основамъ мышленія—къ центрамъ естественнаго тяготѣнія умственныхъ силъ: выводы получаются здѣсь разсудочные; или-же — съ силою комбинаціи и отвлеченія, я слѣдовательно, съ сообразительностью, относящею наблюдаемое къ тѣмъ или другимъ обобщеніямъ—внѣшнимъ основамъ, мѣриламъ. Заключенія дѣлаемъ здѣсь искусственныя.

Разсудокъ и сметливость, разумъ и сообразительность и т. п., это—два элемента умственной жизни, два элемента, которые находятся въ такомъ же точно отношеніи другъ къ другу, въ какомъ мы прослѣдили оба элемента государства, оба элемента свободы и вообще оба элемента человѣческой жизни: женскій и мужескій.

Различіе и неисключимость обоихъ этихъ факторовъ психической силы такъ рѣзки, что можно удивляться тому упорству, съ какимъ психологія игнорируетъ то одинъ, то другой элементъ умственной силы, относя всю умственную жизнь къ которому-нибудь изъ нихъ, и не догадываясь, что, *только исходя отъ объектовъ ихъ надлежащаго (т. е. истекающаго изъ степени развитія данной личности) сочетанія, возможно придти къ незыблемымъ теоретическимъ и техническимъ основаніямъ психологической науки.*

Конечно, раздѣлиться на два враждующіе и непримиримые лагеря и *оставаться, вслѣдствіе этого, безъ жизненнаго дѣла — гораздо выгоднѣе,* но выгоды мыслителей, литераторовъ, наставниковъ и публицистовъ не согласуются, въ данномъ случаѣ, съ выгодами науки и жизни.

Итакъ, имѣя въ виду оба элемента умственной силы и объекты ихъ надлежащихъ отношеній, мы, при оцѣнкѣ уровня умственнаго развитія личности, должны различать не только *обработанность внѣшнихъ психическихъ основъ, т. е. обобщеній, и внѣшнюю сообразительность, но равнымъ образомъ,—степень обработанности внутреннихъ основъ и способности пониманія.*

Дитя, воспитанное въ умственной сферѣ, чистовнѣшняго порядка, существенно различается отъ ребенка, воспитаннаго въ сферѣ разсудочной дѣятель.

ности. Первое всегда безтактно и неразвито; второе же можетъ быть несметливымъ и несмышленымъ, но всегда тактичнымъ.

Вотъ почему, оцѣняя степень умственнаго развитія данной личности, мы не можемъ остановиться на сферѣ ея познаній внѣшняго порядка, т. е. ни на сферѣ ея познаній, касающихся тѣхъ или другихъ фактовъ и отношеній, ни на степени ея внѣшней умственной чуткости и силы; мы вынуждены, равнымъ образомъ, взвѣсить обработанность ея внутреннихъ умственныхъ основъ съ одной стороны, и обработанность разсудочной способности — съ другой.

А такъ какъ неразумiе не можетъ оцѣнить разума, то отсюда ясно, что для оцѣнки внутренняго умственнаго могущества, нужны соотвѣтственныя способности.

Наконецъ, неоспоримо, что, зная уровень и внутренняго, и внѣшняго умственнаго развитія данной личности — въ сущности, еще ничего окончательнаго не знаемъ, а не знаемъ потому, что останется передъ нами послѣдняя, касающаяся постановленнаго вопроса, задача, о томъ: какую степень эквивалента обоихъ умственныхъ силъ представляетъ собою данная личность?

Задачи этой обходить невозможно, потому что окончательный выводъ находится именно въ ея рѣшеніи: перевѣсъ внѣшняго или внутренняго развитія

умаляетъ умственное могущество личности совершенно также, какъ равномѣрное развитіе обоихъ умственныхъ элементовъ увеличиваетъ это могущество.

То-же самое можно сказать о естественной сторонѣ физическихъ, психическихъ и общественныхъ чувствъ. Встрѣчаемъ людей весьма отзывчивыхъ на тѣ или другія впечатлѣнія внѣшняго порядка, и, одновременно, неспособныхъ къ той впечатлительности, которая исходитъ отъ естественнаго тяготѣнія нашихъ чувствъ. Вслѣдствіе этого, встрѣчаемъ въ нихъ какъ бы противорѣчіе: они готовы растрогаться подъ вліяніемъ жизненныхъ впечатлѣній искусственныхъ, а часто даже мерзкихъ, и одновременно остаются совершенно безразличными къ тѣмъ фактамъ, въ которыхъ задѣто физически-, психически- или общественно-жизненное. Чувствительность такого рода обыкновенно называютъ экзальтаціей — извращенною искусственностью чувства.

Мы не станемъ здѣсь повторять всего того, что, по аналогіи со сказаннымъ нами объ умственномъ развитіи, слѣдуетъ само собою, а обратимся къ вопросу объ элементахъ естественной воли.

Мы уже сказали, что внѣшнюю обработанность воли можно оцѣнить съ помощію однѣхъ внѣшнихъ способностей, но въ такомъ случаѣ остается передъ нами закрытымъ вопросъ о томъ: въ какой мѣрѣ спо-

собна та или другая личность, сообразовать свои поступки не съ тѣми или другими внѣшняго рѣшеніями порядка, а съ здоровымъ тяготѣніемъ своихъ стремленій. Можно быть способнымъ подвергать себя различнымъ опытамъ или рѣзко относиться къ вліяніямъ организма, природы и общества, и одновременно представлять собою внутренній міръ воли, совершенно неразвитый или изуродованный. Мы тогда дѣйствительно можемъ быть способны стремиться къ объектамъ нашихъ рѣшеній, но рѣшенія эти будутъ идти въ разрѣзъ съ здоровымъ тяготѣніемъ естественной нашей воли. Можно, слѣдовательно, пріучить себя: къ самообладанію, къ саморуководительству и, въ то-же время, забыть о выработкѣ здоровыхъ стремленій психофизическихъ и общественныхъ. А это и есть элементъ естественной воли центростремительной—женскій, степень усовершенствованія котораго не подлежитъ оцѣнкѣ внѣшнихъ психическихъ способностей.

Наконецъ, и здѣсь замѣтимъ, что обработанность элемента воли, исходящаго отъ центровъ рѣшеній, и другаго, исходящаго отъ центровъ естественнаго тяготѣнія, должна быть въ такомъ равновѣсіи, какое необходимо для порядка стремленій и, внѣшне-обоснованныхъ и, внутренно-здоровыхъ. Дрессировка одного только элемента понижаетъ уровень обработанности естественной воли вообще.

Наконецъ, неоспоримо, что хотя внѣшняя сторона

поступковъ даетъ нѣкоторыя указанія относительно достоинства личности; но указанія эти сбивчивы и не могутъ быть принимаемы въ основаніе научно-вѣрныхъ рѣшеній. Очень часто, кажущаяся расточительность, маскируетъ грубый разсчетъ; внѣшняя разсчетливость направлена къ цѣлямъ общаго блага; факты милосердія могутъ быть, въ сущности, жестокостью; факты крайней жестокости могутъ быть вызваны милосердіемъ и т. п. Оцѣнка, слѣдовательно, личности, произведенная на основаніи ея жизненнаго поприща, можетъ быть до извѣстной степени вѣрною только при томъ условіи, если дѣлаемъ ее съ помощію не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ способностей. Эти послѣднія легче доискиваются дѣйствительныхъ мотивовъ и цѣлей, такъ что внѣшній элементъ психизма обосновываетъ только ихъ рѣшенія, т. е. доставляетъ этимъ рѣшеніямъ внѣшнюю доказательность.

Оттого-то люди, часто самыхъ блестящихъ внѣшнихъ дарованій, въ оцѣнкѣ людей бываютъ слабы до ребячества. Они въ состояніи подмѣтить только внѣшнюю сторону развитія личности и внѣшнюю сторону ея жизненнаго поприща; затѣмъ, относя факты этого порядка къ принятымъ мѣркамъ, критеріямъ, дѣлаютъ обобщенія, изъ которыхъ уже получается въ результатѣ вовсе не дѣйствительное достоинство личности, а достоинство ошибочное. И наконецъ, на столько-же вѣрно, что женщины, въ оцѣнкѣ существенной стороны че-

ловѣческой стоимости, непреоборимы; а это, конечно, не имѣло-бы мѣста, если-бы эта оцѣнка была достижимою внѣ центростремительнаго элемента психическихъ способностей.

Такимъ-то образомъ, даже при оцѣнкѣ личности, не располагающей нравственною стороною жизни, а слѣдовательно, внѣ вопроса объ убѣжденіяхъ и соотвѣтственныхъ мотивахъ самозависящихъ, мы вынуждены въ дѣлѣ оцѣнки человѣческой личности допустить совмѣстную и взаимодѣйственную роль обоимъ элементамъ человѣческихъ способностей.

Наконецъ, остается передъ нами оцѣнка нравственной стороны личности. Здѣсь нужно познать міръ ея убѣжденій и вѣрованій съ одной стороны, а степень мужества, съ которымъ она готова отстаивать то, что сама считаетъ хорошимъ, благимъ, — съ другой. Имѣемъ, слѣдовательно, дѣло не съ человѣкомъ событій, а съ человѣкомъ философіи. Оцѣнить предмѣстника самостоятельной жизни — одно дѣло, а ея носителя — другое. Тамъ міръ природы, а здѣсь міръ самозависящей жизни. Человѣкъ, который сознательно не солидализируется съ побѣдами истины въ жизни,—будь онъ и того сильнѣе, способнѣе, а даже безсознательно правдивѣе, не перестаетъ быть ребенкомъ. Онъ можетъ быть и правдивъ, и фальшивъ, но какъ скоро это въ немъ ненамѣренно, то имѣемъ дѣло съ силами природы, которыя невозможно ни уважать, ни пре-

зирать, потому что то, чѣмъ онѣ есть, не отъ нихъ зависитъ. Но повторяемъ, какъ скоро преданность истинно благому — принята сознательно нами самыми, то имѣемъ дѣло не съ силами природы, а съ ихъ кормчимъ, который, измѣняя себѣ, можетъ опять возвратиться въ міръ зависящаго, но оставаясь вѣрнымъ себѣ, т. е. тѣмъ убѣжденіямъ, которыя считаемъ выразителями истины, находится на пути къ самозависящему.

Подмѣтить и оцѣнить убѣжденія и вѣрованія, оцѣнить ту степень нравственнаго мужества, съ которымъ личность готова защищать принятое ею за истину, конечно, трудно; разобраться въ личности ребенка или раба—гораздо легче. Есть, слѣдовательно, два міра поступковъ: одинъ исходящій отъ событій—отъ приговоровъ естественныхъ, и другой, исходящій отъ философіи, отъ приговоровъ самозависящихъ.

Не станемъ же доказывать, что оцѣнка нравственной стороны личности вовсе недоступна ни дѣтямъ, ни рабамъ, т. е. ни людямъ еще нравственно непрозрѣвшимъ, ни другимъ, нравственно-ослѣпшимъ.

Итакъ, для оцѣнки личности дѣйствительной, т. е. доступной и зависящимъ, и независящимъ мотивамъ, а слѣдовательно, и для отысканія сферы ея правъ обязанности и отвѣтственности, нужны оба элемента мотивовъ и оба элемента средствъ.

Такимъ образомъ, на основаніи всего сказаннаго

выше, считаемъ неоспоримо доказаннымъ, что законодательство, которое бы стало игнорировать проведенное нами руководящее начало, а равнымъ образомъ, производящее его оцѣнку съ помощію одного изъ элементовъ человѣческихъ способностей, непремѣнно уклоняется или въ сторону идеализма, или же въ сторону матеріализма, т. е. его рѣшенія будутъ или ребяческими, или мертвящими, какъ это бываетъ съ частными отношеніями, основывающимися на критеріѣ принятостей и могущества.

Теперь, устранивъ всѣ помѣхи дальнѣйшаго изслѣдованія, разсмотримъ генетическія нормы единичнаго выраженія собирательной воли и разсмотримъ ихъ именно на основаніи необходимости взаимодѣйственнаго отношенія обоихъ элементовъ человѣческихъ способностей.

Крайнія нормы намъ уже извѣстны. Первая, отвѣчающая первобытной культурѣ, представляетъ сочетаніе, исходящее отъ самаго верхняго общественнаго слоя съ формальностями самаго грубаго порядка. Конечно, въ дѣйствительности, неосвѣщенной наукою, бралъ верхъ то одинъ, то другой элементъ этой нормы. Вторая же, отвѣчающая логически-возможному совершенству общества, должна быть сочетаніемъ единогласія, исходящаго отъ всѣхъ, съ формальностями, способствующими научнымъ рѣшеніямъ законодательныхъ задачъ.

Наконецъ, мы выяснили, въ какомъ именно смыслѣ совершенствуются элементы эквивалентной нормы, по мѣрѣ бо́льшей и бо́льшей зрѣлости общества.

Но насъ занимаетъ, прежде всего, норма, относящаяся къ той ступени общественнаго развитія, на которой научная мысль располагаетъ началомъ, руководящимъ рѣшеніями законодательныхъ задачъ и формулою техническаго проведенія этихъ рѣшеній.

Итакъ, разсмотримъ, къ какой нормѣ тяготѣютъ внутренніе и внѣшніе элементы человѣческихъ способностей, направленные основнымъ свѣтомъ, доставляемымъ соціозофическою мыслью.

Внутреннія способности собирательной среды, направленныя естественными и нравственными мотивами, опирающимися на руководящее рѣшеніями начало—внѣ болѣзненностей и низостей, а слѣдовательно, внѣ стремленій чувствъ и разсчетовъ укоснительнаго порядка—тяготѣютъ всегда къ поддержкѣ болѣе разумнаго мнѣнія. Какъ-бы мы ни разнились во мнѣніяхъ по данному напр. законодательному вопросу, но какъ скоро станемъ обсуждать его только съ помощію одного центростремительнаго элемента способностей и при освѣщеніи одного и того-же руководящаго начала, то диспутъ неминуемо кончится тѣмъ, что болѣе дѣльному мнѣнію дадимъ перевѣсъ надъ всѣми остальными, и что, слѣдовательно, всѣ эти остальныя мнѣнія уступятъ добровольно, т. е. присоединятся искрен-

нѣе къ тому мнѣнію, которое одерживаетъ верхъ. Единство внутреннихъ психическихъ основъ съ одной стороны, и единство руководящаго начала, — съ другой, ведутъ къ этому исходу неминуемо, насколько техническую сторону задачи рѣшаютъ тоже однѣ только внутреннія способности.

Итакъ собраніе, котораго члены неизуродованы ни уклоненіями жизни, ни ошибками философіи, и притомъ руководствующееся — руководящимъ началомъ, примѣняемымъ съ помощью однѣхъ только внутреннихъ способностей, приходитъ всегда къ единогласнымъ рѣшеніямъ, по вопросамъ, касающимся административнаго, предупредительнаго и судебнаго отправленія власти.

При рѣшеніи-же вопросовъ того-же порядка, но съ помощію опирающагося на руководящее начало внѣшняго элемента способностей, одно мнѣніе, никогда, надъ всѣми остальными не торжествуетъ; а не торжествуетъ потому, что оцѣнка фактовъ и отношеній, вводимыхъ въ соціозофическую форму, имѣя дѣло съ подвижнымъ жизненнымъ матеріяломъ, никогда не можетъ быть математически-точною. Внутреннія способности производятъ эту оцѣнку индуктивно, вслѣдствіе чего и соглашеніе здѣсь возможно; опытный же путь, присущій внѣшнему разумѣнію, исключаетъ возможность этой согласимости. Рѣшенія, слѣдовательно, собирательной среды, полагающейся на внѣшнія способ-

ности, не могутъ-быть единичны. — Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, онѣ могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: — одной, мнѣнія которой будутъ выше стоимости данныхъ фактовъ и отношеній, и другой, которая эти факты и отношенія переоцѣнитъ.

Итакъ, рѣшенія собранія, руководствующагося центробѣжнымъ элементомъ психизма, всегда множественны, хотя множественность эта тѣмъ менѣе, чѣмъ выше уровень философскаго и описательнаго образованія его членовъ. При самомъ-же высшемъ уровнѣ, возможны двойственныя, по даннымъ общественнымъ вопросамъ, рѣшенія. Нужны-же, конечно, въ виду жизненнаго руководительства, рѣшенія единичныя, такъ какъ оказывается невозможнымъ одновременно назначать и большую степень наказанія и меньшую, исключать языки древности изъ преподаванія и не исключать ихъ и т. п.

Итакъ, передъ нами задача о сведеніи множественныхъ прикладныхъ рѣшеній, присущихъ внѣшнему элементу способностей, съ единичнымъ рѣшеніемъ, присущимъ элементу внутреннему.

Задачу эту рѣшить можно на томъ самомъ основаніи, на какомъ приходимъ лично къ окончательному рѣшенію въ данномъ практическомъ случаѣ. И здѣсь, точно также, внѣшнія способности представляютъ нашему выбору нѣсколько рѣшеній. Между этими рѣшеніями — какъ-бы проектами — избираемъ одинъ,

или-же сочетаемъ ихъ, такъ или иначе, *по приговору внутреннихъ нашихъ способностей.* — А слѣдовательно и въ данномъ вопросѣ, оба элемента, такъ какъ они служатъ нормами — что нами уже доказано, — должны имѣть самостоятельный вѣсъ, и *неисключимость этихъ элементовъ достигается ничѣмъ инымъ, какъ раздѣленіемъ собранія на двѣ палаты: обсуждающую и рѣшающую. Этимъ путемъ множественныя рѣшенія одной палаты будутъ сводимы къ единичному выраженію, съ помощію единогласныхъ рѣшеній другой.*

Палата слѣдовательно „обсуждающая" — нижняя, не является съ единичными проектами закона, потому что такіе проекты могутъ быть достигнуты только насилованіемъ естественнаго тяготѣнія внѣшнихъ способностей, а съ нѣсколькими проектами, которые и защищаетъ передъ палатою верхнею. Защита эта не будетъ здѣсь фиктивною, какъ это имѣетъ мѣсто въ собраніяхъ рѣшающихъ большинствомъ, потому что modus единогласія верхней палаты исключаетъ возможность всякой партіонной замкнутости. Наконецъ проекты закона, исходящіе или обсужденные въ нижней палатѣ, сводятся къ единичному проекту единогласнымъ рѣшеніемъ въ верхней. При отсутствіи же соглашенія рѣшаетъ министерство — тронъ. Вотъ та норма единичныхъ рѣшеній сеймовой единицы, которая восторжествуетъ надъ ошибочною нормою правъ большинства, и которая составитъ залогъ единенія не только воли пре-

стола съ волею народа на всѣхъ поприщахъ центральной и мѣстной дѣятельности власти, но равнымъ образомъ и двухъ элементовъ общественной жизни: правительственнаго и товарищескаго.

Итакъ, представительное собраніе должно состоять изъ двухъ палатъ: обсуждающей и рѣшающей. Элементы умѣнія и заслуги должны войти съ собою не въ борьбу, а въ нравственное единеніе. Единеніе это потушитъ и пламя борьбы и неправды, брошенное правомъ большинства, и устранитъ гнетъ юридической безправности, тяготѣющій надъ обществомъ, не желающимъ приниматься за игру въ государственную власть.

Что представленное нами сочетаніе элементовъ нормы дѣйствительно отвѣчаетъ тому уровню зрѣлости соціозофической мысли, надъ проведеніемъ котораго трудимся, это можемъ доказать, равнымъ образомъ, и историческимъ путемъ.

И такъ, до рѣшенія соціозофической задачи мы имѣли борьбу отрицанія съ фанатизмомъ — правъ насилія съ правами ложныхъ принциповъ, слѣдовательно, въ виду торжества первыхъ, элементы нормы были соединяемы подъ верховенствомъ тѣхъ или другихъ формальностей, что и выразилось напр. въ правахъ численнаго большинства. Въ виду-же торжества послѣднихъ, элементы нормы тоже бывали соединяемы, но уже подъ верховенствомъ свободы личности, что и выразилось въ торжествѣ единогласія.

Въ логически-же возможномъ идеалѣ общественнаго совершенства застаемъ тоже не самостоятельное воздѣйствіе элементовъ нормы другъ на друга, а совмѣстность, но совмѣстность эта условлена здѣсь тождествомъ довода внутренняго и внѣшняго, тождествомъ, о которомъ, въ дѣйствительной жизни, точно также не можетъ быть рѣчи, какъ не можетъ быть рѣчи объ абсолютномъ подчиненіи одного другому.

Итакъ, неразрѣшенность соціософической задачи условливала эти подчиненія, разрѣшеніе ея абсолютное, то есть идеальное, а слѣдовательно жизненно-невозможное, условило-бы ихъ сліяніе безразличное; разрѣшеніе же общественной задачи, только основное, указываетъ на такое, отвѣчающее уровню зрѣлости общества, сочетаніе элементовъ нормы, при которомъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ абсолютнаго перевѣса.

Остается, слѣдовательно, открытымъ только вопросъ о тѣхъ различіяхъ отысканной нами нормы, которыя соотвѣтствуютъ болѣе частнаго характера особенностямъ данной сеймовой среды.

Частностей этого вопроса разрабатывать въ настоящемъ трудѣ не будемъ. Для каждаго очевидно, что дѣло касается здѣсь вопроса о происхожденіи представителей народной воли, съ одной стороны, а ценза на право представительства — съ другой. Наконецъ и то ясно, что просторъ правъ избиранія, по мѣрѣ общественнаго развитія, расширяется, цензъ же на право

избираемости по мѣрѣ общественнаго совершенствованія дѣлается все выше и выше. Наконецъ и то неоспоримо, что и женщина, хотя-бы сначала подъ тягчайшимъ цензомъ, но все же должна быть призвана къ государственному дѣлу. Внѣ этого, всѣ наши самыя честныя и разумныя усилія были-бы совершенно напрасны, потому что она — представительница центростремительныхъ психическихъ способностей.

Мужчина не можетъ замѣнить женщины въ государственномъ дѣлѣ, *какъ скоро научная мысль открыла въ этомъ дѣлѣ и ея поприще* *).

Рѣшивъ этотъ, самый общій, вопросъ, можемъ теперь приспособить это рѣшеніе къ задачѣ о нормѣ выборовъ.

Если наше рѣшеніе было вѣрно, то, въ такомъ случаѣ, наведеніе будетъ и возможно, и цѣлесообразно.

Недостатки выборовъ, проводимыхъ численнымъ большинствомъ и непосредственнымъ единогласіемъ, очевидны.

Первые доставляютъ торжество отрицательнымъ личностямъ борьбы и комуны, личностямъ, которня не стѣсняются пустить въ ходъ пружины лицемѣрія, подкупа, обмана и, вообще, тѣхъ или другихъ нрав-

---

*) Гдѣ только нуженъ внутренній процессъ естественно- или нравственно-направленныхъ способностей, тамъ женщина имѣетъ первенствующій голосъ.

Прим. автора.

ственныхъ наглостей. Вторые-же доставляютъ торжество фанатикамъ т. е., защитникамъ государства для государства или свободы для свободы, а слѣдовательно людямъ, которые, вмѣсто убѣжденій, увлекаютъ избирателей шумными фразами и патетическими рѣчами.

Въ первомъ, слѣдовательно, случаѣ будутъ избраны нравственные подонки обоихъ слоевъ — кулаки, занятые только личною экономическою и государственною карьерою. Во-второмъ-же, выборы падутъ на тѣ безплодныя личности, которыя, по убѣжденію, посвящаютъ дѣйствительное человѣческое дѣло фанатической защитѣ приличій и условныхъ отношеній.

Выборъ-же долженъ, очевидно, пасть не на отрицателей и фанатиковъ, а на людей самыхъ независимыхъ и способныхъ, вслѣдствіе чего, обѣ примѣняемыя до-нынѣ нормы — непригодны.

Обращаемъ вниманіе читателя еще на то, что выборы обоихъ этихъ порядковъ развращаютъ общество тѣми пріемами насилія и хаоса, которые, неминуемо, оставляютъ болѣзненный слѣдъ въ общественномъ самосознаніи. Общество ищетъ въ каждомъ собирательномъ своемъ отправленіи торжества разума и совѣсти, а встрѣчаясь, вмѣсто этого, съ кулачествомъ и паѳосомъ, развращается. Русское общество недоумѣваетъ, откуда взялось въ немъ то, поглощающее трудовую дѣятельность человѣка, кулачество, о которомъ, въ недавнее время, не было и рѣчи. Права численнаго боль-

шинства въ дѣлахъ земства — вотъ окончательный источникъ кулачества. Въ Китаѣ поглощаетъ все не кулачество, а обрядность, и источникъ этого — верховенство единогласія.

Наконецъ, единогласные выборы даютъ предста. вителей одного только меньшинства; выборы же другаго порядка оставляютъ меньшинство безъ представителей.

Эти крупные недостатки обѣихъ употребляемыхъ нормъ устраняются такимъ сочетаніемъ вѣса формы и свободы, какое сейчасъ найдемъ, обсуждая этотъ вопросъ, по аналогіи съ рѣшеніемъ задачи, о нормѣ выраженія сеймовой воли.

И такъ, избраніе должно пасть на тѣхъ изъ кандидатовъ, выставленныхъ кружками, которые будутъ единогласно одобрены выборнымъ комитетомъ. Совершенно какъ тамъ: тотъ проектъ закона торжествуетъ, который, изъ числа прочихъ, поданныхъ кружками нижней палаты, получилъ единогласную санкцію въ палатѣ верхней.

Наконецъ, по той-же аналогіи — въ случаѣ, если одинъ или нѣсколько представителей не могутъ-быть избраны комитетомъ единогласно, то выборы ихъ предоставляются (изъ числа всѣхъ оставшихся кандидатовъ) министерскому элементу.

Провести-же выборы по этой нормѣ — легко. Для этого устанавливаемъ: a) цифру всѣхъ избирателей, b)

кандидатовъ въ представители — депутаты и с) цифру членовъ выборнаго комитета. Поэтому, если на *x* тысячъ избирателей нужно избрать напр. 10 депутатовъ, то избираемъ не десять, а, напр., 30 кандидатовъ въ депутаты, и кромѣ того, 10 членовъ выборнаго комитета. Далѣе, установляемъ прежде то количество голосовъ, которое получить нужно, чтобы считаться или кандидатомъ въ депутаты, или членомъ выборнаго комитета. Положимъ, что для этого нужно получить 50 избирательскихъ отмѣтокъ. Зная это, мы представляемъ избирателямъ списокъ всѣхъ правомѣрныхъ къ избранію гражданъ. На этихъ спискахъ избиратели дѣлаютъ свои акредитивныя отмѣтки, и притомъ каждый противъ одного, избираемаго имъ въ депутаты, и другаго — избираемаго въ выборный комитетъ. — Каждый, получившій 50 отмѣтокъ, считается или кандидатомъ, или членомъ комитета. Такимъ образомъ, послѣ выборовъ, имѣемъ 30 кандидатовъ и 10 членовъ выборнаго комитета. Эти послѣдніе соединяются наконецъ въ собраніе и, послѣ правильныхъ и открытыхъ преній, избираютъ, единогласно, 10 депутатовъ изъ числа 30, предложенныхъ выборами, кандидатуръ. Можетъ наконецъ случиться, что комитету не удастся придти къ единогласному соглашенію на счетъ выбора одного или нѣсколькихъ представителей. Въ такомъ случаѣ они избираются изъ числа всѣхъ остальныхъ кандидатовъ, представителемъ цен-

тральной власти въ выборахъ мѣстныхъ, а министерскимъ элементъ—въ выборахъ центральныхъ.

Совершенно тотъ-же порядокъ выборовъ относится къ избранію одного лица, напр. предсѣдателя и т. п. Въ этомъ случаѣ, составляемъ списокъ лицъ, которыя могутъ-быть въ данномъ случаѣ избранными, т. е. отвѣчающихъ той нормѣ образованія и заслуги, какая признана требовательною, и предлагаемъ этотъ списокъ избирателямъ, которые и дѣлаютъ противъ тѣхъ или другихъ фамилій свои акредитивныя отмѣтки.— Если, слѣдовательно, избирателей имѣемъ, напр. 500. а требуется избрать хотя бы предсѣдателя, то избираемъ 5 каидидатовъ въ предсѣдатели и 10 членовъ выборнаго комитета, такимъ образомъ, что каждый получившій, положимъ, 50 отмѣтокъ предсѣдательскихъ, считается кандидатомъ на эту должность, а каждый, получившій 50 отмѣтокъ въ члены комитета, считается членомъ. Послѣ этого, какъ выше сказано, избранные въ комитетъ соединяются и, послѣ правильныхъ и открытыхъ преній, имѣющихъ цѣлью пролить свѣтъ на требованія условій и общественное поприще кандидатовъ, рѣшаютъ выборъ между 5-ю предложенными кандидатами единогласно.

Если-же напр. единогласный выборъ не можетъ быть достигнутъ, то члены выборнаго комитета могутъ быть переизбраны. Въ случаѣ-же вторичной неудачи, рѣшаетъ, конечно, въ мѣстныхъ кругахъ —

центральное, а въ центральныхъ — министерское начало.

Несомнѣнно также, что, такъ-какъ кандидаты избираются не въ одну, а въ двѣ палаты, изъ которыхъ одна имѣетъ болѣе внѣшній и мѣстный, другая-же болѣе внутренній и общій характеръ, то, вслѣдствіе этого, списокъ лицъ правомѣрныхъ къ избранію долженъ быть двойной, т. е. въ одномъ изъ нихъ должны-быть выставлены фамиліи лицъ, квалифицирующихся къ избранію въ верхнюю палату и въ верхній выборный комитетъ, въ другомъ-же — фамиліи лицъ, отвѣчающихъ нравственно-образовательному цензу, назначенному для членовъ нижней палаты и нижняго выборнаго комитета.

Такимъ образомъ, если выборы будутъ производиться напр. въ волостное собраніе, то избиратели дѣлаютъ свои отмѣтки на двухъ спискахъ, послѣ чего имѣемъ два выборные комитета и двоякаго порядка кандидатовъ.

При этомъ нужно замѣтить, что каждый избиратель напр. въ волостное собраніе выбираетъ кандидатовъ въ верхнюю его палату и въ верхній выборный комитетъ изъ всѣхъ другихъ селеній, кромѣ своего, въ палату-же нижнюю и въ нижній комитетъ — только изъ своего селенія.

То же самое, при выборахъ въ провинціальный сеймъ: кандидаты въ верхнюю палату и въ верхній

комитетъ избираются изъ числа гражданъ всѣхъ губерній данной провинціи, кромѣ губерніи своей, въ палату-же нижнюю или нижній комитетъ избираются только сограждане по губерніи.

Или напр. въ центральный сеймъ. Въ верхнюю его палату каждая провинція посылаетъ членовъ, избранныхъ ею во всѣхъ провинціяхъ, кромѣ своей; въ палату-же нижнюю выборы производитъ между согражданами по провинціи. — Сенатъ является вслѣдствіе этого представительнымъ органомъ страны по преимуществу.

Итакъ, знаемъ норму научнаго строенія волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ, провинціальныхъ и наконецъ центральныхъ, представительныхъ единицъ, знаемъ, говорю, то ихъ строеніе, которое дѣлаетъ ихъ *сочетаемыми* съ министерскимъ элементомъ, не только въ сферѣ центральныхъ, но равнымъ образомъ и въ сферѣ мѣстныхъ отправленій власти.

Мы уже доказали, что ни представительныя, ни министерскія: судъ, полиція и администрація — невозможны, что, равнымъ образомъ, невозможно сочетать ихъ по образцу боярскихъ соборовъ и западныхъ учрежденій. И вотъ научный путь третированія государственной задачи оказывается самымъ вѣрнымъ въ достиженіи той цѣли, которая составляетъ юридическую основу, соотвѣтствующаго человѣческой природѣ

(и естественной и нравственной), государственнаго порядка.

Нѣтъ повода думать, что напр. судъ, котораго слѣдственная, разборная и постановляющая дѣятельность будетъ исходить отъ составной судебной единицы, устроенной на вышесказанныхъ основаніяхъ, будетъ опрометчивъ или оплошенъ, жестокъ или склоненъ къ послабленіямъ и т. п. Нѣтъ, промахи эти свойственны только суду или административному, или представительному, или же неправильному сочетанію того и другаго, какое находимъ въ судѣ присяжныхъ. Реформа этого послѣдняго неизбѣжна, потому что, какъ нами доказано, судебная дѣятельность министерскаго и представительнаго элемента не можетъ быть раздѣляема ни по кругамъ, ни по поприщамъ судебной дѣятельности. Всѣ судебныя учрежденія, начиная отъ суда волостнаго и оканчивая центральнымъ судебнымъ учрежденіемъ, не могутъ быть устроены иначе, какъ на общихъ основаніяхъ составной государственной единицы. И въ свою очередь, невозможно предоставлять центральному элементу поприще слѣдствія и разбирательства, а представительному — поприще рѣшенія, какъ это имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ; нѣтъ, всѣ эти три поприща одинаково относятся къ обоимъ элементамъ суда. Противорѣчіе, возведенное въ принципъ — другое дѣло, а сочетаніе противоположныхъ

принциповъ на почвѣ уровня общественнаго развитія — опять другое.

Если назначенія на всѣ государственныя должности исходятъ отъ составной центральной власти, если исправленіе этихъ должностей, въ свою очередь, входитъ въ сочетаніе съ мѣстнымъ представительствомъ, если центральное законодательство точно также исходитъ не отъ борьбы престола съ сеймомъ, а отъ ихъ соглашенія, опирающагося на юридически-вѣрной почвѣ, то государственная жизнь восходитъ на ту высоту, которая недосягаема ни революціямъ, ни реакціямъ!

Мы старались указать на тѣ грустныя ошибки и тѣ пороки, которымъ поддается, неминуемо, каждый изъ элементовъ государственной власти, какъ скоро становится въ роли, исключающей юридическую жизнь другаго элемента. Мы старались доказать, что государственная власть составляетъ только естественнаго порядка проводникъ объектовъ жизненной истины, и что источникъ какъ государственной и товарищеской, такъ и вообще всякой человѣческой власти находимъ въ велѣніяхъ жизненно-истиннаго. Далѣе, мы провели критерій надлежащихъ общественныхъ цѣлей, а слѣдовательно и критерій объектовъ человѣческаго права. Этимъ мы старались водрузить знамя авторитета на-

уки въ дѣлахъ между-человѣческихъ отношеній, и отнять у событій то верховенство, которое они, въ виду ошибочности общественныхъ убѣжденій и вѣрованій, въ настоящее время захватываютъ. Далѣе мы указали неотложность и естественнаго, и юридическаго взаимодѣйствія обоихъ элементовъ власти, на всѣхъ поприщахъ центральныхъ и мѣстныхъ ея отправленій. Мы выставили на видъ и устранили помѣхи, какія мысль встрѣчала на этомъ пути. Съ этой цѣлью, мы старались установить строгое различіе необезпеченной, естественной и юридически-обезпеченной почвы сочетанія воли престола съ волею народа. Старались доказать, что, внѣ юридически-обыкновеннаго ихъ общенія, невозможна правильная и надлежащая дѣятельность власти, а невозможна, прибавимъ, потому, что, внѣ этой почвы, нѣтъ внѣшней инстанціи, регулирующей возможныя столкновенія, и нѣтъ, однимъ словомъ, взаимныхъ обезпеченій разумности и добросовѣстности, *обезпеченій, которыя составляютъ единственную задачу человѣческихъ трудовъ на всѣхъ поприщахъ жизни.* Игнорируя эту задачу, гдѣ бы то ни было, — игнорируемъ дѣло человѣческаго прогресса. Законъ обезпечиваетъ надлежащность отношеній двухъ элементовъ общественнаго взаимодѣйствія: центробѣжнаго — верхній слой, и центростремительнаго — нижній слой, а статутъ обезпечиваетъ надлежащность отношеній тѣхъ-же самыхъ элементовъ власти. Наконецъ, мы

старались отыскать, отвѣчающую настоящему уровню общественныхъ знаній норму строенія сеймовой единицы, а затѣмъ указали на возможность и неотложность сочетанія такимъ образомъ устроенной сеймовой единицы съ министерскимъ элементомъ, на всѣхъ поприщахъ центральнаго и мѣстнаго — хозяйственнаго, полицейскаго и судебнаго отправленія власти.

На сколько мы успѣли въ основномъ и техническомъ разрѣшеніи государственной задачи, объ этомъ судить будетъ, конечно, читатель. Для насъ-же, лично, не только научно, но даже и практически *) доказано, что, внѣ защищаемыхъ нами основъ строенія государства, все прочее не болѣе, какъ праздная и вредная выдумка. Конечно, мы сдѣлали въ данный моментъ для насъ возможное, и полагаемся не столько на тѣ доказательства, которыя могли быть пущены въ дѣло въ настоящемъ трудѣ, сколько на поддержку со стороны тѣхъ друзей правды и человѣчества, которые съумѣютъ лучшимъ образомъ обосновать и развить наши положенія. Мы уже упоминали, что на единичныя усилія полагаться невозможно. Самый мелкій вопросъ жизни не можетъ быть разрѣшенъ иначе, какъ только въ связи со всѣми другими

*) Размѣры не измѣняютъ сути дѣла: порядки, которые оправдались между тысячами взволнованныхъ идеями и событіями людей, тѣмъ паче оправдаются и между этими милліонами.

вопросами гуманитарнаго порядка и съ самыми глубокими философскими обобщеніями, а „*на все*“ единичныя и часто-изнуренныя тревогами и печалями человѣческія силы — слишкомъ слабы. Конечно, можно разрѣшить „все“ и разрѣшить какъ слѣдуетъ. Но, къ несчастію, дѣло не только въ рѣшеніи, но и въ мелочной разработкѣ рѣшенія. А здѣсь-то силы единичной личности — и оказываются ничтожны.

Да, плодотворенъ будетъ тотъ моментъ, когда окажется возможнымъ призвать собирательную мысль на такіе подвиги, которые не могутъ быть забыты.

Наше-же дѣло — tentare... и до тѣхъ поръ, пока зерно здоровой мысли, убиваемое въ продолженіе столькихъ столѣтій, когда-нибудь пуститъ ростки въ почву общественнаго сознанія. Съ этого момента его дѣло выиграно, а вмѣстѣ съ тѣмъ выиграно и дѣло человѣчества, которое не на тоже существуетъ, трудится и мыслитъ, чтобы никогда не добиться плодовъ жизненно-истиннаго.

Наконецъ, мы старались на основаніи неопровержимаго закона, управляющаго надлежащими исходами международныхъ отношеній, доказать, что въ виду культурнаго равенства русской и польской народности съ одной стороны, а въ виду сдруженія и національной родственности этихъ народностей—съ другой, юридическая дѣятельность которой-нибудь изъ нихъ не имѣетъ ни естественнаго, ни нравственнаго основанія. Подчиненность эта была исторически-не-

обходима только до тѣхъ поръ, пока культурная сторона, защищая свои національныя особенности, вынуждена была прибѣгнуть къ внѣшнему насилію, и пока, наконецъ, религіозный, національный и государственный фанатизмъ съ одной стороны, а дѣтство общественной науки съ другой — ставили преграду федеральнымъ отношеніямъ. Патріотическое чувство, предпочитающее свою страну другимъ, относящееся въ извѣстной мѣрѣ эгоистически къ задачамъ другихъ народовъ, наравнѣ съ реагентами расы, языка, вѣроисповѣданій, нравовъ, климатовъ, почвы и т. п., имѣетъ свое научное основаніе. Оно ставитъ преграды добровольнымъ сліяніямъ тамъ, гдѣ эти сліянія еще неумѣстны, и, по отношенію къ возможности дальнѣйшаго совершенствованія, гибельны. *Единство внутренняго тяготѣнія естественной и нравственной человѣческой природы борется съ рознью тамъ, гдѣ эта рознь мѣшаетъ совершенствованіямъ, а различія нормъ, въ которыхъ* (общественно, нравственно и естественно) *проявляются эти основы, борются съ единствомъ тамъ, гдѣ это единство тормозитъ путь правды и прогресса.* Вотъ законъ, управляющій отношеніемъ космополитическихъ и патріотическихъ стремленій.

Какъ скоро, слѣдовательно, обѣ народности культурно уравнялись, какъ скоро, и вслѣдствіе этого, и вслѣдствіе настоящаго подъема общественныхъ знаній, свободная общность не угрожаетъ болѣе правамъ ко-

торой-нибудь изъ сторонъ, — программа юридической зависимости является безцѣльною и устарѣвшею.

Мы выказали, почему дальнѣйшее отстаиваніе этой программы неминуемо ведетъ къ разложенію нравственной устойчивости сильнѣйшей стороны. На этой-же почвѣ — торжество принциповъ отрицанія, т. е. или государственной борьбы — парламентаризма, или комунаризма — неминуемо. Торжество же безправныхъ отношеній, конечно, не нужно ни русской, ни польской народности.

Итакъ, мы утверждаемъ, что степень зрѣлости русскаго общества уже ручается за то, что *федеральныя отношенія съ польскою народностью ему уже по силѣ, и что, вслѣдствіе этого, подобный исходъ составляетъ единственный modus vivendi отвѣчающаго требованіямъ времени соглашенія обѣихъ народностей.* А соглашеніе это необходимо, въ виду объединенія другихъ народностей. Окончательное объединеніе Германіи не должно застать центральной силы славянства разъединенною въ борьбѣ, а слѣдовательно — немощной и въ нравственномъ, и въ естественномъ отношеніи.

Итакъ, соглашеніе это, даже съ точки зрѣнія международныхъ отношеній, сдѣлалось историческою необходимостію. Такимъ образомъ, историческая необходимость указываетъ намъ на неотложность соглашенія, а почва этого соглашенія не была извѣстна. Федеральныя отношенія — это пустой звукъ, пока эле-

менты цивилизаціи вообще, а элементы государственности въ особенности, — не сведены къ жизненно-вѣрной почвѣ.

Вотъ почему мы особенно настойчиво указывали на этотъ корень зла и старались устранить этимъ кризисъ, одинаково-грозный для обѣихъ народностей.

Итакъ, строго-научный методъ историческаго и соціозофическаго изслѣдованія, хотя и исключаетъ праздную болтовню и головоломныя несообразности, дорого стоившія человѣчеству, но зато вводитъ насъ въ колею международной и государственной жизни, согласную съ велѣніями исторіи и долга. Колея эта можетъ быть временно оспариваема; ей еще должны служить поддержкою самые обширные и глубокіе горизонты философскаго знанія; но будущее принадлежитъ, несомнѣнно, ей. Она не грозитъ ни отрицаніемъ самозависящаго человѣческаго достоинства, ни фанатическимъ раболѣпіемъ передъ тѣми или другими обычаями, а вводитъ насъ въ міръ убѣжденій тождественныхъ съ центромъ тяготѣнія и человѣческой природы, и событій, *указывая на два пути, которыми достигается прогрессъ: путь естественныхъ, нравственныхъ и общественныхъ обезпеченій, дѣйствующихъ принудительно, и — другихъ, которыя насъ не принуждаютъ, а убѣждаютъ. Міръ этого единенія авторитета и философіи составляетъ стезю въ полномъ смыслѣ слова человѣческую.* Мы увѣрены твердо, что геній славян-

ства ранѣе другихъ явится заступникомъ этого міра, а затѣмъ займетъ то мѣсто основной опоры человѣческихъ преуспѣяній, которое, повидимому, предназначено ему Провидѣніемъ.

Выборъ между дикимъ прошедшимъ и разумнымъ будущимъ для народовъ Запада — труднѣе. Азартная товарищеская, государственная и политическая игра, выдаваемая за настоящее человѣческое дѣло, обуяла тамъ умы, развила болѣзненность стремленій, дала почву привычкамъ игорнаго дома, такъ жестоко иллюстрированнымъ напр. смертію Линкольна и Гарфильда. Наконецъ, неповиновеніе авторитету великихъ, хотя и заблуждавшихся мыслителей и такихъ же великихъ, но болѣзненныхъ событій, а затѣмъ — дорогóю, нравственною цѣною оплачиваемое экономическое превосходство, загородили тамъ побѣды дѣйствительно-разумной мысли и жизни.

Совершенно-иную нравственную почву находимъ въ русскомъ и польскомъ обществѣ. Помимо различія культурныхъ и государственныхъ идеаловъ, помимо симптомовъ разложенія, которые обнаруживаются здѣсь вслѣдствіе той или другой односторонности, отрицательные люди и порядки не возведены у насъ въ заправляющее жизнью начало. Отрицаніе самозависящаго міра личности, а слѣдовательно, и отрицаніе неприкосновенности сферы человѣческаго права, не составляетъ у насъ основы ни міровоззрѣній, ни поряд-

ковъ. Основы эти для русской народности: внутренній центростремительный элементъ естественнаго и нравственнаго права личности; для польской — элементъ этого права внѣшній, центробѣжный — мужескій. Вслѣдствіе этого, намъ хотя и угрожаютъ заѣзжіе и доморощенные опортюнисты и комунары — сторонники безправной борьбы и безправной общности; но они еще не управляютъ нами. Они у насъ неуспѣли еще завладѣть ни товариществомъ, ни государствомъ, ни первенствующимъ авторитетомъ въ раздѣльныхъ отношеніяхъ, а составляютъ только исключеніе, съ которымъ до времени боремся побѣдоносно. Тамъ-же время это уже отбыло: юридическій руль человѣческаго дѣла вырванъ тамъ изъ рукъ людей тѣхъ или другихъ убѣжденій и находится въ рукахъ людей интереса, отрицателей — матеріалистовъ.

Міры, слѣдовательно, славянской и западной культуры, это, въ настоящее время — бездна различія: это міры нравственный и естественный. Это — верховенство философіи, убѣжденій, самостоятельности и верховенство опыта, разсчетовъ и зависимости. Убѣжденія наши были ошибочны, но мы съ радостью примемъ истинныя; развить же истинныя убѣжденія на почвѣ нравственнаго отщепенства можно, но только въ частныхъ, а не въ общихъ случаяхъ. Для общихъ же случаевъ, нужны новыя поколѣнія, совѣсть которыхъ не убита еще человѣческою обидою.

Да, нравственное мужество доступнѣе славянской расѣ. Мы можемъ всецѣло подчиниться и материнскому, и отеческому авторитету государства, товарищества и раздѣльности; но подчиненія силѣ для силы — не выно́симъ. Вотъ почему, ни права большинства, ни безучастность закона къ различію въ нуждахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности гражданъ, ни стаднаго порядка общность, — не привились и не прививаются въ славянской средѣ.

Напрасно, слѣдовательно, люди, жадные къ азартной политической, экономической и государственнй игрѣ (той игрѣ, которая, не пренебрегая оружіемъ обмана, идетъ къ побѣдѣ) или другіе, озлобленные гражданственнымъ униженіемъ, съ презрѣніемъ смотрятъ на болгарскій народъ, отвергающій западнаго порядка гарантіи гражданственности. Онъ отвергаетъ потому, что это — подлогъ. Западная мысль выдаетъ гарантіи беззащитности слабѣйшаго человѣка и гарантіи государственнаго отрицанія самостоятельности человѣческаго права — за гарантіи гражданственности и свободы. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, по недоразумѣнію, старались привить права численнаго большинства и абсолютное равенство передъ закономъ и, вообще, принципы отрицанія — къ государственной жизни болгарскаго общества. Но опытъ не удался. Здравый смыслъ славянской народности чутко различилъ струю, въ которой бьетъ источникъ уваженія человѣческаго

достоинства, уваженія, хотя-бы и ошибочно выраженнаго, отъ другой, въ которой человѣкъ низведенъ на степень безправныхъ силъ природы; силъ, съ которыми считаются только какъ съ помѣхою или помощію, но которыхъ и не уважаютъ, и не презираютъ.

Передъ нами, слѣдовательно, путь вѣрный. Опираясь на руководящемъ началѣ стоимости данной личности и на формулѣ отыскиванія и проведенія объектовъ жизненно-истиннаго, мы должны сочетать оба элемента цивилизаціи, т. е. оба элемента естественныхъ и нравственныхъ совершенствованій. Въ частности же, передъ нами задача сочетанія обоихъ элементовъ раздѣльныхъ, товарищескихъ и государственныхъ факторовъ общественной жизни, а слѣдовательно, прежде всего — устроеніе надлежащей юридической и фактической почвы, обезпечивающей эти сочетанія.

Да, гарантіи и прогрессъ, почва человѣческаго дѣла и самое дѣло, обезпеченіе побѣдъ истины въ жизни и стяжаніе все высшихъ и высшихъ плодовъ этихъ побѣдъ—вотъ два элемента человѣческаго дѣла

Внѣ же его, есть только или верховенство событій—насилія, безошибочное въ среднихъ путяхъ, но тяжкое, убивающее и естественную, и нравственную сторону жизни въ своемъ частномъ движеніи; или же верховенство принятостей — ошибочное въ среднихъ

путяхъ, но залѣчивающее промахи своихъ соперницъ въ частности.

Не станемъ же выжидать ни приговоровъ событій, ни подчиняться слѣпо-непровѣреннымъ наукою убѣжденіямъ, а займемся дѣломъ того всерѣшающаго сочетанія, при звукахъ котораго... забудетъ свои томленія человѣчество.

Надѣемся, что, опровергнувъ права большинства и верховенства зависимаго порядка стремленій, мы успѣли проникнуть въ самое сердце отрицательныхъ государственныхъ порядковъ;

что, выказавъ границы авторитета убѣжденій и непригодность господства единогласія, мы положили конецъ государственному фанатизму; и

что, въ свою очередь, защитивъ дѣйствительный критерій истинныхъ исходовъ общественныхъ отношеній, а слѣдовательно, критерій правъ данной личности, и поставивъ равносильное строеніе государственной единицы, мы положили, между прочимъ, основаніе научныхъ государственныхъ строевъ, не роняющихъ ни вѣса убѣжденій, ни вѣса событій.

ЧАСТЬ IV.

ПОЧВА СОЧЕТАНІЯ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ И МѢСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Глава XV. Исторія отношеній между центральными и мѣстными государственными учрежденіями.

Глава XVI. Научныя строенія мѣстныхъ государственныхъ строеній.

Глава XVII. Законодательная сторона мѣстныхъ государственныхъ учрежденій: а) ихъ составъ, б) атрибуціи, в) строеніе мѣстнаго законодательства, г) право избирательства, д) строеніе мѣстныхъ выборовъ, ж) право избираемости.

Глава XVIII. Итоги по вопросамъ о строеніи мѣстныхъ государственныхъ учрежденій и о почвѣ ихъ сочетанія съ центральными.

XV.

ИСТОРІЯ ОТНОШЕНІЙ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ И МѢСТНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНІЯМИ.

Казалось-бы, не можетъ подлежать сомнѣнію, что организмъ государственныхъ учрежденій, въ своей дѣятельности, долженъ составлять одно стройное цѣлое и что всякая разрозненность мѣстной и центральной власти несогласна съ природою государства.

Къ счастію, легко спохватиться, что наука должна имѣть дѣло не съ абстрактнымъ понятіемъ государственнаго организма, а съ дѣйствительнымъ организмомъ, какой при данныхъ жизненныхъ условіяхъ возможенъ.

Идея организма, во всей ея полнотѣ, точно также какъ всякая другая безусловно-законченная идея—неосуществима.

И, въ свою очередь, каждая идея осуществима въ тѣхъ количественныхъ и качественныхъ размѣрахъ,

для которыхъ существуетъ достаточный матеріалъ въ жизни.

Вотъ почему спекулятивное мышленіе, исходящее отъ понятія организма, отъ его идеи, ведетъ къ непрактическимъ, т. е. къ жизненно-неприложимымъ выводамъ.

Въ виду этого попытаемся разрѣшить задачу о правильныхъ отношеніяхъ центральныхъ и мѣстныхъ государственныхъ учрежденій эмпирическимъ путемъ.

Здѣсь, конечно, исходимъ уже не отъ идеи организма, а отъ данныхъ фактовъ государственной жизни: — обобщеніе этихъ фактовъ должно привести насъ къ разрѣшенію подлежащей задачи.

Факты эти говорятъ намъ слѣдующее:

Чѣмъ стройнѣе организмъ, тѣмъ съ большею упорностію и силою дѣйствуетъ, при его посредствѣ, центральный регуляторъ. Поэтому, если регуляторъ этотъ — а въ настоящемъ случаѣ государственная воля — направленъ *ненадлежащимъ* образомъ, то, чѣмъ стройнѣе организмъ государственныхъ учрежденій, тѣмъ бо́льшая сумма вреда грозитъ обществу.

Если же это вѣрно, то отсюда слѣдуетъ, что, такъ какъ человѣческая, а слѣдовательно и государственная воля проявляется, на практикѣ, только въ сферѣ бо́льшихъ или меньшихъ ошибокъ, то разрознен-

ность учрежденій центральныхъ и мѣстныхъ составляетъ единственный якорь спасенія.

Вотъ вамъ, слѣдовательно, читатель, два противорѣчія по данному вопросу, къ какимъ приводятъ спекуляція и торжество идеи съ одной, а эмпирія и торжество фактовъ — съ другой стороны.

Первая научаетъ: государственныя учрежденія должны составлять одно стройное цѣлое; разъединенность центральныхъ и мѣстныхъ государственныхъ отправленій несогласна съ природою государства, какъ организма.

Вторая-же повѣствуетъ: государственныя учрежденія не должны составлять стройнаго цѣлаго; противорѣчія — борьба составляетъ природу не только государства, но и вообще всѣхъ группировокъ жизни.

Надъ рѣшеніемъ этого cercle vicieux, который повторяется во всѣхъ философскихъ вопросахъ о добрѣ, о благѣ, о жизненной истинѣ, напрасно до нашего времени изощрялся человѣческій геній. Споръ идеализма съ эмпиризмомъ остался открытымъ.

Какимъ образомъ упразднить этотъ многовѣковой споръ? Въ чемъ причина противорѣчій и непрактичности обоихъ философскихъ міровоззрѣній?

А въ томъ, что не абсолютныя идеи и не факты, какими они есть, — руководятъ ходомъ и строеніемъ жизни, а напротивъ *стоимость данной жизни* руководитъ нормами надлежащаго ея теченія, съ одной,

а нормами надлежащихъ ея строеній — почвою — съ другой стороны.

Вотъ рѣшеніе основной философской задачи: *стоимость данной жизни — критерій объектовъ практической истины*, и я счастливъ, читатель, что являюсь передъ тобою не съ пустыми руками, какъ это водилось тысячи лѣтъ, а съ этимъ мощнымъ оружіемъ, съ помощью котораго торжество человѣческаго дѣла вытѣснитъ ошибки авторитета и свободы.

Не ссылаться, *напримѣръ*, на степень зрѣлости общества, *а исходить отъ нея, какъ отъ критерія*, должна общественная наука. Мы въ поискахъ за всеобщимъ регуляторомъ философскихъ сужденій постоянно наталкивались на невозможности, происходящія отъ измѣненій уровня стоимости данной жизни, не догадавшись, что этотъ уровень и есть искомый регуляторъ.

Итакъ, если стоимость среды управляетъ рѣшеніемъ тѣхъ или другихъ соціозофическихъ задачъ, то попытаемся же, съ помощію этого критерія, разрѣшить задачу о надлежащихъ отношеніяхъ мѣстныхъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій.

Мы уже видѣли, что идея организма требуетъ стройности государственной и что слабыя стороны общественной жизни домогаются разрозненности мѣстныхъ и центральныхъ государственныхъ учрежде-

ній. Раздается вопросъ, чего же требуетъ нашъ критерій, т. е. *жизнь данная*, разсматриваемая и не какъ идеальное совершенство, и не какъ недочеты?

Очевидно, что эта дѣйствительная жизнь должна требовать того генетическаго уровня и стройности, и разрозненности, и централизаціи, и автономіи, какой отвѣчаетъ степени зрѣлости общества.

Вотъ гдѣ, слѣдовательно, настоящее рѣшеніе занимающаго насъ вопроса.

Попытаемся провѣрить это рѣшеніе индуктивнымъ и историческимъ путями.

Предположимъ, что данное общество находится въ состояніи первобытномъ, т. е. въ такомъ, гдѣ царятъ страсти и разсчеты и гдѣ незамѣтны сознательная правдивость и убѣжденія. Допустимъ, что въ такомъ обществѣ существуетъ власть, и что власть эта стройно и цѣлостно пустила свои корни въ общество. Не ясно-ли, что и общественность, и творчество, и правдивость были-бы тамъ въ опасности. Безсмысленныя страсти и разсчеты государственнаго регулятора, находя себѣ поддержку въ цѣлостности системы и отправленій, стали-бы въ обществѣ всемогущими; онѣ, слѣдовательно, съумѣли-бы поставить преграды человѣческому генію, изыскивающему, на каждомъ поприщѣ жизни, лучшее.

Допустимъ, въ свою очередь, что въ томъ же самомъ первобытномъ обществѣ существуетъ безуслов-

ная автономность мѣстныхъ государственныхъ учрежденій и что вслѣдствіе этого цѣлое не воздѣйствуетъ на части. Невозможность такого положенія очевидна, и для каждаго ясно, что если въ дикомъ обществѣ потерянъ противовѣсъ общаго—хотя бы это общее выражалось самымъ нелѣпымъ образомъ, то, конечно, не встрѣтимся здѣсь съ апатіею, безнадежностію, сокровеннымъ хищеніемъ и раболѣпіемъ, но встрѣтимся зато съ борьбою, не хуже апатіи разлагающею общество.

Необходимость относительной доли самостоятельности центральныхъ и мѣстныхъ государственныхъ учрежденій можно оправдать, равнымъ образомъ, и съ точки зрѣнія международнаго міроваго авторитета.

Спрашиваемъ, почему до настоящаго времени почти незамѣтны ни центральныя, ни мѣстныя международныя учрежденія; почему законодательная и исполнительная власть, въ дѣлахъ касающихся международной справедливости и творчества, находится до настоящаго времени въ зачаточномъ состояніи?

Да потому, что мы еще не стóимъ и не вынесемъ высокихъ генетическихъ звеньевъ центральнаго и мѣстнаго международнаго авторитета.

Проведите въ настоящее время стройныя центральныя міровыя учрежденія — и вы ввергнете одни народы въ апатію, другіе—въ отчаяніе. Не споримъ:

апатія и отчаяніе бываютъ хороши въ международныхъ отношеніяхъ, но только въ значеніи пальятивнаго средства, подготовляющаго и проводящаго кризисъ, но они не нужны въ значеніи цѣли, основнаго состоянія человѣческихъ обществъ.

Или, въ свою очередь, проведите высокія звенья мѣстныхъ международныхъ учрежденій, какъ законодательныхъ, такъ и исполнительныхъ, — и вы усилите этимъ международную рознь и борьбу, которыя, какъ правило, то же нежелательны.

Теперь посмотримъ, оправдываетъ-ли выведенныя нами положенія, исторія отношеній между центральными и мѣстными государственными учрежденіями?

Конечно, мы не станемъ утомлять читателя томами фактовъ и фразъ. Въ наше время нѣтъ надобности допускать, что читатель нуждается въ ослѣпляющемъ свѣтѣ фразъ и въ грубыхъ ударахъ фактовъ, и лучше всего предположить, что онъ знаетъ столько-же или болѣе нашего, и что, слѣдовательно, достаточно будетъ употребить въ дѣло очевидность и ясность, чтобы убѣдить его.

Еслибы централизованность или же децентрализованность учрежденій и дѣятельности государства составляла идеальную норму отношеній общаго къ частному, то мы бы встрѣтились, въ исторіи развитія государственности, съ безпрерывнымъ умаленіемъ или единства, или же автономности.

До настоящаго времени мнѣнія раздѣлялись именно на эти два направленія: одно, которое въ первобытныхъ стадіяхъ государственности замѣчаетъ самую широкую сплоченность, въ дальнѣйшихъ же— постоянное умаленіе этой сплоченности, и другое, которое, въ тѣхъ-же первобытныхъ стадіяхъ, видитъ самую широкую автономность государственныхъ частей, въ дальнѣйшихъ же ступеняхъ развитія замѣчаетъ постоянное умаленіе автономности.

Но какимъ же образомъ одни и тѣ же историческіе факты могутъ приводить къ двумъ взаимно исключающимъ себя выводамъ? И не очевидно-ли отсюда, что существуютъ двѣ стороны этого вопроса, за одну изъ которыхъ хватается одно, за другую-же другое направленіе? Сторонники усиленія автономности разсматриваютъ только внѣшнюю сторону вопроса, вслѣдствіе чего историческіе факты указываютъ имъ на усиленіе государственной децентрализованности. Сторонники-же единства изучаютъ историческій ходъ внутренней стороны подлежащаго вопроса, вслѣдствіе чего историческіе факты указываютъ имъ на окончательное усиленіе государственнаго единства. Вотъ тѣ ловушки, которыя, во всѣхъ философскихъ изысканіяхъ, ставитъ человѣческому генію изолированная индукція или дедукція.

Не одну изъ сторонъ даннаго дѣла, а нормы надлежащихъ сочетаній этихъ сторонъ должно разсматри-

вать, если желаемъ придти къ вѣрнымъ выводамъ. А съ этой точки зрѣнія разсматриваемый, на исторической аренѣ, вопросъ объ отношеніяхъ центральныхъ и мѣстныхъ государственныхъ учрежденій и вдобавокъ разсматриваемый *не въ данномъ времени и мѣстѣ, а въ центрѣ совершенствованія человѣческихъ обществъ* — указываетъ намъ на постоянное совершенствованіе и единства государства, и автономности его частей. Насильственная централизованность государства дѣйствительно умаляется, но зато усиливается свободная. — И, въ свою очередь, гармоническая автономность частей усиливается на счетъ революціонной.

Итакъ, передъ нами вопросъ только о сочетаніяхъ государственнаго единства съ разрозненностію, а не о побѣдѣ которой-нибудь изъ этихъ формъ. Вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ ни спекулятивнымъ, исходящимъ отъ идеи государства, ни эмпирическимъ, исходящимъ отъ данныхъ фактовъ, путемъ, но онъ рѣшается путемъ, нами указаннымъ, т. е. съ точки зрѣнія степени зрѣлости общества. Идей надлежащихъ, т. е. управляющихъ жизнью, не знаемъ; фактовъ надлежащихъ, т. е. составляющихъ выраженіе хорошаго, здороваго, правдиваго хода жизни, то же не знаемъ. Все это, слѣдовательно, неизвѣстныя, которыя нужно найти, а не извѣстныя, отъ которыхъ исходить могли-бы философскія изысканія. Обѣ, слѣдова-

вательно, доктрины, исходя отъ неизвѣстныхъ, неминуемо обрекали философію на немощность.

Но какъ скоро поймемъ, что извѣстное въ философіи — это потребности жизни, потому что ихъ критерій — стоимость данной жизни, стоимость, которую можемъ измѣрять и оцѣнять, и какъ скоро, вслѣдствіе этого, исходить станемъ отъ этихъ, доступныхъ описательной наукѣ. извѣстныхъ, то вслѣдствіе этого дадимъ философскимъ изслѣдованіямъ новое, вѣрное и ведущее къ пониманію объектовъ жизненноистиннаго, направленіе.

Переворотъ этотъ будетъ, конечно, тождественъ съ тѣмъ переворотомъ, который начался для астрономіи отъ Коперника, но тѣмъ лучше! Человѣчество истомилось ошибками и грозами, и наврядъ-ли, достигнувъ яснаго пониманія своего невѣдѣнія, могло-бы существовать долго. Вѣра и философія, какъ опоры нравственной жизни, такъ же необходимы, какъ необходима природа и знаніе, какъ опоры естественной жизни.

Итакъ, ни автономность не побѣждаетъ стройности, ни наоборотъ; но обѣ онѣ, въ результатѣ историческаго хода государственности, совершенствуются. Онѣ дѣлаются все болѣе и болѣе сочетаемыми, и довольно оцѣнить степень развитія общества, чтобы открыть вѣрный путь къ отысканію относительной нормы этого сочетанія.

Вотъ, слѣдовательно, откуда нужно было исходить, вотъ тотъ руководящій рѣшеніемъ соціозофическихъ задачъ критерій, который соглашаетъ указанія идей съ указаніями фактовъ.

Уровень стоимости данной жизни, какъ совпадающій съ объектами надлежащихъ потребностей той же жизни — вотъ руль философскаго пониманія.

Итакъ, на первой ступени развитія видимъ только первыя звенья — и стройности, и разрозненности государственныхъ учрежденій. Они тамъ сочетаются въ наименьшей мѣрѣ. Итакъ нужно было; а нужно — потому, что и центральные, и мѣстные регуляторы государственные стремились тамъ къ ошибочнымъ общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ цѣлямъ. Вслѣдствіе этого, встрѣчая другъ въ другѣ взаимную грубую помѣху, они принуждены были измѣнять свои цѣли такимъ образомъ, чтобы придти къ извѣстнымъ соглашеніямъ. — Но, спрашиваемъ, на какой же почвѣ соглашенія становились все болѣе и болѣе возможны? Очевидно, что насколько обѣ стороны примыкали въ своихъ стремленіяхъ къ объектамъ жизненно-истиннаго, т. е. къ дѣйствительнымъ рѣшеніямъ подлежащихъ общественныхъ нравственныхъ и творческихъ задачъ, настолько отношенія ихъ становились сочетаемыми. Вотъ почему борьба между обѣими этими формами государственности, косвеннымъ образомъ, вліяла на совершенствованіе.

Борьба эта, въ границахъ относительной степени зрѣлости общества, нужна; безъ нея, мы бы надѣялись на одинъ лишь положительный факторъ жизни, забывая, что факторъ отрицательный, въ общемъ, тоже правъ.

Придвигаясь же нѣсколько ближе къ исторіи отношеній между стройностію и автономностію, мы бы легко могли замѣтить, что онѣ чередуются между собою, т. е. что разъ общества считаютъ хорошимъ усилить значеніе государственныхъ частей, другой же разъ —значеніе цѣлаго. Наконецъ понятно, что пока наука стояла то за ту, то за другую сторону, не зная критерія, этою сочетаемостію заправляющаго, до тѣхъ поръ кризисы управляли историческимъ ходомъ этихъ отношеній.

Вотъ единственно-вѣрное рѣшеніе вопроса о значеніи и границахъ централизаціи и децентрализаціи государственной.

XVI.

НАУЧНЫЯ СТРОЕНІЯ МѢСТНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ: ВОЛОСТИ, УѢЗДА, ГУБЕРНІИ И НАМѢСТНИЧЕСТВА.

Основы, которыя мы успѣли провести для центральныхъ учрежденій, относятся несомнѣнно и къ строенію учрежденій и дѣятельности государства мѣстной.

Различія строеній центральныхъ отъ мѣстныхъ — не основнаго, а техническаго порядка. Они истекаютъ отъ разницы въ степени развитія тѣхъ общественныхъ сферъ, которыя составляютъ почву приложенія одного и того же руководящаго начала съ одной, а отъ разницы размѣра, т. е. внѣшняго круга дѣятельности этихъ сферъ—съ другой стороны.

Вотъ почему, если вѣрно, что среда центральной власти правоспособнѣе среды провинціальныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ единицъ, и если очевидно, что кругъ ея дѣятельности шире, то

отсюда заключаемъ, что типы строенія мѣстныхъ государственныхъ учрежденій и функцій должны быть тѣмъ проще, тѣмъ первичнѣе, чѣмъ низшее занимаютъ они мѣсто въ государственномъ организмѣ.

Мы уже доказали, что надлежащая автономность мѣстныхъ учрежденій составляетъ непремѣнное условіе не только государственнаго, но даже общественнаго совершенствованія и что идея безусловной стройности единства наравнѣ съ идеею безусловной разрозненности — борьбы государственныхъ учрежденій одинаково ошибочны. Ошибочность эту мы доказали не только теоретически, *проводя тотъ руководящій принципъ, котораго бытовое значеніе требуетъ и стройности, и борьбы*, но равнымъ образомъ и индуктивно, оправдывая нашъ выводъ историческимъ путемъ. Эпохи перевѣса то централизаціи, то автономности чередуются между собою, а это, конечно, не имѣло-бы мѣста, еслибы или единство, или автономность были обречены на гибель природою человѣческой жизни и условій.

Теперь остается, слѣдовательно, опредѣлить тѣ нормы сочетанія мѣстной и центральной власти, которыя будутъ соотвѣтствовать зрѣлости общества.

Государственная практика, вразрѣзъ съ доктринами, постоянно и упорно отстаиваетъ и стройность, и автономность государственныхъ учрежденій, но

она не успѣла выработать началъ, которыя могли-бы служить основаніемъ для сочетанія обоихъ защищаемыхъ ею порядковъ.

Почву для этихъ сочетаній найдемъ непремѣнно въ надлежащихъ строеніяхъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ государственныхъ учрежденій.

Благотворное вліяніе общаго на частное, и обратно-возможно только тамъ, гдѣ не только надлежащія стремленія и идеи руководятъ обществомъ, но гдѣ, кромѣ того, почва—строеніе отношеній правильно.

Политическое доктринерство силится найти рѣшеніе совершенно другимъ путемъ; оно, поневолѣ соглашаясь на одновременное существованіе и стройности и автономности, старается разграничить внутреннія сферы вѣдомства государственной власти, центральной и мѣстной. Но задача, поставленная такимъ образомъ, не разрѣшима: нѣтъ той мѣстной дѣятельности, которая бы не затрогивала общее благо, и, въ свою очередь, каждый поворотъ цѣлаго неминуемо отражается на судьбѣ всѣхъ его составныхъ частей. Допустимъ окончательность административныхъ, судебныхъ и полицейскихъ рѣшеній волости, уѣзда, губерніи, провинціи, хотя бы въ самой тѣсной сферѣ государственныхъ задачъ, и вдругъ окажется, что получимъ хаосъ, не какъ исключеніе — что нужно, а какъ правило — что не нужно. Вотъ почему, хотя

опытами разграничиванія мѣстнаго и центральнаго вѣдомства завалены библіотеки, но всѣ эти опыты, какъ рѣшающіе вопросъ абстрактно, не привели къ желаемымъ результатамъ.

Итакъ, утверждаемъ, что вопросъ рѣшается самъ собою, если вмѣсто того, чтобы механически раздѣлять нераздѣлимое, — а нераздѣлимо ни общественное благо, ни общественная власть — мы разрѣшимъ другой вопросъ, касающійся научнаго строенія мѣстныхъ правительственныхъ органовъ и ихъ дѣятельности.

То же самое затрудненіе встрѣчали мы и въ вопросѣ о нормахъ сочетанія воли престола съ народною волею. Тамъ доктрина точно также силилась раздѣлить атрибуціи сторонъ, предлагая напр. оставить за тономъ исполненіе и за сеймомъ законодательство, или же за тономъ нравственный, за сеймомъ же фактическій авторитетъ и т. п. Но мы уже достаточно выяснили, что всѣ эти раздѣленія сферы вѣдомства безсмысленны, потому что нѣтъ вопроса, въ которомъ тронъ или сеймъ могутъ быть лишаемы голоса, и что, все-таки, сочетаніе обоихъ элементовъ государственной власти не только возможно, но даже желательно, если хотимъ, чтобы строеніе центральной правительственной единицы было надлежащее.

То же самое надѣемся доказать и въ занимающемъ насъ теперь вопросѣ. Итакъ:

Разсматривая по аналогіи съ центральною составъ мѣстной государственной единицы, мы находимъ въ ней двоякія учрежденія: законодательныя и исполнительныя.

Законодательная сторона мѣстныхъ государственныхъ учрежденій.

Законодательныя учрежденія состоятъ изъ 1) представителя центральной власти: это такъ называемые начальники волости, уѣзда, губерніи и провинціи; и 2) изъ мѣстныхъ представителей.

Оба эти элемента составляютъ, въ своей правильной взаимодѣйственной дѣятельности, мѣстную законодательную правительственную единицу.

Только на почвѣ сочетанія обоихъ этихъ элементовъ возможно устранить слабыя стороны бюрократическаго и представительнаго мѣстнаго режима.

Мы попытаемся вкратцѣ обрисовать атрибуціи, составъ, строеніе, происхожденіе и дѣятельность мѣстныхъ государственныхъ единицъ.

Атрибуціи. Мы уже пояснили, почему неумѣстно проводить безусловныя границы между мѣстными и центральными государственными учрежденіями. То же самое отнести можемъ къ раздѣленію власти между начальникомъ и съѣздомъ. Поэтому за мѣстную власть считать должно или 1) соглашеніе обоихъ элемен-

товъ, или 2) рѣшенія высшихъ государственныхъ инстанцій — въ случаѣ невозможности этого соглашенія.

Въ Англіи комитеты представителей пользуются окончательнымъ, т. е. рѣшающимъ голосомъ, въ ущербъ представителямъ центральной власти, но въ такомъ случаѣ благо всего государства не находитъ себѣ спеціальнаго защитника въ строеніи мѣстной единицы.

Во Франціи элементы самоуправленія пользуются совѣщательнымъ голосомъ, но право совѣта власти не есть еще право участія во власти. Мѣстные сеймы, пользующіеся однимъ лишь совѣщательнымъ голосомъ, апатичны. А эта ихъ апатія скорѣе портитъ, нежели исправляетъ бюрократію.

Мы просимъ читателя не забывать, что постоянно еще ведемъ рѣчь о законодательныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, вовсе не касаясь предмета исполнительной дѣятельности мѣстной власти на поприщахъ предупреждающемъ—полиція, регулирующемъ—администрація, и исправляющемъ — судъ, факты.

Въ Россіи мѣстный представительный элементъ государственности, т. е. земство имѣетъ отдѣльный отъ бюрократіи кругъ вѣдѣнія, но не имѣетъ самостоятельности. Земства не пользуются ни совѣщательнымъ голосомъ въ кругу вѣдѣнія мѣстной бюрократіи, ни самостоятельностію въ кругу собственнаго

вѣдѣнія, вслѣдствіе чего съ одной стороны они устранены отъ вліянія на власть, съ другой же — подчинены власти.

Разъ признавъ принципъ раздѣленія круговъ вѣдѣнія бюрократіи и представительства, русское законодательство неминуемо вынуждено было, въ виду цѣлостности государственнаго механизма, подчинить земство центральному элементу, и совершенно нелогично — мечтать о самостоятельности земства, защищая одновременно раздѣленіе круга вѣдомства между земствомъ и министерскимъ элементомъ.

Вотъ почему соединеніе и круговъ вѣдомства, и обоихъ элементовъ — составляетъ единственный исходъ изъ путаницы ошибокъ бюрократическаго и аристократическаго характера.

Намъ возразятъ: такое соединеніе хотя и дастъ намъ составную и хорошую мѣстную дѣятельность государства, но поглотитъ самоуправленіе. Да, такое самоуправленіе, которое разыгрываетъ роль свободы и составляетъ только органъ бюрократіи,— способно поглотить; но самоуправленію дѣйствительному, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ трудѣ, оно откроетъ путь.

Итакъ, дѣло только въ устроеніи почвы сочетанія голоса мѣстныхъ представителей съ голосомъ сходокъ, съѣздовъ, соборовъ.

Строеніе представительнаго элемента мѣстной государственной законодательной единицы. Опять по аналогіи съ разрѣшеннымъ нами вопросомъ о строеніи центральнаго сейма—парламента, мы вправѣ заключить, что земскій сходъ, съѣздъ, соборъ и т. п. долженъ состоять изъ двухъ палатъ, верхней, избираемой напр. для волости каждымъ селеніемъ изъ числа гражданъ всѣхъ селеній этой волости, кромѣ мѣстнаго, для провинціи — каждою губерніею изъ числа обывателей всѣхъ губерній этой провинціи, кромѣ той, гдѣ съѣздъ засѣдаетъ и т. д., и нижней, въ которую избираютъ членовъ для волости изъ всѣхъ селеній, для уѣзда — изъ всѣхъ волостей, для провинціи — изъ всѣхъ ея губерній. Проекты, составленные мѣстною исполнительною властію, палатами и центральнымъ представителемъ, поступаютъ въ палату нижнюю—редакціонную, тамъ подвергаются разбору, сводятся къ возможно-наименьшему, по данному вопросу, количеству и затѣмъ поступаютъ въ верхнюю палату, передъ которою защищаютъ ихъ или оспариваютъ назначенныя для этого нижнею палатою лица.

Послѣ окончанія диспута, члены верхней палаты вступаютъ въ обмѣнъ мнѣній съ представителемъ центральной власти.

При этомъ могутъ быть три случая: а) когда соглашеніе будетъ достигнуто, б) когда соглашеніе

не достигнуто, но одинъ изъ проектовъ принятъ верхнею палатою безъ поправокъ или съ поправками такимъ большинствомъ, какое исключаетъ возможность существованія доктринерскихъ или корыстныхъ партій; и в) когда ни соглашеніе, ни требуемое большинство не достигнуты. Въ первомъ случаѣ вопросъ рѣшенъ окончательно; во второмъ — представитель центральной власти имѣетъ право апшелировать въ высшія государственныя учрежденія; въ третьемъ же рѣшеніе принадлежитъ центральному представителю мѣстной власти, т. е. старшинѣ, исправнику и т. п.

Наконецъ, постараемся отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) кто въ волости, уѣздѣ, губерніи и провинціи можетъ пользоваться правомъ избирательства? 2) каково научное строеніе мѣстныхъ выборовъ? 3) кто можетъ пользоваться правомъ избираемости? и 4) каковы общіе наши, по вопросу о мѣстной государственной единицѣ, выводы?

Право избирательства. Нормы выборныхъ правъ различны въ каждой сферѣ мѣстныхъ государственныхъ учрежденій. Принято утверждать, что гражданское равенство передъ закономъ составляетъ демократическій принципъ. Ошибочность этого утвержденія мы уже доказали. Прибавимъ, что если это положеніе принимать въ томъ смыслѣ, какой ему приписывали дѣйствительно разумные мыслители, т. е. если станемъ утверждать, что власть должна быть

безпристрастна, что власть эта должна руководствоваться правами гражданъ и справедливостію, а не страстями, разсчетами, привычками и принятостями, то кто же въ состояніи оспаривать это положеніе? Но если разумѣемъ подъ равенствомъ передъ закономъ и властію—равенство правъ, обязанностей и отвѣтственности каждаго гражданина, то защищаемъ явную нелѣпость, которая не нужна ни демократіи, ни аристократіи, но которая нравится, отрицающимъ совѣсть и человѣческое достоинство, подонкамъ обоихъ слоевъ. Эти-то подонки, тяготясь обязанностями и отвѣтственностію и увѣренные въ безправности слабѣйшаго человѣка, защищаютъ безусловное равенство передъ закономъ, какъ самое дѣйствительное средство борьбы съ труженикомъ и его порабощенія.

Въ сущности безусловное равенство передъ закономъ такъ же точно не нужно демократіи, какъ безусловное неравенство не нужно аристократіи; *но обоимъ слоямъ нужно равенство относительное, т. е. установленное по отношенію къ стоимостямъ человѣческихъ личностей.* Вотъ общечеловѣческій юридическій принципъ.

Разница же внѣшне-сильнѣйшихъ, т. е. аристократіи, отъ внѣшне-слабѣйшихъ, т. е. демократіи, по этому вопросу, состоитъ только въ спеціализаціи одного и того-же, устанавливаемаго нами, общечеловѣческаго принципа.

Спеціализація эта состоитъ въ томъ, что демократія настаиваетъ на выполненіи, въ отношеніи ея, обязанностей внѣшне-сильнѣйшими, аристократія же настаиваетъ на выполненіи въ отношеніи ея обязанностей внѣшне-слабѣйшими.

Демократія всегда требовала и требуетъ, чтобы слой, пользующійся большимъ умственнымъ, эстетическимъ и экономическимъ достаткомъ, употреблялъ этотъ достатокъ не на бездѣлье, а на то, на что онъ данъ, т. е. на прогрессъ творчества, правдивости и общественности. Она понимаетъ или должна понимать, что, внѣ досуга и лишнихъ средствъ, некому бы было вести впередъ дѣло совершенствованія гарантій человѣческихъ побѣдъ, и что, слѣдовательно, ни юридическое, ни фактическое безусловное равенство не желательно. Она, въ свою очередь, и то понимаетъ, что не всякъ компетентенъ пользоваться данными благами, и что, вслѣдствіе этого, большинство общественныхъ золъ истекаетъ изъ того источника, что права и блага распредѣлены въ общественномъ организмѣ не по стоимостямъ, а по игрѣ слѣпаго насилія и случая.

Мы, конечно, не утверждаемъ, что распредѣленіе правъ, обязанностей, отвѣтственности и средствъ должно окончательно вытѣснить два другіе принципа, т. е. распредѣленіе по случаю и обычаю; но утверждаемъ, конечно, что раціональный принципъ долженъ

составлять правило, регулирующее велѣнія эмпирическихъ принциповъ.

Внѣшне-сильнѣйшій членъ общества точно также развращается въ сферѣ низменныхъ обязанностей и отвѣтственности, доступныхъ даже слабѣйшему члену, какъ этотъ послѣдній развращается въ сферѣ правъ и средствъ, относящихся къ высшимъ человѣческимъ стоимостямъ.

Итакъ, *демократія борется только съ неравенствомъ безсмысленнымъ, а стоитъ за отношенія и почву по стоимостямъ, т. е. стоитъ за то же самое, что съ другой только стороны защищаетъ аристократія.*

Слѣпыя доктрины прошедшаго, борьбу съ которыми начинаемъ, исходя не отъ здоровыхъ нуждъ жизни къ надлежащимъ идеямъ и побѣдамъ, а отъ данныхъ идей и побѣдъ (фактовъ) къ нуждамъ жизни, перепутали нетолько всѣ философскія задачи, но вдобавокъ, вооружили противъ себя два слоя человѣчества. Онѣ приписали имъ противоположнаго характера стремленія и обрекли человѣчество на безъисходную борьбу, составляющую якобы сущность всякаго бытія.

Мы увѣрены, что *настало время свергнуть съ философіи иго доктринерства*, обрекающее человѣческую жизнь и мысль на безплодіе.

Но оставимъ пока въ сторонѣ этотъ всерѣшающій философскій вопросъ объ извѣстныхъ, отъ которыхъ

исходить можно и должно, и о неизвѣстныхъ, которыя составляютъ искомое философіи.

Итакъ, соціософія говоритъ намъ, что *регулирующее ея рѣшеніями начало составляетъ стоимость данной личности* и отвѣчающій этой стоимости кругъ правъ, обязанностей и отвѣтственности, что аристократія, т. е. внѣшне-сильнѣйшіе защищаютъ одну сторону этого круга, демократія же, т. е. внутренне-сильнѣйшіе—другую. Далѣе, та-же наука успѣетъ доказать, неоспоримымъ образомъ, что обѣ эти стороны человѣческаго права и дѣла составляютъ одно стройное цѣлое, и что, вслѣдствіе этого, нужно соотвѣтствіе уступокъ обѣихъ сторонъ, соотвѣтствіе, неисключающее побѣдъ ни прогресса, ни человѣчности.

Такимъ образомъ, дѣятельное участіе въ выборахъ опредѣляется стоимостію личностей, съ одной, и кругомъ дѣятельности, какой имѣютъ въ виду выборы, съ другой стороны. Вотъ почему, такъ какъ кругъ дѣятельности, волостной единицы довольно ограниченъ, то право избирательства можетъ распространяться здѣсь на всѣхъ гражданъ—друзей общества и человѣческаго дѣла. Исключеніямъ подлежать могутъ только несовершеннолѣтніе, больные и состоящіе подъ юридическою карою.

Считаемъ не лишнимъ сказать въ этомъ мѣстѣ нѣсколько словъ о правахъ женщины на аренѣ государственной и политической дѣятельности.

Если рѣшающій голосъ, въ данной собирательной общественной средѣ, признать или за простымъ большинствомъ, или же за единогласіемъ, то участіе женщины было-бы вредно, а вредно потому, что почва, въ средѣ которой пришлось-бы ей дѣйствовать, была-бы фальшива. Женщинѣ же труднѣе мужчины выносить гнетъ фальшивыхъ условій общественной жизни. При борьбѣ нравственныхъ и экономическихъ насилій, истекающей отъ нормы правъ простаго большинства, она усиливала-бы эту борьбу, доводя ее до крайностей. При борьбѣ же вліяній, какая составляетъ непремѣнное послѣдствіе нормы единогласія, женщина отстаивала-бы постоянно уже сложившіеся авторитеты, въ ущербъ наростающимъ, что, конечно, въ свою очередь, нежелательно.

Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ женщинѣ не удавалось отстоять свое участіе въ мѣстномъ и центральномъ государственномъ представительствѣ. Но, какъ скоро общественная почва собирательныхъ формъ и дѣятельности радикально измѣняется, какъ скоро, вмѣсто фальшивыхъ условій и фальшиваго строенія собирательной дѣятельности, ставимъ научно вѣрную почву, то вопросъ объ участіи женщины принимаетъ другой оборотъ. Онъ измѣняется такимъ образомъ, что, если при торжествѣ простаго большинства и единогласія, ея участіе было вредно, то здѣсь— вредно ея отсутствіе. Тамъ, гдѣ внѣшнее и внутрен-

нее насиліе не истекаютъ изъ фальшиваго строенія органовъ и дѣятельности, голосъ женщины благотворенъ; онъ сдерживаетъ именно насильственныя наклонности мужчины и вноситъ въ общественную жизнь то мягкое начало уступокъ, которыя составляютъ, если не залогъ, то пружину побѣдъ правды надъ различными уродствами.

Наконецъ ясно, что ограниченія выборнаго права тѣмъ строже, чѣмъ выше подымаемся въ системѣ правительственныхъ учрежденій. Избиратели вполнѣ надежные, при выборахъ членовъ волостной сходки, могутъ оказаться ниже задачи, при выборахъ членовъ уѣзднаго, губернскаго и провинціальнаго сейма.

Считаемъ еще нелишнимъ прибавить, что безмѣрное ограниченіе права избирательства такъ же опасно, какъ безпредѣльное его расширеніе. Здравомыслящіе, хотя и малообразованные люди, въ дѣлѣ оцѣнки, часто выше другихъ, получившихъ шаблонное образованіе.

Строеніе мѣстныхъ выборовъ. Отыскивая вообще нормы строенія собирательныхъ рѣшеній, мы старались обосновать наши выводы на научномъ анализѣ человѣческой природы, а слѣдовательно, на ясномъ пониманіи тѣхъ способностей и средствъ, отъ которыхъ исходитъ наша общественная дѣятельность. Вотъ единственно вѣрный и вполнѣ научный путь, котораго если и не придерживались до настоящаго

времени въ морфологическихъ изысканіяхъ, касающихся общественныхъ вопросовъ, то не придерживались единственно потому, что разборъ человѣческой природы не былъ еще завершенъ наукою, и сведенъ къ двумъ, ее составляющимъ, элементамъ. Конечно, мы не могли въ настоящемъ трудѣ представить рѣшеніе этой задачи съ достаточною полнотою, — для этого потребуется спеціальный и обширный трудъ, — но, во всякомъ случаѣ, мы поставили на видъ окончательные наши выводы и обрисовали въ крупныхъ чертахъ тѣ доказательства, на которыхъ эти выводы опираются.

Итакъ, мы утверждали, что проявленія жизни вообще, а человѣческой и общественной жизни въ частности, суть ни что иное, какъ акты взаимодѣйствія двухъ элементовъ: мужескаго, т. е. жизненности, обозначенной количественными — внѣшними границами, и женскаго, т. е. жизненности, обозначенной качественными—внутренними границами. Въ первомъ случаѣ, всѣ лучи—категоріи жизненности опираются на внѣшніе механизмы, вслѣдствіе чего получаемъ искусственную сторону жизненныхъ проявленій—*это гарантіи.* Во второмъ же, тѣ самыя категоріи жизненности опираются на внутреннія формулы, обозначающія качества даннаго типа, вслѣдствіе чего получаемъ не искусственную, а естественую сторону жизненныхъ проявленій — *это основы.*

Итакъ, мы доказали, основываясь на дедукціи и наблюденіи, что обмѣнъ мнѣній между людьми, располагающими попреимуществу внутренними организующими способностями и силами, тяготѣетъ въ своихъ рѣшеніяхъ къ единогласію. Это случается, конечно, вслѣдствіе тождественности внутреннихъ императивовъ человѣческой природы, императивовъ, которые еще не перепутаны фальшивыми принятостями, законностями, догматами и принципами.

Точно такимъ же образомъ и спекулятивно, и индуктивно убѣдиться можемъ, что какъ скоро члены данной собирательной единицы приступаютъ къ обсужденію даннаго общественнаго вопроса, опираясь не на велѣніяхъ разсудка и совѣсти, а на доктринерскія мѣрила, то единогласіе становится невозможнымъ.

Замѣтимъ, что оно невозможно даже въ такомъ случаѣ, если принципъ, руководящій нашими рѣшеніями, вѣренъ, а невозможно по той простой причинѣ, что стороны разойдутся въ оцѣнкѣ тѣхъ данныхъ, которыя должны быть введены въ соціозофическую формулу.

Итакъ, *если станемъ рѣшать практическіе вопросы жизни искусственнымъ путемъ, мнѣнія наши всегда раздѣлятся на одинъ порядокъ, въ которомъ стоимость жизни, о которой идетъ дѣло, будетъ переоцѣнена — это порядокъ либералистическій, и на другой, въ ко-*

торомъ та-же стоимость будетъ недоцѣнена — это порядокъ протекціонистскій.

Вотъ тѣ основанія, которыя дали намъ право заключить, что строеніе собирательной единицы должно распадаться на два типа: одинъ, въ которомъ *требуется большинство, исключающее возможность существованія партій;* типъ этотъ отвѣчаетъ психофизическимъ способностямъ и силамъ внутреннимъ; и другой, въ которомъ мнѣнія идутъ, именно, отъ партій, и что, вслѣдствіе этого, собирательная единица должна состоять изъ *двухъ палатъ, одной обсуждающей и представляющей мнѣнія отъ кружковъ, и другой — рѣшающей большинствомъ, исключающимъ возможность пристрастныхъ рѣшеній.*

Прилагая эти начала къ задачѣ о научно-вѣрныхъ нормахъ строеній выборовъ, мы вынуждены были отстранить и выборы большинствомъ, и выборы единогласіемъ, и непосредственные выборы, устанавливая вмѣсто этого норму, по которой выборы отъ кружковъ—что аналогично съ мнѣніями по даннымъ вопросамъ нижней палаты—подвергаются переоцѣнкѣ и окончательному рѣшенію въ выборномъ комитетѣ, рѣшающемъ большинствомъ, исключающимъ пристрастія, т. е. $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$ и т. д. голосовъ, что аналогично съ рѣшающимъ голосомъ палаты верхней.

Вотъ почему, если желателенъ выборъ одного лица, напр. представителя и т. п., то собраніе изби-

раетъ прежде нѣсколько кандидатовъ на эту должность, и нѣсколько окончательныхъ избирателей, долженствующихъ составить „комитетъ выборный“. Избраніе поименованныхъ кандидатовъ на должность можетъ быть исполнено двоякимъ образомъ: а) безъ голосованія, если кружки общаго собранія распредѣлятся такимъ образомъ, что не будетъ представлено лишнее число кандидатовъ, или же б) съ помощію голосованія, если собраніе раздѣлилось на большее число кружковъ, представляющихъ каждый отъ себя по кандидату, — нежели назначено. Въ послѣднемъ случаѣ, прибѣгаемъ къ голосованію, которое производится такимъ образомъ, что устанавливаемъ прежде число голосовъ, необходимое для избранія. Положимъ, что число это будетъ 30. Потомъ, каждый избиратель записываетъ свой голосъ противъ фамиліи одного изъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными. Лицо, уже получившее 30 голосовъ, изымается отъ дальнѣйшаго голосованія, вслѣдствіе чего избирательскіе голоса распредѣляются между остальными правомѣрными лицами, и, какъ скоро надлежащее число лицъ уже получитъ по 30 голосовъ, то первоначальные выборы считаются замкнутыми. Теперь только, избранные въ выборный комитетъ производятъ окончательный выборъ предсѣдателя изъ числа поставленныхъ кандидатовъ. Для этого выбора необходимо не единогласіе, потому что норма эта воз-

можна только по отношенію къ идеально-совершенной средѣ, но требуется большинство, исключающее возможность существованія партій.

Такимъ-то образомъ получаемъ сочетаніе выборовъ, производимыхъ кружками, съ выборами цѣльными,— единства, защищаемаго демократіею съ свободою, защищаемою аристократіею, — способностей внутреннихъ, основывающихъ наши мнѣнія, съ способностями внѣшними, устанавливающими гарантіи вѣрности этихъ мнѣній.

Остается, слѣдовательно, примѣнить эту норму выборовъ къ избирательской средѣ волостной, уѣздной, губернской и провинціальной.

Въ этомъ отношеніи очевидно:

1) что голосованіе при первоначальныхъ выборахъ тѣмъ желательнѣе, чѣмъ выше мѣстное государственное учрежденіе, котораго они касаются, и

2) что если для окончательныхъ рѣшеній комитета при выборахъ въ волостную сходку достаточно $^2/_3$ голосовъ, то при выборахъ въ высшаго порядка земскіе съѣзды, большинство необходимо большее, т. е. $^3/_4$, $^4/_5$ и т. д.

Вотъ почему, при выборахъ въ центральный сеймъ, а преимущественно въ верхнюю его палату, т. е. въ сенатъ, необходимо въ комитетѣ почти полное единогласіе.

Право избираемости. Если при избирательствѣ — все дѣло въ умѣньѣ оцѣнять людей и въ честности, т. е. въ нравственной самостоятельности, то въ избираемости первенствующее мѣсто занимаетъ соціозофическое образованіе. Другое дѣло — рѣшить, кто способенъ занять тотъ или другой общественный постъ, и другое — быть готовымъ и способнымъ къ исполненію и свѣдущимъ въ сферѣ исполненія этихъ обязанностей. Вотъ почему цензъ избираемости долженъ быть тѣмъ выше, чѣмъ выше учрежденія, въ сферѣ которыхъ должна функціонировать призываемая къ дѣятельности личность.

Скажемъ нѣсколько словъ *объ элементахъ ценза.* Было время, когда заслуги предковъ и т. п. составляли самое лучшее обезпеченіе правоспособности. По мѣрѣ, однако, все лучшаго направленія силъ и вѣрованій, оказывалось, что личность обладаетъ доступными нашей оцѣнкѣ качествами, которыхъ уровень измѣняетъ ея правоспособность. Вслѣдствіе этого, прошедшее старалось отыскать мѣрило этихъ качествъ и силъ, и принимало, въ значеніи этого мѣрила, то уровень образованія, то имущественное положеніе, то наконецъ — честность личности. Очевидно однако, что даже самое надлежащее — философское — образованіе и другія средства дѣятельности не могутъ составлять залога стоимости личности, а не могутъ потому, *что злонамѣренный — безчестный человѣкъ*

чѣмъ сильнѣе, тѣмъ меньшую представляетъ стоимость. Вотъ почему только эквивалентъ правдивости и умѣлости составляетъ ту мѣрку, съ помощію которой можно оцѣнить правоспособность личности.

Мы сказали: эквивалентъ, и обращаемъ на это выраженіе вниманіе читателя, хотя разрабатывать этотъ важный философскій вопросъ, въ рамкахъ настоящаго труда, не можемъ.

Наконецъ, выказанную мѣрку, для удобства и краткости, свести можемъ къ высотѣ и общественныхъ заслугъ, и образованія, и окончательно утверждать, что та степень заслугъ и образованія, которыя необходимы, какъ залогъ нашей правоспособности на данномъ поприщѣ, составляетъ единственно разумный цензъ.

Прибавимъ, что въ виду этого раціональнаго разбора правъ на избирательность, невозможно отказывать женщинѣ въ соотвѣтственномъ активномъ государственномъ поприщѣ.

Упорство, съ какимъ доктрины и практика отказываютъ женщинѣ въ правахъ на активную роль въ государствѣ, имѣетъ свой источникъ, какъ мы уже выяснили, въ хаотическомъ состояніи общественной науки и жизни. Въ виду угрожающаго прогрессу фанатизма и насилія, т. е. въ виду вѣрованій безотчетныхъ и поступковъ безвѣрныхъ, въ виду фальшиваго распредѣленія почвы общественной дѣятельности,

наконецъ, и что самое главное, въ виду того явнаго предпочтенія, какое отдаетъ женщина демократіи и настоящему, передъ аристократіею и будущимъ, — участіе женщины въ государственномъ дѣлѣ считалось и считается угрозою свободѣ отношеній, съ одной, и свободѣ науки — съ другой стороны. А кто-же не знаетъ, что наука и жизнь, неуспѣвшія еще созрѣть, не могутъ составлять здоровой пищи для будущаго, и что, вслѣдствіе этого, третируемыя въ значеніи этой зрѣлой пищи, т. е. какъ нѣчто уже правильно-сложившееся вѣрное и недопускающее новыхъ опытовъ, т. е. свободы, сдѣлались-бы отравою будущаго. Вотъ почему, торжество мужчины и свободы — это единственный якорь спасенія для доживаемой нами эмбріональной эры развитія. Но какъ скоро первые лучи эры торжества философіи, эры познанія жизненной правды уже мелькаютъ передъ недоумѣвающими нашими взорами, какъ скоро, плодъ многовѣковой цивилизаціи, подъ огнемъ человѣческаго ума и сердца, начинаетъ уже созрѣвать, то защита государственныхъ правъ женщины становится дѣломъ первостепенной важности.

Если, слѣдовательно, юридическое вліяніе женщины,—до разрѣшенія соціозофической задачи, до отысканія *основной аксіомы междучеловѣческихъ отношеній, которая гласитъ, что надлежащіе исходы этихъ отношеній регулируются правовою стоимостію сторонъ*, — могло-бы угрожать наукѣ и жизни въ ихъ стремле-

ніи къ истинѣ, то теперь ея отсутствіе на государственномъ поприщѣ угрожало-бы возможности осуществленія истины. Дѣло мужчины—это дѣло агрессивной борьбы съ тайною и насиліемъ. Дѣло это, съ научной стороны, надѣемся, viribus unitis, нетолько разрѣшить, но даже провести. Останется, слѣдовательно, сторона осуществленія, сторона, соотвѣтственнаго съ указаніями науки, устроенія жизни; а здѣсь-тобезъ талантовъ и силъ женщины, подвинуться впередъ невозможно.

Итоги по вопросу о мѣстныхъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Итакъ, мы прослѣдили въ главныхъ чертахъ механизмъ строенія и дѣятельности мѣстныхъ государственныхъ учрежденій, т. е. установили почву сочетанія, какъ бюрократіи съ представительнымъ элементомъ, такъ равнымъ образомъ мѣстныхъ учрежденій съ центральными. Внѣ этого, основаннаго на научныхъ началахъ, сочетанія возможна только призрачная власть одной изъ сторонъ или же взаимная помѣха и ошибка обѣихъ.

Трудно утверждать, что существуютъ общественныя заботы, въ которыхъ волость не подлежитъ контролю уѣзда, уѣздъ контролю губерніи и т. д. Вотъ почему, въ случаѣ разногласія между съѣздомъ и центральнымъ представителемъ, т. е. старшиною,

исправникомъ, губернаторомъ и намѣстникомъ, этотъ послѣдній имѣетъ право аппелировать въ *послѣдовательно*-высшее установленіе; но автономность государственныхъ частей, насколько она не идетъ въ разрѣзъ съ основами законодательства и положенія, спасается тѣмъ, что споръ рѣшается не абсолютнымъ veto, а аппеляціею, и не аппеляціею въ центральныя, а въ послѣдовательно-высшія установленія.

Наконецъ, очевидно, что легче отстоять присущую долю автономіи, распоряжаясь законодательнымъ учрежденіемъ, нежели оставаясь въ исполнительной и строго зависимой, непосредственно отъ центральной власти, роли.

Это право на мѣстное законодательство рѣдко признаютъ даже за провинціей, въ то время, когда не подлежитъ сомнѣнію, что въ сферѣ научнаго строенія, какъ центральной, такъ мѣстной власти, даже законодательство волости не угрожаетъ государственному единству и прогрессу.

Вотъ, слѣдовательно, тѣ вѣрные пути, съ помощію которыхъ достигаемъ и надлежащей автономности представительнаго элемента по отношенію къ бюрократіи, и автономности составныхъ государственныхъ частей по отношенію къ цѣлому.

Оставалось-бы разсмотрѣть нѣсколько ближе строеніе исполнительнаго отправленія мѣстныхъ государственныхъ учрежденій, т. е. строеніе аналогическихъ съ

центральными министерствами, административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ сферъ; но мы объ этомъ предметѣ уже сказали нѣсколько словъ и считаемъ это для общей цѣли настоящаго нашего труда достаточнымъ.

Итакъ, невозможно 1) смѣшивать законодательныя учрежденія волости, уѣзда, губерніи и намѣстничества съ учрежденіями исполнительными, 2) разъединять поприще бюрократіи и представительства, 3) отдѣлять земство отъ государства и 4) принимать за одно и то же — учрежденія земскія съ учрежденіями свободы, *которыхъ нигдѣ еще нѣтъ!*

КОНЕЦЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

ЧАСТЬ I.

Предварительныя изслѣдованія 1

Глава I. Авторитетъ науки и событій въ дѣлѣ междучеловѣческихъ отношеній. 3
„ II. Элементы общественности, государственности и товарищества 14
„ III. Вліяніе руссинской народности на государственный строй бывшей Польши 24
„ IV. Вліяніе польской народности на государственный строй Россіи 65

ЧАСТЬ II.

Общія основы государства 85

Глава V. Источникъ государственной власти 87
„ VI. Практическое значеніе двухъ элементовъ власти . . . 108
„ VII. Типы государственныхъ строевъ 118
„ VIII. Сфера государственной дѣятельности 137
„ IX. Неисключимость автократическаго и представительнаго элементовъ на всѣхъ поприщахъ центральной и мѣстной дѣятельности власти 160
„ X Два пути сочетанія воли престола съ волею общества . 215

БИБЛИОТЕКА

стр.

ЧАСТЬ III.

Прикладныя основанія научныхъ государственныхъ строевъ. 233

Глава XI. Непригодность западныхъ статутовъ и до-революціонныхъ порядковъ 236
„ XII. Соціозофическія аксіомы 257
„ XIII Исторіозофическія изслѣдованія по вопросу о научномъ строеніи сеймовой единицы. 281
„ XIV. Юридическая почва единенія воли престола съ волею народа 336

ЧАСТЬ IV.

Почва сочетанія центральной и мѣстной государственной дѣятельности 384

Глава XV. Исторія отношеній между центральными и мѣстными государственными учрежденіями 385
„ XVI. Научныя строенія мѣстныхъ государственныхъ учрежденій: волости, уѣзда, губерній и намѣстничества . . 397
Законодательная сторона мѣстныхъ государственныхъ учрежденій: а) ихъ составъ, б) сфера вѣдомства, в) строеніе мѣстнаго законодательства, г) право избирательства, д) строеніе мѣстныхъ выборовъ, е) право избираемости 401
Итоги по вопросамъ: а) о строеніи мѣстныхъ государственныхъ учрежденій и б) о сочетаніи стройности государственнаго организма съ автономностію его частей. 420

ЧАСТЬ III.

Прикладныя основанія научныхъ государс

Глава XI. Непригодность западныхъ статутов
ныхъ порядковъ . . . . . .
„ XII. Соціозофическія аксіомы . . . . .
„ XIII. Исторіозофическія изслѣдованія по
строенію сеймовой единицы. . . . .
„ XIV. Юридическая почва единенія воли
народа. . . . . .

ЧАСТЬ IV.

**Почва сочетанія центральной и мѣстной
дѣятельности . . . . . .**

Глава XV. Исторія отношеній между центра
государственными учрежденіями
„ XVI. Научныя строенія мѣстныхъ госу
деній: волости, уѣзда, губерній и
Законодательная сторона мѣстны
учрежденій: а) ихъ составъ, (
в) строеніе мѣстнаго законодате
рательства, д) строеніе мѣстны
избираемости . . . . . .
Итоги по вопросамъ: а) о строе
ственныхъ учрежденій и б) о с
сударственнаго организма съ ав

БИБЛИОТЕКА